

ПИСАТЕЛЬНИЦА, ЧЬИ КНИГИ ЗАВОРОЖИЛИ ВСЕГДА МИР

Джоанн Харрис

НЕБЕСНАЯ
ПОДРУГА

Annotation

В тот день, когда Элис случайно забрела на старое кладбище и увидела могильный камень с именем Розмари Вирджинии Эшли, она ощутила лишь смутную тревогу. Когда же у нее в доме поселилась юная красавица Джинни, Элис поняла: в ее судьбу вторглось нечто крайне загадочное и чрезвычайно опасное. Среди вещей постоялицы она обнаружила старый дневник человека, который однажды попал под чары некой Розмари; эта роковая связь превратила его жизнь в ад и в конце концов погубила его. И вот теперь, похоже, история сорокалетней давности готова повториться...

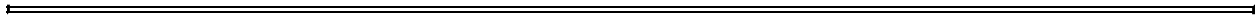
От автора знаменитого «Шоколада».

Впервые на русском языке.

- [Джоанн Харрис](#)
 - [Благодарности](#)
 - [Предисловие автора](#)
 - [Часть первая](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Пролог](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Три](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)

- [Один](#)
 - [Один](#)
- [Часть третья](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Один](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Один](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
- [Часть четвертая](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Два](#)
 - [Один](#)
 - [Один/Два](#)
 - [Один](#)
 - [Два](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)

Джоанн Харрис
Небесная подруга

Благодарности

Всем, кто помогал воскресить эту книгу из мертвых. Редактору Франциске Ливерсидж, Холли Макдональд – автору художественного оформления. Моему героическому агенту Питеру Робинсону. Люси Джордан и Люси Пинни, Дженнифер и Пенни Лютлен. И как обычно, всем энтузиастам, сотрудникам издательств книготорговых фирм, неустанно работающим для того, чтобы мои книги стояли на полках. Я также благодарна множеству читателей, которые настаивали на новой публикации этого романа. Без вас ее бы не было.

Предисловие автора

Копаться в прошлом опасно. Там можно найти немало хорошего, но в детстве мое воображение привлекали именно опасности: проклятие фараоновой гробницы, предметы, украденные из развалин храма майя, несмотря на предостережения древних, и несущие в себе катастрофу для мира, или затерянный город, хранимый призраками мертвых. Возможно, как раз поэтому книга, написанная так давно, что я считала ее надежно погребенной под спудом, преследовала меня и требовала выхода в свет, а заинтересованные читатели просили о переиздании.

Небольшой экскурс в историю. Прежде всего позвольте уточнить, что у меня не было намерения хоронить свою книгу. Само время сделало это. Я начала писать ее в двадцать три года и, сажая семя, совершенно не представляла, что из него вырастет.

Окончив обучение в Кембридже, я работала учителем-практикантом и жила со своим бойфрендом (впоследствии мужем) в шахтерском городке близ Барнсли. У нас было семь кошек, но ни центрального отопления, ни мебели – только кровать, ударная установка и нескольких книжных полок. Мой компьютер имел всего пятьсот байт оперативной памяти и весьма капризный нрав. Соседи называли нас «хиппи», потому что я расписала стены психоделическими фресками с помощью акриловых и масляных красок. Я сама сшила лоскутные занавески и отремонтировала ванную. Кабинетом мне служила спальня наверху – что-то вроде гнезда, откуда открывался вид на весь поселок: дома, мостовые, дворы, поля в отдалении. Казалось, там всегда туманно. Я ездила на древней «воксхолл вива» по прозвищу Кристина (в честь героини Стивена Кинга). Еженедельно машина ломалась.

Оглядываясь назад, я совершенно не понимаю, как отважилась взяться за перо. В кабинете стоял жуткий холод, от маленького газового нагревателя было больше вони, чем тепла, и работать приходилось в перчатках – цветных, без пальцев. Может быть, я считала, что это романтично. Мой предыдущий роман «Ведьмин свет» отвергли множество издательств. Наверное, самая упорная, настойчивая (и самая сильная) часть меня приняла это как вызов. Так или иначе, я начала писать «Небесную подругу» – «эту ужасную книгу», как говорила моя мать, – и идея развивалась, пока не воплотилась в жизнь и не привлекла внимание литературного агентства, в конце концов заключившего со мной контракт.

Разумеется, я понятия не имела, во что ввязываюсь. Я не была знакома с миром литературы, не имела ни связей, ни друзей в книжном бизнесе. Я никогда не изучала искусство письма, даже не входила в литературные кружки. Я не строила никаких долговременных планов, не думала о коммерческом успехе. Это была просто игра – могу ли я? Все писатели играют в нее, следуя за путеводной красной нитью по извилистым тропинкам сквозь лес, чтобы увидеть, куда она приведет.

Меня она привела в Кембридж. Я знала этот город, и он представлялся идеальным фоном для истории о призраках, которую я хотела написать. Идея возникла еще в студенческие времена. Однажды в Гранчестере я заглянула на кладбище и увидела необычное надгробие с надписью: «То, что во мне, помнит и никогда не забудет». С этой фразы и этого странного надгробия, похожего на дверь, началась моя история.

Замысел был грандиозным, стиль – экспериментальным. Мне не хватало опыта, чтобы обрести свой собственный голос, и я решила вести рассказ «на два голоса»: от лица Дэниела Холмса, человека средних лет, и более традиционно – от третьего лица. Все главы я пометила: «Один» и «Два», чтобы разделить два времени действия – современность и годы после Второй мировой войны. Я писала историю о вампирах, не упоминая этого слова; историю о призраках без призраков; роман ужасов, в котором обыденное оказывается страшнее мифологического. Но это был не просто роман ужасов. В нем говорилось еще и о соблазне, об утраченной дружбе, об искусстве, безумии, любви и предательстве. Я выбрала вычурную структуру – слишком вычурную для романа ужасов. Но я вообще не задумывалась о жанре, когда писала. Я пыталась воспроизвести атмосферу готического романа XIX века в наши дни, в современном стиле. Издатели хотели новую Энн Райс. Я должна была понимать, что с моей книгой будут проблемы.

Она вышла несколько лет спустя, в жуткой черной обложке. Название («Помни») пришлось сменить – редактор счел, что оно больше подходит для любовного романа. Новое заглавие до сих пор вызывает у меня сомнения. И все же ничто не сравнится с видом твоей первой опубликованной книги. Я бродила по книжным магазинам, пытаюсь навести на нее покупателей, и время от времени перетаскивала экземпляры из раздела ужасов в раздел художественной прозы.

Конечно, это не настоящая литература. Всего лишь фантастическое сочинение юного автора, которому еще предстоит найти свой стиль. В лучшем случае героическая неудачная попытка. В худшем – нечто претенциозное и многословное. Я долго сопротивлялась требованиям

читателей переиздать «Небесную подругу» – возможно, из-за суеверия, опасаясь чего-то вроде моего личного «проклятия мумии». Но, заглянув в эту гробницу, я обнаружила, что роман странным образом оправдывает собственное существование. Даже если это лишь героическая неудача, моя первая книга дорога мне, невзирая на пролетевшие годы и смену стиля. Она по-прежнему вызывает отклик – то, что я считала мертвым и глубоко погребенным, вполне готово вернуться к жизни. Я не знаю, как читатели воспримут ее. Студенты, изучающие литературу, могут оценить развитие автора за двадцать лет проб и ошибок. Другие просто прочтут и, надеюсь, получат удовольствие.

Мой внутренний редактор заставил меня внести в текст несколько изменений. Честное слово, их немного, сюжет остался в неприкосновенности, но я не удержалась и смахнула паутину в коридорах. Так что читайте надпись над дверью, прежде чем решитесь последовать за мной. Надпись на латыни (а может, иероглифами) гласит примерно следующее: «Осторожно! Здесь могут встретиться вампиры!»

Теперь входите. И не говорите, что я не предупредила.

Часть первая

Нищенка

Предисловие

Прозерпина задумчиво и печально смотрит на что-то, находящееся за пределами картины. Ее лицо и руки на полотне темном и узком, как гроб, поразительно бледны, глаза бездонны, словно преисподняя, губы окрашены кровью. Она прижимает к груди гранат, позабыв о нем, и золотистое совершенство плода испорчено кровавым надрезом, разделившим его пополам, – свидетельство того, что Прозерпина уже отведала гранат и утратила свою душу. Обреченная проводить половину каждого года в Подземном царстве, она тоскует, глядя на далекое солнце, отблески которого играют на увитой плющом стене.

Нас убеждают в это поверить.

Но у нее, царицы Подземного царства, множество обликов, в этом ее власть и ее очарование. Она стоит, бледнее фимиама, и свет квадратом обрамляет ее лицо, не касаясь кожи. Прозерпина сияет собственным блеском, ее поза выражает вековую усталость, но исполнена силы, берущей начало в ее неуязвимости. С ней невозможно встретиться взглядом, она упорно глядит куда-то за ваше левое плечо, на кого-то другого – возможно, на еще одного избранного, обреченного на ужасное блаженство ее любви. Плод в руке Прозерпины ал, как ее губы, как сердцевина граната. И кто знает, какие страсти, какие восторги таятся в этой алой плоти? Какие неземные наслаждения сокрыты до поры в этих зернах?^[1]

Дэниел Холмс. Небесная подруга

Пролог

Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните.

У. Шекспир. Гамлет (Перевод М. Лозинского)

В детстве у меня было много игрушек. У родителей хватало денег, чтобы покупать их, но я вспоминаю до сих пор лишь одну игрушку – поезд. Не заводной и даже не тот, что надо тянуть за собой на веревочке, а настоящий: он летел вперед сам, оставляя за собой шлейф белого пара, все быстрее и быстрее стремился к недостижимому пункту назначения. Это была юла с красным дном и прозрачным целлулоидным верхом, под которым крутился и сверкал, как драгоценность, целый мир: крохотные изгороди и дома, нарисованный край ясного, ослепительно синего неба. Когда я жал на рукоятку («Будь осторожен, Дэнни, не раскручивай юлу слишком сильно!»), из тоннеля, дымя трубой, выезжал состав, похожий на уменьшенного с помощью колдовства и посаженного под стекло дракона. Сначала он двигался медленно, но постепенно набирал скорость, пока дома и деревья не сливались в одну сплошную линию, а скрип юлы не тонул в триумфальном свистке паровозика, как будто тот пел от счастья, приближаясь к цели.

Мама, конечно, говорила, что если слишком быстро вращать юлу, она сломается (и я всегда был осторожен, на всякий случай). Но я верил: однажды, стоит мне потерять бдительность, отвлечься хотя бы на миг, поезд сможет добраться до своего таинственного, недостижимого пункта назначения и – как белка, вдруг выпрыгивающая из колеса, – вылететь в реальный мир. Тогда сверкающий огнями и разбрасывающий искры монстр ворвется в мою тихую детскую, чтобы отомстить за столь долгое заточение. Возможно, игрушка так нравилась мне еще и потому, что я знал: поезд – мой пленник и ему не сбежать, ведь я всегда начеку и могу наблюдать за ним, когда захочу. Небо, изгороди, безумная гонка принадлежали мне целиком, я приводил этот мирок в движение и останавливал по собственному желанию – потому что был осторожен, потому что был умен.

А может быть, и нет. Не припомню, чтобы в детстве я отличался капризностью. И уж точно не имел болезненных склонностей. Это Розмари сделала меня таким – она сделала такими всех нас. Она снова превратила

нас в детей, она высилась над нами, как злая ведьма из пряничного домика, а мы бегали по кругу, словно поезда под целлулоидной крышкой, пока она смотрела, улыбалась и нажимала на рукоятку, раскручивая свою юлу.

Мысли мои путаются; плохой признак, как морщины вокруг глаз и проплешина на макушке. Это тоже вина Розмари. Когда священник произнес: «Прах к праху», я оглянулся и вдруг увидел ее – она стояла под рябиной, глаза смеялись. Если бы посмотрела на меня, я бы, наверное, закричал. Но она смотрела на Роберта.

Роберт был бледен, в тени шляпы его лицо казалось осунувшимся и испуганным, но не потому, что он тоже видел Розмари. Ее заметил только я, и через секунду она исчезла; одно движение, перемена света, и я не различил бы ничего. Но я заметил. Вот поэтому и пишу вам – вам, в будущее за гранью могилы. Я хочу рассказать о себе, о Роберте и Розмари... да, о Розмари. Потому что она все еще помнит, понимаете? Розмари помнит.

Стоял прекрасный день, свежий и по-осеннему ясный. Землю устилали яркие листья, а небо было таким же круглым и голубым, как то, под которым много лет назад ездил мой паровозик. Людей пришло немного – я, Роберт, еще кто-то; все в черном, лица – расплывшиеся пятна в солнечном свете. В моей памяти остался лишь Роберт, бледный и нелепый от горя. Мне было больно на него смотреть.

«Только белые цветы» – гласило объявление в «Кембридж ньюс». В тот день сотни белых цветов, лилии, розы и огромные мохнатые хризантемы, покрыли место погребения и тропинку, увенчали опущенный в землю гроб. Но их ошеломляющие ароматы не могли заглушить запах могилы, и когда священник произнес последние слова заупокойной службы, я отпрянул от разверстой ямы, как от края пропасти. Я скверно себя чувствовал, но голова была странно легкой. Может быть, из-за цветов.

Роберт выбрал для Розмари прекрасное место – в отдаленной части кладбища, справа у стены, где сплетались ветви рябины и раскидистого тиса. Дерево смерти росло рядом с деревом жизни, их яркие ягоды смеялись над людской скорбью, словно деревья заключили союз с ясностью дня и в честь похорон оделись в самые радостные цвета. Я подумал, что летом тут будет хорошо – тень, зелень и тишина. Болиголов и другие высокие травы скосили, чтобы расчистить площадку для могилы, но они вырастут снова.

«Вырастут снова».

Эта мысль меня встревожила, но я не мог понять почему. Пусть себе растут, пусть заполнят это тихое место, пусть навеки скроют и могилу, и надгробие, и саму память о Розмари, пусть из ее незрячих глаз взойдут цветы. Если бы на этом все закончилось, думал я. Если бы можно было все забыть. Но Роберт, конечно, будет помнить. Ведь он ее любил.

Впервые Розмари появилась в нашей жизни весной 1947 года. Я шел над водосливом по мосту Магдалины – мы с Робертом собирались встретиться в кафе и пойти в библиотеку. Мне было двадцать пять лет, я оканчивал университет и писал диплом о прерафаэлитизме (весьма опороченное на тот момент времени течение в изобразительном искусстве, которое я надеялся снова ввести в моду). Я жил в мире книг и абсолютных истин, что вполне подходило для моей замкнутости и некоторой одержимости. В Кембридже царил покой, как и в минувшие столетия, –

идеальное место для занятий, для погружения в себя вдали от прогресса и его шумных достижений. Я жил в прошлом и был там счастлив.

У меня был хороший друг, отличное жилье возле Гранчестер-роуд, отец давал достаточное содержание, к чему добавлялась стипендия от факультета. Я предполагал, что по окончании докторантуры буду читать лекции в университете и, возможно, останусь в колледже Пембрук у моего наставника, доктора Шейкшафта, возлагавшего на меня большие надежды. Жизнь моя была распланирована так же четко, как сады и лужайки Кембриджа, и мне не приходило в голову подвергать этот план сомнению или надеяться на что-то большее.

В то утро солнце сияло золотом, отражаясь в сводчатых окнах колледжа Магдалины, и я чувствовал себя на седьмом небе. Спеша через мост, я начал тихо напевать, как вдруг мое внимание привлек шум. Я остановился.

Иногда я размышляю: что, если бы я не обратил внимания на этот звук, если бы прошел по мосту, не оглянувшись? Но куда там! Она слишком хорошо все рассчитала. Понимаете, я отчетливо слышал, как что-то падает в реку – точно, не ошибешься.

Была весна, вода в реке стояла высоко. В сотне ярдов бурлил водослив, упадешь туда – мигом затянет в шлюз. Поэтому плавать на лодках с той стороны от моста запрещалось, хотя глупец, способный на такое, вряд ли нашелся бы. Я застыл, отыскивая взглядом бревно, разбитую лодку или другой плавающий мусор, ставший источником звука. И тут увидел ее – бледное лицо, провалы глаз, вздущееся вокруг тела светлое платье; все черты смазаны, размыты, будто она уже была призраком.

Я окликнул ее и увидел, как качнулась в потоке воды голова, словно усталый ребенок приник к подушке. Ни отзыва, ни взмаха руки, ничего. Я даже подумал, что она мне чудится, настолько нереально все выглядело. Но тут же осознал, что это не совпадение, не видение, а несчастная женщина, которую от ужасной смерти отделяет лишь полминуты, и я один могу ее спасти. Я побежал – она знала, что побегу! – на ходу избавляясь от пальто, пиджака и ботинок, а очки свалились сами. Я задыхался и кричал: «Остановитесь! Эй! Мисс! Сударыня!» – и не отводил от нее взгляда. Я спрыгнул с набережной в нескольких футах ниже по течению и сразу окоченел от холода. Река неторопливо несла девушку ко мне. Мои босые ноги коснулись придонного ила – по крайней мере, место было не самое глубокое. Вскоре я дотянулся до нее, ухватился за платье и сжал пальцы, как тиски. Тонкая ткань порвалась, но я уже крепко держал девушку, почти потерявшую сознание, и отчаянно пытался выбраться на берег. Не знаю,

долго ли это длилось и как мне удалось справиться – я никогда не был человеком действия, но в те дни мне помогали молодость и невежество, так что кое-как, цепляясь за неровную кирпичную облицовку набережной, я сумел вытянуть нас обоих в спокойную воду. Сначала я вытолкнул из реки ее, потом вскарабкался сам и какое-то время лежал, дыша тяжело и прерывисто, из носа шла кровь. Женщина замерла в той же позе, как я ее оставил, голова запрокинута, руки разбросаны, но веки подрагивали и дыхание было ровным. «Она же замерзла!» – спохватился я, принес пальто, которое валялось первым в ряду моих брошенных на берегу вещей, и кое-как натянул ей на плечи – теперь, когда опасность миновала, я боялся коснуться ее, словно она могла рассердиться за фамильярность.

Меня поразила ее красота.

В то время в Кембридже хватало красивых женщин. Их можно было встретить в театре, на приеме, на балу, они гуляли рука об руку со своими кавалерами в парках или катались на лодках по реке. Но эта девушка с первого взгляда показалась мне гостьей из иного столетия. Она была изящна и полупрозрачна, как тончайший фарфор, трагически бледна и нежна. Высокие скулы, полные губы, детские черты лица. Я предположил, что волосы у нее окажутся рыжими, когда высохнут. Но ее красота заключалась не в этом. Она была искрящейся, сияющей, надменной, словно уродство существовало лишь для того, чтобы оттенять ее. Такие женщины и в лохмотьях становятся только милее; наверное, король Кофетуа^[2] думал о том же, когда глядел на нищенку.

Женщина открыла глаза – серые, почти лиловые. Пустота в них при взгляде на меня сменилась исступлением, поразившим мое сердце.

Она прошептала:

– Я не умерла?

– Нет, вы не умерли, – бездумно ответил я. – Все будет хорошо.

Разумеется, тогда я еще ничего не знал. Я сказал это, просто чтобы ее успокоить. Но хорошего больше не было – ни в тот день, ни потом.

Полосатая кошка запрыгнула на колени к Элис, словно напоминая, что та уже полчаса сидит в кресле и ничего не делает; пора бы потрудиться. Вдохнув, Элис поцеловала Кэт в мохнатую мордочку и опустила на пол.

Кошка мяукнула и перекатилась на спину, полосую когтями воздух. Элис усмехнулась и перевела взгляд на свой набросок: спящая кошка, тело и лапы очерчены уверенными карандашными штрихами, детали наполовину прорисованы коричневой тушью.

Неплохо, подумала она, особенно если учесть, что Кэт и минуты не сидит на месте. Но это все равно не серьезная работа. Уже полгода Элис не рисовала ничего стоящего; надо снова браться за дело. После прошлогодней успешной выставки в галерее Кеттлс-Ярд с ней заключили выгодный контракт на создание иллюстраций для серии детских сказок, но вдохновение давно иссякло, и в этом году выставлять почти нечего. Ну, так уж сложилось. Картины – хорошие, разумеется, – требуют времени и размышлений, а идеи или есть, или их нет. Не стоит об этом сейчас беспокоиться, беспокойство тут не поможет.

Элис покосилась на три конверта официального вида, пришпиленных к доске для записок, и вздохнула. Даже издали на одном из них выделялся пышный цветочный логотип «Красной розы». Вот откуда берутся деньги. Журналы. Подростковые романы. Именно благодаря им Элис избавилась от необходимости делить квартиру в самом конце Милл-роуд с парой соседей и требовать денег от родни.

Внезапно ее затопила волна яростной обиды, и она резко развернулась к окну. «До чего я дожила? До иллюстраций к бульварным романам? Я заслуживаю большего». После «Страсти к неизведанному», той выставки в Кеттлс-Ярд, у нее был захватывающий проект «Кельтские сказания», а потом... Элис пожала плечами. Нет смысла сидеть дома и злиться.

Она надела свитер к джинсам и влезла в старые разношенные кроссовки. Незаконченный набросок приколот к доске для записок, провела по коротким каштановым волосам пальцами вместо расчески и, приготовившись таким образом к встрече с внешним миром, вышла на залитую солнцем улицу. От тепла и смешанного аромата желтофиоли и магнолий настроение разом улучшилось, и она глубоко вдохнула сладкий воздух.

Так получилось, что Элис давно не гуляла по Кембриджу. Странно,

подумала она, ведь когда мы с Джо там учились, нам всегда нравился центр города с его магазинами, небольшими галереями, булыжными мостовыми и липами. Все это ушло в прошлое. О Джо лучше не думать. Лучше не вспоминать его так ясно, не воображать, что он стоит рядом, держа руки в карманах, и разглядывает витрину. Лучше совсем о нем не вспоминать.

Накатило уныние. А все потому, что вспомнила Джо, сказала себе Элис. Да еще жара и кембриджская толпа, все эти люди с их фотоаппаратами, их галстуками разных колледжей, их непрочным товариществом.

Любимое кафе находилось рядом, за углом. Элис нашла себе место у окна и сначала хотела заказать «Эрл Грей», но вместо этого выбрала горячий шоколад со сливками и большой кусок шоколадного торта. От шоколада ей всегда становилось легче.

В «Медном чайнике» было хорошо. Студенткой Элис сидела тут часами, пила чай, предавалась мечтам и наблюдала за толпой. Расположившись у того же самого окна, выходящего на ту же самую улочку, вдыхая табачный дым, запахи шоколада и старой кожи, Элис смотрела на Кингс-парад, на сверкающее под солнцем белокаменное здание Сената, на золотистый фасад Королевского колледжа, на кирпичные стены колледжа Святой Екатерины. В Кембридже был особенный свет, больше Элис нигде такого не видела – теплый, спокойный, золотой, он переливался над вздымавшимися в небо шпилями и сонными садами, как на пейзаже Дали. Такой красивый город, подумала Элис; город иллюзий, призраков и видений. Даже студенты с их разговорами казались беззаботными, как будто, несмотря ни на что, знали: они здесь временно, они – лишь сны этих древних, почти живых камней.

Глядя на юнцов, Элис ощущала себя старухой. Она вспоминала свои студенческие годы. Тогда она была стройнее, с длинными непокорными волосами, носила обрезанные джинсы и безумные пуловеры, индийские юбки и бусы. Ездила на велосипеде под дождем. Тайком ускользала ночью после того, как ворота колледжа запирались. Спала с Джо на его узкой кровати. Элис попыталась вспомнить: чувствовали ли они тогда поступь судьбы? Мимолетность быстротекущего времени? Преследовало ли ее ужасающее осознание смерти?

Она закрыла глаза и постаралась ни о чем не думать.

Внезапно в приглушенном бормотании многочисленных посетителей кафе она выделила знакомый голос и от удивления открыла глаза, а внутри ее как будто натянулась струна. Элис прекрасно знала этот северный акцент и помнила, как они сидели тут, в «Медном чайнике», и Джо рассказывал о

своих многочисленных увлечениях – о Жако Пасториусе, о Рое Харпере^[3] и о том, как изменит мир марксизм...

Она оглянулась, чтобы проверить, не померещилось ли. Элис не видела этого человека три года. С тех пор, как они расстались. Смешно, но при воспоминании об этом она до сих пор чувствует себя виноватой. Смешно, но она оборачивается украдкой, словно Джо и вправду стоит за спиной. А если даже и так? Наверное, он с девушкой.

Элис почти убедила себя в том, что ослышалась, что это вовсе не его голос, и тут наконец увидела Джо за угловым столиком. Знакомое лицо, знакомый наклон головы, выражающий внимание к собеседнику, сигарета в руке, плечи сутулятся, волосы беспорядочно падают на узкое лицо, голубые глаза блестят за стеклами круглых очков. Он снова закурил, подумала Элис, вспоминая запах его сигарет, который пропитывал одежду и волосы.

Ее сердце сжалось. Он был не один. С ним сидела девушка, и, хотя ее лицо скрывала тень, Элис разглядела стройную фигуру, изящный изгиб ключиц и ярко-рыжие волосы. «А чего я ожидала? – подумала она. – Конечно, он нашел другую. Ведь столько времени прошло...»

Элис отодвинула стул и встала, но снова услышала голос Джо, и струна внутри снова натянулась.

Она не различала слов – интонаций было достаточно. Дым от сигареты скрывал его лицо, придавая чертам тревожную прозрачность. В полумраке ей почудилось, что он улыбается.

Воспоминания всплыли из глубин памяти и закружились, как разворошенные сухие листья на ветру. Заполненное посетителями маленькое кафе внезапно показалось недостаточно людным, и Элис выскользнула на залитую солнцем улицу, стараясь не попасться Джо на глаза. Она ненавидела себя за то, что прошлое по-прежнему волнует ее. Не желая этого признать, она раздраженно ускоряла шаг и почти не удивилась, когда через час обнаружила, что добралась до самого Гранчестера. Пешие прогулки всегда помогали справиться со стрессом. После расставания с Джо она прошагала немало миль. Элис сбавила темп и огляделась.

Она стояла перед церковным кладбищем. Над деревьями возвышалась круглая башенка. Несмотря на частые прогулки, Элис плохо знала Гранчестер, и эта небольшая церковь, окруженная тенистыми деревьями, привлекла ее внимание. Трава перед зданием была аккуратно подстрижена, могилы ухожены. Двор окружала прочная вековая стена. Между надгробными камнями и памятниками вилась тропинка, подходившая к каждой могиле, как добрый друг. Элис прошла по дорожке, читая надписи на надгробиях. Некоторые оказались на удивление старыми – под одним

деревом она нашла могилу с датой «1690», хотя остальные были ближе к современности. С другой стороны от церкви Элис обнаружила второе кладбище, скрытое в тени ветвей – там росли кедры и апельсиновые деревья. Белка пробежала по тропинке и увитой плющом стене. Элис пошла за ней. В конце дорожки виднелась арка с полуоткрытой дверью, ведущая на третье кладбище – более новое, отделенное от дороги каменной оградой и пока еще полупустое.

Порой случай приводит людей прямо туда, где им нужно быть. В другое время события переплетаются, словно нити в полотне, накладываются друг на друга, и общий план искажается; так на изнанке гобелена ровные линии рисунка стягиваются и превращаются в изломанные странные границы, соединяющие героя и злодея, сливающие воедино небо и море. Потом Элис вспоминала тот день и каждый раз убеждалась: именно там, на кладбище, все и началось. С того мгновения, как она увидела приоткрытую дверь, каждое ее движение, каждая ее мысль были учтены и стали частью чего-то огромного и древнего, гораздо старше ее самой. Портной из Глостера в книжке Беатрис Поттер чуть не потерял все, что имел, из-за мотка шелковой пряжи вишневого цвета, из-за единственной нитки, без которой не мог закончить вышитый камзол для мэра. Впоследствии, когда ход событий прояснился, перед мысленным взором Элис вытянулась длинная шелковая нить, ведущая к той двери – на другую сторону картинки, где нет правил, где нечто готово пробудиться к жизни.

Разумеется, тогда у нее не было подобных мыслей. Они появились позже, вместе с Джинни и Джо. А в тот день она просто толкнула дверь и ступила на кладбище, где царили мир и покой. Могилы содержались в порядке, их окружали кусты и цветущие деревья. Два надгробия покосились и наполовину ушли в землю, но не выглядели заброшенными, а походили на усталых, полных достоинства стариков, присевших на траву. На других могилах росли цветы – наверное, за ними ухаживали родственники. О да, это было приятное место.

У самой стены Элис увидела цветущую рябину и темный по сравнению с ней тис, а между ними – надгробие, заросшее зеленью. Захотелось узнать, чью это могилу, прикрытую плющом, так красиво, словно специально посаженные, обрамляют два дерева.

Элис подошла ближе. Имени она не увидела, но по изяществу памятника предположила, что здесь похоронена женщина. Плиту венчала простая скульптура – полуоткрытые ворота, свободно болтающиеся на петлях, с надписью: «То, что во мне, помнит и никогда не забудет». Элис

потянула в сторону стебли плюща, чтобы рассмотреть надгробие целиком. Корни уходили глубоко, но они высохли и легко вывернулись из земли, открыв буквы в изножье плиты: «Розмари Вирджиния Эшли. Август 1948». Могила оказалась более современной, чем можно было подумать.

Элис искала еще – не написано ли там, была ли Розмари замужем, от чего умерла, кто пообещал никогда не забывать ее, возлюбленный или супруг? Но больше ничего не нашла и вернула на место сдвинутый плющ. Она решила, что неправильно оставлять могилу открытой, словно рана.

Задумавшись, Элис перекладывала сухие плети и в первый момент не обратила особого внимания на небольшой металлический предмет, попавшийся под руку среди листьев. Сначала она приняла его за кольцо от банки кока-колы – предмет был легким и острым по краям, с маленьким отверстием, как будто этот кусочек металла должен к чему-то крепиться. Наросший мох не помешал прочесть надпись: «Розмари. На память».

Сердце забилось быстрее. Конечно, это не совпадение, а та самая Розмари. Ее подвеску оставили на могиле после погребения. Может быть, прицепили к венку или букету. Находка сделала образ загадочной покойницы более реальным и более печальным. Элис поколебалась, не вернуть ли подвеску на могилу, потом пожала плечами и положила ее в карман, не задумываясь над тем, что делает, и не ища объяснений; точь-в-точь как кот, который стащил последнюю шелковую нить вишневого цвета у Портного из Глостера.

Придя домой, Элис заварила чай и взяла чашку в кабинет (стол, стул, мольберт, проигрыватель и кипа пластинок, окно выходит на север), вытащила из плотно набитого стенного шкафа бумагу для акварелей и принялась за работу. Ее увлекла идея, пришедшая в голову по дороге из Гранчестера, и вот теперь замысел воплощался, линия за линией, ясно и четко. Штрихи становились толще, и рисунок приобретал глубину, появлялись тени, солнечный свет, пышная листва.

Тоненькая девушка в полупрофиль: спадающая на лицо масса спутанных волос, босые ноги, длинное белое одеяние. Она сидит на земле, обняв колени и странно, по-детски склонив голову. Кругом высокая трава и цветы, на заднем плане два дерева и едва намеченная фигура, скорее мужская, притаившаяся под ветвями. Элис отступила на шаг, любовалась законченным наброском и улыбнулась. Результат ей понравился. Композиция была вполне прерафаэлитской – упорядоченный хаос растений контрастировал со спокойной позой девушки. Окутанная тайной, она сосредоточенно смотрела на реку, а смутная фигура на заднем плане то ли наблюдала за ней, то ли ожидала чего-то.

Элис отхлебнула остывшего чая и задумалась над цветом. Потом поставила пластинку и взялась за краски. Отблеск на воде... одежда девушки – ладно, это можно сделать аэрографом позже... Волосы – единственный яркий всплеск на приглушенной зелени и оттенках серого. Да, неплохо получается. Правда, она часто рисовала что-то в порыве вдохновения, а на следующий день понимала, что получилась какая-то чепуха. Однако вдохновения не было уже очень давно.

Стемнело. Элис на миг оторвалась от работы и включила свет. Пластинка крутилась, но она ничего не слышала и забывала вовремя перевернуть диск. Не обращала внимания на мяуканье голодных кошек за дверью и телефонные звонки. Тушь сменили акриловые краски. Элис бережно накладывала и убирала защитную пленку, ретушируя аэрографом небо, воду, одежду девушки, потом взяла кисть потоньше, чтобы детально прописать листья, траву и волосы. Наконец отступила на шаг, отложила кисти и стала смотреть.

Никаких сомнений – вышло хорошо. Достаточно просто, чтобы попасть на афишу или книжную обложку, достаточно традиционно, чтобы висеть в галерее, и достаточно мирно, чтобы украсить церковный алтарь. Прежде ей никогда не удавалось при помощи туши и акриловых красок добиться таких чистых тонов, создать такую напряженную композицию. Картина притягивала к себе – ее создательница даже задумалась о том, кто эта девушка, что она делает и кто стоит в тени деревьев.

Элис долго смотрела на картину, прежде чем взять кисть и поставить подпись. Потом, помедлив мгновение, под своим именем изящным каллиграфическим почерком вывела: «Воспоминание. Безумие Офелии».

Нахлынула усталость. Взглянув на часы, Элис поразились: почти десять! Она рисовала полдня и большую часть вечера, но утомление было приятным, как будто работа смыла все тревоги и дурные мысли. Теперь Элис думала о другом. Может быть, после долгого перерыва она открыла новый источник вдохновения? Может быть, дело не ограничится одной «Офелией»? Вдруг выйдет целая серия, которую летом можно выставить в Кеттлс-Ярд? Идеи вспыхивали фейерверком, и в довершение всего Элис почувствовала голод. Она приготовила себе поесть, покормила кошек, легла в постель и проспала до утра глубоким спокойным сном.

Я не собирался возвращаться к ее могиле. Три месяца после похорон я избегал Гранчестера, словно мое присутствие могло пробудить к жизни неугомонных призраков. Если она покоится с миром, тем лучше; но не мне, думал я, следует охранять ее вечный сон. В том нервном и подавленном состоянии, в какое ввергла меня смерть Розмари, я часто видел ее – или мне чудилось. Казалось, что это она, вся в черном, отвернувшись от меня, садится в такси. Или бредет под дождем, скрыв лицо под темным зонтиком. Или гуляет по набережной в одиночестве, набросив на огненно-рыжие волосы светлый шарф. Нет, я не был одержим – просто она насмеялась надо мной, касалась нежной тонкой ручкой моей жизни, сопровождала меня повсюду, куда бы я ни шел.

Я счел себя больным и обратился к врачу. Доктор сказал, что чрезмерная работа и излишние тревоги доводят до анемии, рекомендовал усиленное питание и вино, а также отдохнуть неделю-другую. Я втайне поставил себе другой диагноз, воспринял совет насчет вина слишком буквально, подхватил пневмонию и чуть не умер.

Пару месяцев спустя я вновь обрел интерес к жизни (квартирная хозяйка ухаживала за мной во время болезни, ограждая от проблем и волнений), но опоздал на две недели. Роберт был уже мертв и похоронен на том же самом кладбище. Пока я спал, метался и стонал, не думая ни о ком, кроме себя, мой друг нуждался во мне как никогда. Его смерть не слишком меня удивила – вспомнив Роберта у гроба Розмари, я сразу догадался: она ждала такого исхода. Я же видел ее улыбку – собственническую, покровительственную, снисходительную, преисполненную ужасающего знания! Тень такой же снисходительной улыбки играет на губах «небесной подруги» с картины Россетти, молча взирающей на своего поверженного и страдающего возлюбленного. Я не мог смотреть на это полотно без содрогания. Изображенная там женщина не имела ни малейшего сходства с Розмари, но болезненно напоминала ее – выражением лица или попросту тем, что казалась огромной по сравнению с обреченным любовником. Пятнадцать лет спустя я переработал свою диссертацию о прерафаэлитах и издал книгу, в которой исследовал тяготение Россетти к прекрасным демоническим женщинам. Она посвящена моему университетскому преподавателю истории искусств, но я написал ее для Розмари и о Розмари. Книга называется «Небесная подруга». Думаю, тираж еще не распродан.

Вина и отвращение к себе мучили меня пять дней, прежде чем я решился прийти на могилу Роберта. Венки и ленты уже убрали, остался лишь холмик земли и какие-то растения, высаженные в каменном желобе, в изножье могилы. Низкие зеленые кустики, без цветов. На одном из тонких стеблей болталась подвеска – такие цепляют на призовые розы во время садовых выставок. Я наклонился и прочитал, что там написано.

«Розмари. На память».

В первый момент я запаниковал, но тут же взял себя в руки. Я видел слишком много и уже знал, что она была здесь. Такими дешевыми трюками меня не напугать, придется изобрести что-нибудь посерьезнее. Честно говоря, по глупости я думал, будто после смерти Роберта мне больше нечего бояться. Она мертва, сказал я себе, погребена и позабыта. Положил на могилу букет из омелы и остролиста и собрался уходить.

Бедный Роберт.

И вдруг я ощутил ее присутствие, почувствовал ее ненависть и изумление. От кустов, согретых зимним солнцем, повеяло розмарином – сладкий запах, вызывающий странную ностальгию, дух деревенской кухни и сундуков с чистым белым полотном, аромат сельских девушек, смазывающих длинные волосы розмариновым маслом. Я не сомневался: стоит поднять глаза, и она появится передо мной, глянет из-под тяжелых век, я увижу бледное лицо и губы, изогнутые в отдаленном подобии улыбки... Я был так уверен в этом, что действительно увидел Розмари в тени боярышника, но потом понял – это лишь игра света и тени в том месте, где увядшие и побитые морозом растения склонялись к надгробию, которого я прежде не замечал.

Я туло уставился на него. Идея была проста: плоский камень в траве, над ним чугунное изваяние фута в два высоты – рама, а внутри что-то вроде двери или калитки на шарнирах. Пока я разглядывал надгробие, налетел ветер, воротца с тонким скрипом распахнулись и захлопнулись. В головах могилы качали стеблями и перешептывались низкие зеленые кусты.

Да, именно такой и должна быть ее могила – напоминание, о котором говорил Роберт. Его замысел. Не знаю, зачем я подошел, ведь мог догадаться: ничего хорошего из этого не выйдет. Возможно, я хотел узнать, о чем думал Роберт перед самоубийством, словно мое покаяние над гробом Розмари помогло бы его измученной душе обрести покой. Или дело было в чувстве вины? Ведь я убил ее, понимаете? По крайней мере, приложил все усилия. А может быть, мной двигало то же самое, что приводило жен Синей Бороды в тайную комнату, подталкивало детей к пряничному домику

и побуждало рыбака выпустить из бутылки джинна.

Разумеется, я прочитал надпись.

«То, что во мне, помнит и никогда не забудет. Розмари Вирджиния Эшли. Август 1948».

То, что во мне, помнит... Потом я часто приходил сюда, не в силах противиться влечению, – это место зачаровывало, одновременно внушая отвращение и ужас. То, что во мне, помнит... Только я понимал значение этих слов. Остальные принимали их за послание от Роберта, за выражение его любви к умершей жене.

Но я знал Роберта гораздо лучше. Он, возможно, был слаб, но не сентиментален. Он мог умереть вскоре после похорон Розмари, но не стал бы выворачивать душу ради того, чтобы погост в Гранчестере выбрали для прогулок романтические влюбленные. Он был практичным человеком, а практичные люди сильнее страдают от любви. Вопреки свидетельствам, я уверен, что он не убил себя. Надпись на надгробии – ее послание мне. Дерзкий окрик из могилы. Она не мертва, и она хочет, чтобы я не забывал об этом. У нее много времени. И она все помнит.

Но я не боюсь. Я в безопасности. У меня есть в запасе один трюк, последняя карта, залог спасения. Знаете, что это за карта? Это вы, дорогой друг. Не верите? Воля ваша. Прочтите мой дневник – вы возненавидите меня, станете презирать, но поверите. Не беспокойтесь, не торопитесь. Отложите эти записи, забудьте на время – на годы, если хотите. Все равно вы вернетесь к ним. Я уверен, что вернетесь. Рано или поздно – потому что она здесь. Она ждет вас. Точно так же, как ждала меня. Берегитесь.

Когда придет время, многое будет зависеть от того, на какой путь я вас направлю.

Два

Весь день Элис не находила себе места. Она съела пачку печенья. Включила телевизор: черно-белое кино, разговорное шоу, русский мультфильм... Выключила.

Заварила чай, присела, дождалась, пока чай остыл, вылила его в раковину. Поставила музыку, прокрутила пластинку дважды, не слушая, остановила.

Потом достала письмо из «Красной розы» и попыталась увлечься предложенной работой – шесть графических иллюстраций и обложка для подросткового романчика под названием «Школа разбитых сердец». Это легко, подумала Элис и полдня заполняла корзину для бумаг неудачными набросками, пока не признала: все валится из рук оттого, что она увидела девушку рядом с Джо. Оттого, что неожиданно услышала его голос.

Разумеется, теперь это не имеет значения. Все давно кончено. Тема закрыта.

Но сегодня ей было так одиноко. Хоть бы кто-нибудь позвонил... В памяти всплыли слова: «то, что во мне, помнит». А кто будет помнить об Элис, если она завтра исчезнет? Мать, живущая в двух сотнях миль отсюда? Заказчик из «Красной розы»? Она дружила только с приятелями Джо – и потеряла их вместе с ним. Пока все шло хорошо, никто другой не был нужен. Черт! Элис вдруг разозлилась на себя. Почему она опять думает о Джо? Из-за надписи на том надгробии. Завидует мертвой девушке, которую никогда не забудет ее возлюбленный.

Элис решила позвонить в Лидс матери – единственному человеку, с кем можно поговорить не о работе, – потом пожала плечами и отказалась от этой мысли. Нет. Поболтать было бы приятно, но звонок откроет дорогу обычному потоку критических замечаний, упреков и вопросов. «Когда собираешься приехать к нам? Ты еще не нашла работу? – (Как будто то, чем Элис зарабатывала на жизнь, – развлечение, подготовка к «настоящей работе».) – Ты уверена, что справишься сама?»

Бедная мама, подумала Элис.

С тех пор как папа умер от рака, мать обращается с ней жестче и резче. Она располнела после пятидесяти, ее миловидность погребена под лишним весом. Вечно говорит осторожными намеками, ничего не скажет прямо. Наверное, не находит нужных слов...

Когда-то она была хороша собой. На черно-белых фотографиях –

темноволосая стройная девушка с милой улыбкой, рука об руку с красивой юношей – таким был отец до того, как преждевременно облысел. Маме хватило романтизма, чтобы выбрать дочери имя в честь кэрролловской Алисы: «Потому что у тебя точно такие же большие удивленные глаза». А потом она превратилась в разочарованную толстуху, огрубевшую и увядшую не от горя, а от безрадостной жизни. Больше всего Элис боялась увидеть однажды в зеркале материнское лицо.

Она вздохнула и посмотрела на часы. Половина одиннадцатого. Надо бы лечь, но спать не хотелось. Элис взяла с полки первую попавшуюся книгу в надежде, что чтение ее усыпит. Кажется, в холодильнике осталось недоеденное шоколадное мороженое. Она пошла проверить, мимолетно отметив, что ест слишком много, надо это прекращать. Тут же в памяти всплыл образ матери: вскоре после смерти отца она сидела на веранде их старого дома и безостановочно поглощала чипсы со вкусом креветок, пакет за пакетом.

Звякнули бутылки на открывшейся дверце, и тут же из ниоткуда материализовались четыре кошки в надежде угоститься молоком. Они терлись о ноги Элис, и ей стало легче.

Нахлынули предательские воспоминания о Джо.

Вот он в своей комнате берет бесконечные аккорды на гитаре, пугая кошек.

Вот он хмурится над горой рукописей и переполненной пепельницей.

Вот он в первых рядах демонстрации несет лозунг «Нет бомбе».

Вот он спорит с полицейским, а Элис цепляется за его руку.

Вот он сворачивает косяк с травкой одной рукой.

Вот он рассматривает ее работу и говорит: «Линии слишком бледные, на расстоянии не видно». – «Ты ничего не понимаешь, обыватель, тут все отлично! Контур должен казаться воздушным, как у Рэкхема»^[4]. Однако ночью Элис пробирается в студию, чтобы изменить рисунок и сделать линии более четкими...

Вот он играет со своей первой группой, пьяный в дым, но ни разу не берет фальшивой ноты.

Попойки. Любовь на незастеленной кровати, на полу – бутылки, обертки от шоколада, коробки из-под пиццы. Потом шумные ссоры, взаимные обвинения: Элис добилась успеха, Джо – нет. Его зависть, вспышки раздражения по любому поводу: из-за группы, которая никогда не получит контракт, из-за вечной нехватки денег, из-за отсутствия перспектив. Они выросли, наблюдая, как приходят и уходят студенты, и понимали – мир принадлежит юным. В итоге Джо пришлось смириться с

тем, что он постарел на десять лет и новое поколение его обогнало. Юнцы были сильны и умны, они точно знали, к чему стремятся. Они носили правильную одежду, слушали правильную музыку. Джо почувствовал беспомощность и злость – на молодежь, на власть, на всех кровососов, постепенно вытеснявших его отовсюду...

Элис улыбнулась, погрузившись в воспоминания. Если бы он знал, что такое дружба. Если бы он не боялся...

Но она сделала выбор. Жалеть не о чем.

В холодильнике действительно нашлось шоколадное мороженое. «То, что надо», – подумала Элис.

Внезапно зазвонил телефон, и она поняла: это Джо.

– Элис? – Голос в трубке был таким напряженным, что в первый миг она с трудом узнала его.

Затем сработал какой-то механизм памяти, как переключается передача на старом велосипеде, и все встало на свои места.

– Джо? Как дела?

Элис пыталась сохранить спокойствие. Она увидела его утром, думала о нем целый день, а теперь услышала по телефону – все это рождало странное головокружение, будто пришло в движение давным-давно замершее колесо.

– Отлично.

Голос Джо чуть дрожал, как бывало от волнения или злости – сейчас не разобрать, от чего именно.

– Все играешь блюз? – спросила она, инстинктивно настраиваясь на привычную волну их бесед, где накал страстей всегда прикрывался легким юмором.

– А что мне еще делать? Я же придаток к гитаре.

Пауза.

– А ты, Эл? Видел твою книгу. Неплохо получилось. Детская забава, конечно, и все-таки... Вообще-то я никогда не сомневался, что ты своего добьешься. И я ходил на твою выставку. Следующая наверняка будет в Королевской академии. – Его смешок отозвался в сердце Элис. – Однако с контурами по-прежнему проблемы.

– Лесть тебе не поможет, Джо.

– Ха, у меня новая группа. Называется «Растрата». Выступаем уже год. Электрофолк, каверы и наши собственные песни. Играем в «Пшеничном снопе» по субботам. Ты должна нас послушать. Это круто. – Пауза. – Ну а ты как живешь?

– Хорошо. Я...

– У тебя все в порядке? Джесс сказала, что ты...

– Ты говорил с моей матерью? Когда?

– Да успокойся, я ее случайно встретил. Мы выступали в Лидсе, в университете. Она сказала, что ты вроде бы заболела. Хотела узнать, как твои дела.

– Я не болела, – спокойно ответила Элис. – Просто на время вышла из игры.

– Ну а я вернулся, – продолжал Джо. – Снял квартиру на Мэйдз-Козуэй. Хозяйка поверила, что я выпускник. Она глуха как пень и разрешает нам репетировать в подвале. Говорит, что любит ирландскую музыку, поскольку когда-то была католичкой. Слава богу, не слышит, о чем мы поем...

Элис не сдержала улыбки.

– Все так плохо? – спросила она.

– Могло быть лучше, – согласился он. – Однако мы кое-как устроились и, раз уж начали играть по колледжам, вполне можем собрать поклонников. Ну, это те, которые кидают в тебя полные банки, а не пустые.

– Джо, уже поздно, – мягко произнесла Элис. – Зачем ты позвонил? Прошло три года...

– А что, нужна особая причина? – ответил Джо почти агрессивно. – Вечно ты ищешь какой-то скрытый смысл. Почему бы тебе малость не расслабиться? Захотелось поговорить, вот и все. Может, встретимся, погуляем, съедим пиццу? Вдруг захочешь послушать, как я играю.

Злость, если она была, исчезла без следа, а предложение внезапно показалось вполне осуществимым и даже заманчивым. Элис молчала и смотрела в окно, за которым в оранжевом свете уличного фонаря покачивалась магнолия.

Потом Джо снова заговорил странно напряженным голосом:

– Как ты все-таки поживаешь? Не вышла замуж за простого хорошего парня?

– Этим простым хорошим парнем был ты, – ответила она. – А что у тебя? Нашел заветное слово на букву «л»? Она играет на виолончели? Ты всегда мечтал о виолончелистке.

– Нет, не играет. – Джо усмехнулся. – Но...

За его легкомысленным тоном Элис почувствовало беспокойство.

– Мы познакомились совершенно случайно. Такую девушку нечасто встретишь в забегаловке вроде «Шлюза». Знаешь это место? Там пиво пьют и стеклом закусывают. Она сидела справа в первом ряду, одна, и не сводила с меня глаз. Представляешь? Кто станет пялиться на бас-гитариста? На

вокалиста – понятно... Красивая девочка с длинными светлыми волосами, на вид слегка недокормленная. Что ей до меня? Я пошел в бар выпить пива, а она все смотрит, даже жутко стало. Будто видит меня насквозь. Ну, я отводил глаза – думал, красотке это надоест и она отвалит. Но девчонка не уходила. Тогда я поглядел на нее и решил подойти поближе. А она ждала, словно знала. Ну, остальное, как говорится, всем известно.

Элис молчала, переваривая услышанное. До нее постепенно доходило, что произошло, к чему этот звонок после долгой разлуки. Она испытывала сложное чувство: отчасти сожаление, но в гораздо большей степени – облегчение.

– Я рада за тебя, – наконец сказала она.

– Ты серьезно?

– Конечно. Мы друзья, Джо, вспомни!

Он неуверенно засмеялся, и Элис поняла, что он взволнован.

– Господи, у меня камень с души упал.

– И у меня. Можно больше не оглядываться на ходу – вдруг ты меня преследуешь.

Они посмеялись вместе, и Элис наслаждалась этими мгновениями сердечной близости. Для Джо их разговор стал своего рода «изгнанием бесов» – избавлением от навязчивых мыслей о том, что подруга отвергла его, прощанием с тяжелым временем. Она поняла это и ощутила прилив бескорыстной любви к нему, скрывавшему одиночество под маской шутовства. Джо нуждался в поддержке и сам хотел быть нужным для кого-то, пока не добьется признания. Элис надеялась, что новая девушка ему подойдет, что ей нравится электрофолк, что она хочет иметь семью и детей – как хотел Джо, а Элис отказывалась ради свободы.

Лед одиночества, сковывавший ее душу, растаял и исчез, оставив благословенную легкость.

– Какая она? – спросила Элис.

– Ну... она особенная. Не такая, как все. Любит Вирджинию Вульф, египетское искусство и камерную музыку. Веришь? Я запал на девушку, которая любит камерную музыку! Немного похожа на Кейт Буш^[5], а еще... Наверное, лучше перевести это в близкие тебе эстетические категории, иначе не поймешь детали.

– Давай-давай.

– Ну, волосы у нее в стиле Россетти, лицо – как с картин Бёрн-Джонса...

– Сложносочиненная женщина! И борода от Уильяма Морриса?^[6]

– Может, сама посмотришь? Тебе надо с ней встретиться. В общем-то, я из-за этого и звоню.

– Ох, – ответила Элис, – успокойся, я тебе верю.

Джо почувствовал ее нежелание.

– Я не шучу, Эл, – твердо сказал он. – Я на самом деле хочу, чтобы вы подружились.

Элис замерла – внезапно ее охватило горькое сожаление. Усилием воли она отбросила его и взяла себя в руки.

– Джо, я хочу встретиться с ней. И с тобой. Я потеряла слишком много друзей, чтобы упускать такую возможность. – Она очень старалась, чтобы голос не дрогнул. – Может, пересечемся где-нибудь в городе? Или я приду на концерт... – Она остановилась. – Джо, ты болван! Даже не назвал ее имени.

Джо засмеялся.

– Правда? Ну, не могу же я помнить обо всем! Вирджиния. Вирджиния Мэй Эшли. Все зовут ее просто Джинни. Она говорит, Вирджиния Мэй – слишком серьезное имя для нее. А ты по-прежнему любишь пиццу? Пойдем есть пиццу, куда захочешь. Наш концерт не раньше четверга, но мы можем погулять, сходить в кино. Как тебе?

– Отлично.

– Что с тобой? Ты расстроена? Все в порядке?

– Конечно. Я немного устала. Уже поздно.

– Да... э-э... подожди минутку. Еще кое-что... В общем, на самом-то деле... Я сейчас в затруднительном положении... Если бы дела шли получше, не стал бы тебя просить, но... Джинни только что приехала в Кембридж, денег у нее немного... Ты не могла бы ее приютить?

– Джо...

– Если я слишком обнаглел, скажи прямо, – продолжал он. – Но это всего на пару дней. Я не могу поселить ее у себя, хозяйка не позволит. Мы ищем квартиру, но ты же знаешь, как трудно найти в Кембридже что-то приличное в это время года – все занято студентами или туристами. Пusti ее на пару дней, пока мы не найдем жилье, а если не получится, у меня есть приятель в Гранчестере, он в пятницу улетает в Штаты и разрешает нам пожить у него. В худшем случае надо перебиться до конца недели... – Он сделал паузу. – Элис? Что скажешь?

Элис подавила вздох.

– Думаю, это вполне возможно, – сказала она именно то, чего Джо и ожидал. – Где остановилась Джинни?

– Пока нигде, – ответил Джо. – Она только что выписалась из

Фулборна^[7].

– Из Фулборна?

– Ей предлагали побыть там еще немного, но мне отвратительна сама мысль о том, что она задержится в таком гнилом месте. От одного взгляда на окрестности можно впасть в глубокую депрессию.

– Господи. Ты не шутишь?

Джо вечно преподносит сюрпризы. В те годы, когда их связывала дружба, еще не испорченная сексуальной близостью, Элис ляпнула бы не задумываясь: «Фулборн? Да она точно тронутая, раз повелась на тебя!» Но сейчас они были так далеки друг от друга, так подавлены печальными воспоминаниями, что она не могла себе этого позволить.

– То есть... она там лечилась?

Джо недовольно фыркнул.

– Ей-богу, я знал, как ты отреагируешь. Ничего страшного в этом нет, проблемы у каждого третьего. По словам твоей матери, ты сама была на грани в трудный момент, так что должна понимать...

– Не глупи. Я другое имела в виду. В смысле... – Элис искала подходящие слова. – Как она себя чувствует? Что с ней случилось?

Ответ Джо прозвучал довольно холодно, и Элис встревожилась: не переступила ли она некую черту. В конце концов, она не имеет права вмешиваться в его отношения с новой девушкой.

– Не подумай, будто я что-то скрываю, Эл, но это личное дело Джинни. Я не могу обсуждать ее частную жизнь, не спросив разрешения, и не знаю, захочет ли она рассказывать, что с ней произошло. Я говорю тебе о Фулборне для того, чтобы ты обращалась с ней бережно. Понимаешь, она очень уязвима.

«Я тоже», – подумала Элис, но промолчала.

– Эл? Ведь тебя это не смутит?

– Нет.

– Слава богу. – В его голосе послышалось явное облегчение. – Кроме того, она очень хорошая. Невозможно представить, что в ее жизни было столько дерьма. Ей всего восемнадцать. Ты полюбишь Джинни, Эл. Ее все любят.

Джо на мгновение умолк. Потом раздался его тихий смешок.

– Наверное, это оно и есть, слово на букву «л». Не ожидал, что со мной такое случится. Думал, в моей жизни не будет ничего, кроме музыки. Только концерты, бутылки на сцене и надежды на то, что нам заплатят. Но получилось прикольно. Если бы я не играл в «Шлюзе», не встретил бы Джинни. Что она делала там, бог весть. Но с тех пор она приносит мне

удачу. Жизнь налаживается.

Элис долго молчала. Эта затея ей не нравилась. Совсем не нравилась. Не потому, что она до сих пор любила Джо, а потому, что все было как-то неправильно. Джо не мог вести такие разговоры – он интересовался лишь собой, своей музыкой и своими амбициями. Обаятельный и забавный, он умел очаровывать, но внутри неизменно оставался бессовестным эгоистом. Он ничего ни для кого не делал, его не волновали переживания окружающих, он был поглощен собственными увлечениями. И даже не упоминал о том, что сейчас назвал словом на букву «л». Элис думала, он никогда об этом не заговорит.

Но они с Джо были друзьями... очень давно, и она обошлась с ним плохо, как обычно и случается, если хорошая дружба сворачивает на кривую дорожку сексуальной близости. Может быть, появился шанс все исправить. К тому же Элис хотела увидеть Джо, поговорить с ним, восстановить прежнее уютное товарищество. Как в тот миг, когда он засмеялся, – это был добрый смех из старых времен, и ей стало тепло. Подобной дружбы Элис очень не хватало, и она сделает все, чтобы ее сохранить, даже если ради этого придется пустить в дом подружку Джо. Элис невольно улыбнулась и ответила:

– Что ж, хорошо. Кто знает? Может, мне подойдет такая соседка. Если хочешь, и тебя могу приютить. Буду рада вас видеть.

Она произнесла эти слова и почти поверила в них. Остатки старой обиды испарились, и она уже сочувствовала этой Джинни, которую никогда не встречала. Было приятно ощущать, что невидимая трещина, откуда все время веяло холодом и горечью, наконец затягивается... Элис очнулась от задумчивости – Джо говорил:

– Мы можем встретиться у тебя дома, если не возражаешь. Выпьем чаю, потом пойдем куда-нибудь и съедим пиццу, или посмотрим кино, или и то и другое. Согласна?

– Отлично.

Наверное, Элис ответила не сразу, потому что Джо тут же спросил:

– Алло, Элис? Ты уверена?

Она отозвалась самым беззаботным тоном:

– Жду не дождусь, Джо.

– Я подойду к шести. Говорю тебе, все будет великолепно. Ты не пожалеешь.

Вряд ли я мог избежать того, что задумала Розмари. Как я уже сказал, она была очень хитра и слишком хорошо знала мои слабости. Когда я, полуодетый (ботинки, шляпа и галстук остались на берегу Кэм), втащил в такси мокрую девушку, завернутую в мое пальто, она мысленно улыбалась, как умеют только эти создания. Она улыбалась, пока я поспешно приводил ее в чувство, предлагал карманную фляжку с бренди и вообще суетился вокруг, будто верный пес. Ей некуда было деваться, и оставалось лишь взять ее в дом (Розмари, дрожа, неверным шагом дошла от такси до входной двери), объясниться с хозяйкой и беспомощно смотреть, как заботливая миссис Браун уводит девушку вверх по лестнице, в запретное царство горячей воды и мягких подушек.

Счастье, что миссис Браун оказалась такой добродушной и покладистой. Более подозрительные дамы отнеслись бы к странной гостье с меньшим уважением, но миссис Браун была лучшей из всех знакомых мне женщин. Она пожалела Розмари, окружила заботой и напоила чаем, который считала универсальным лекарством, потом поместила в самую удобную спальню, пригрозила мне страшными карами, если вздумаю нарушить покой юной леди, и невозмутимо вернулась к своим делам, как будто я каждый день приводил в дом выловленных из реки девушек. Благослови ее Бог.

Как, должно быть, смеялась Розмари, очутившись в лучшей комнате для гостей, с вымытыми волосами, в накрахмаленной ночной сорочке миссис Браун! Она смеялась над всеми этими глупостями – над нашей добротой, над нашим состраданием. И над моим многообещающим обожанием. Ведь я забыл обо всем, кроме нее.

Остаток дня прошел как в тумане. Я не решился выйти из дома – вдруг что-то случится, вдруг девушка исчезнет. Я представлял себе ее лицо. При воспоминании о том, как она тихо плыла в воде, меня переполняли поэтические образы. Я провел несколько долгих волшебных часов в своей комнате: лежал на постели, снова и снова переживая события, похожие на сон, и прислушивался к каждому шороху из таинственной тихой комнаты, где спала Розмари. В моем сердце звучала музыка. Миссис Браун заходила к ней время от времени – сначала в спальне появилась ваза с цветущей веткой вишни, потом несколько лоскутных подушек, затем, примерно в половине четвертого – поднос с чаем и бисквитами. В пять миссис Браун

объявила, что юная леди может, если хочет, встать и поесть горячего супу, а в шесть я сидел за обеденным столом, дрожа от предвкушения и поглядывая на дополнительный прибор. В лихорадочном нетерпении я крепко сжимал руки под столом, чтобы справиться с волнением.

Я был несчастлив в любви; да и кто в юности избежал этого? Розмари вышла ко мне из сказки – белая Офелия, приплывшая неизвестно откуда на мутной волне в шепоте утра. Я совершенно не думал об угрозе скандала, о том, какая буря сплетен и пересудов поднимется в обществе, к которому я принадлежал. Для меня Розмари не имела прошлого, она родилась только что, как Венера из пены морской. В таком настроении я ждал ее появления, но все же боялся взглянуть ей в лицо, словно мог вдруг увидеть какой-то изъян в ее совершенстве. Но я зря волновался. Быстрые легкие шаги по лестнице, стук каблуков – и она вошла. Ее черты, плохо различимые в полуосвещенном коридоре, приобрели завершенность, когда она остановилась у окна: волосы сияют в солнечных лучах, как огненный нимб, фигура тонкая и стройная. Лицо оставалось бледным, взгляд блуждал, и все равно она была самой прекрасной женщиной, какую я видел в жизни. И в тот миг, и сейчас.

Розмари некоторое время молча смотрела на меня, потом отвернулась от света – я заметил волнение в ее глазах. Рыжие волосы были такими яркими, что отбрасывали медный отблеск на скулы и изгиб шеи.

– Жить, – вновь оборачиваясь ко мне, тихо сказала Розмари голосом мелодичным и чуть хриплым, как поцарапанное серебро. – Между «жить» и «не жить» разница такая небольшая. Вы не думали об этом?

Я смотрел на нее, не зная, что ответить, без единой мысли в голове.

– Жить, – повторила она. – Слишком краткое таинство, чтобы его понять. Нужна лишь власть. Власть – это главное, и она пребудет вовеки.

Так я услышал кредо Розмари Эшли, но, как дурак, пропустил его мимо ушей. В порыве никому не нужного сочувствия я протянул к девушке руку и произнес:

– Не говорите ничего. Попробуйте что-нибудь съесть. Вы среди друзей.

Ее блуждающий взор на мгновение остановился на мне.

– Друзей... – безучастно отозвалась она.

– Я вытащил вас из реки, – сказал я, постаравшись, чтобы это не прозвучало самодовольно. – Послушайте меня, мисс. Теперь я ваш друг, если вы того захотите, если поверите мне. Утонуть – не выход, что бы ни случилось.

Наверное, я мог подумать о чем-то пошлом и вульгарном – например,

что девушку соблазнили и бросили; но одного взгляда в ее глаза хватило, чтобы эта мысль исчезла. Розмари была невинна. Я мог поклясться в этом, поручиться собственной жизнью – как я в некотором роде и сделал.

Она просто излучала невинность. Мне так показалось.

Потом я узнал Розмари лучше. То, что пронизывало все ее существо и сияло в лиловых глазах, не было невинностью. Я полагаю, это было ощущение власти.

Три

Он закрыл книгу и опять шагнул к окну. Шел дождь, свет с улицы пробивался сквозь пелену воды и толстые стекла, отражаясь от подоконника под шрапнельный стук капель.

Уже половина третьего, а ее все нет.

Он подошел к бару и налил виски. Мерзейшее пойло; но он преодолевал отвращение и никогда бы в этом не признался. Его подруга предпочитала именно виски, без льда, а он был слишком влюблен и подчинялся ее вкусу, словно напиток мог их сблизить. Он сделал глоток, поневоле скривился, допил до дна и поставил стакан на стол. Такой жест мог бы ей понравиться, подумал он. Если бы она была здесь.

Но ее не было. Где она? Он уловил какое-то движение внизу во двореке и пригляделся: что там за фигура под фонарем, в блестящем макинтоше? Повозился с защелкой и открыл окно, не обращая внимания на струи дождя.

– Сюда! – прокричал он сквозь грохот переполненного водостока.

Человек под фонарем остановился и посмотрел вверх.

Он различил ее лицо, увидел кивок и ощутил знакомый трепет. Возбуждение рождалось где-то в животе и острыми тонкими лучами пронизывало все тело с головы до пят, до кончиков пальцев: смесь похоти, благоговения и ужасающего ощущения собственной ничтожности. Они занимались любовью, но это не могло ее запятнать. Каждый раз она заново становилась невинной и сияла чистотой, как луна. Грязным был только он.

На лестнице слышались ее шаги. Он налил еще виски и быстро выпил половину, чтобы она не заметила, как у него дрожат руки. Его госпожа не отличалась милосердием, она знала его слабости и смеялась над ними. Иногда, в минуты просветления, он сам не понимал, почему так нуждается в ней. Из всех наслаждений она предлагала лишь страх, унижение да мрачное опьянение, приправленное звериным запахом пота – а зверем был он сам. Она не любила его. У них не было ничего общего, они никогда не вели дружеских бесед. И все же, едва на площадке звучали ее шаги, быстрые и по-кошачьи легкие, его сердце пускалось вскачь, голова кружилась, и он с нетерпением, словно школьник, бежал открывать дверь.

Такая тонкая, такая стройная! Даже теперь он удивлялся: как в этом хрупком белом сосуде помещается столько порочности? Она стояла перед ним в полутьме и понимала все его чувства, насмехаясь над ним. На ней

был черный дождевик, туго перетянутый поясом. Она откинула капюшон, и по плечам рассыпались выющиеся светло-рыжие волосы. При взгляде на ее ярко-красный рот у него закружилась голова, будто он падал туда и видел, как медленно раскрываются губы, чтобы поглотить его.

Она развязала пояс и, улыбаясь, скинула плащ прямо в лужу перед дверью. Под плащом она была нагая, тело мерцало отраженным светом уличных фонарей, волосы струились водопадом. Глаза, губы, соски, темный треугольник волос казались черными дырами в этом бледном теле, откуда тянулись волны таинственной ночи, которые влекли его к себе, все ближе и ближе. Он был беспомощен перед ее неотразимым очарованием.

– Не здесь, – пробормотал он. – Мало ли что... Портье... соседи...

Он нагнулся, чтобы поднять плащ, вдохнул аромат ее тела, запах дождя и шипра, увидел блеск дождевых капель на стройных бедрах и пошатнулся.

– О мой кавалер, – прошептала она. – Такой заботливый...

Сбросив туфли у двери, она вошла в комнату непринужденно и грациозно, будто была полностью одета. Он торопливо захлопнул дверь – даже вождение не могло ослепить его настолько, чтобы он забыл о предосторожностях. А если кто-то увидит? При его положении в обществе нужно быть осмотрительным.

Она уже сидела в кресле, скрестив ноги, запустив руки в волосы, и улыбалась. Он невольно затрепетал и отвернулся, чтобы это скрыть.

– Выпьешь? – Во рту у него пересохло, пока он наливал себе.

– Виски без льда, – сказала она.

Он вдруг понял: она смеется над ним. Она знала, за какую нитку дернуть, чтобы заставить его плясать. Рядом с ней шлюхой становился он.

– Вот. – Он протянул стакан.

Хорошо, что руки не дрожали.

Она пила мерзкую маслянистую жидкость как воду – маленькими быстрыми глотками, вытягивая тонкую шею, словно лебедь. Еще один трюк, подумал он. Неужели я до сих пор не знаю всех ее фокусов?

Она всего лишь женщина – совсем юная, почти ребенок. Я вытащил ее из грязи и нищеты, полумертвую от голода, накачанную дешевым джином и наркотиками. Поселил в уютной квартирке, где никто не задает вопросов, потратил больше половины своего академического гранта на одежду и жилье, таблетки и порошки, врачей и психоаналитиков... и не просил ничего, кроме маленького утешения. Черт побери, думал он, ведь я люблю ее. Она должна принадлежать мне телом и душой.

– Ну что, ты достаточно расхрабрился? – Ее голос прервал его мысли,

заставил очнуться. – От тебя несет виски. Утопил свои буржуазные предрассудки?

– Немножко выпил, что тут дурного? – с раздражением ответил он, злясь на себя за извиняющийся тон. – А сама-то?

Она рассмеялась.

– Иначе я не вынесу, когда ты до меня дотронешься.

– Какая же ты жестокая стерва.

– Именно это тебе и нужно. – Она потянулась, как кошка. – Любишь, когда тебя наказывают. Знаю я вас, интеллектуалов. Повидала в свое время.

– В свое время!

– Не повышай голос. Помни о портье и соседях.

– Черт с ними! Сколько тебе лет, а? Семнадцать? – Он усмехнулся.

– Я старше, чем выгляжу, – ответила она. – Прожила достаточно, чтобы знать все о таких, как ты. Вы – жертвы, все до одного.

Ее насмешки прикрывали ненависть.

– Замолчи.

– Разумеется. Ты ведь за это мне платишь? Хочешь, закричу ближе к концу?

– Замолчи!

Он схватил ее за руку и сдернул с кресла. Тонкие косточки под кожей сдвинулись, и он понял, что ей больно. Но она все равно улыбалась. Что бы он ни делал, контроль оставался за ней. Он завел ее руки вверх, за голову, грубо толкнул на кровать; собственная жестокость причиняла ему страдание и доставляла наслаждение. Она упала грациозно, как кошка. Вообще-то он никогда не видел ее другой, ее движения всегда были полны природной грации – еще один способ дразнить его.

– О... – Он выдохнул ее имя. – Прости. Я так люблю тебя! Пожалуйста...

Мольба замерла на его губах. Эта девочка могла делать все, что ей угодно, могла уничтожить или возродить его в мгновение ока. Она обладала сказочной властью, ее цыганская чувственность побеждала разум. Бездонные глаза были провалами в дождливую ночь. Луч света обрисовал изгиб шеи, изящную ключицу, белый холм груди. Ее красота была не просто абсолютной, но предвечной, чистой, как луна. Она раскинула руки, и он упал к ней в объятия с долгим глухим криком восторга.

Она двигалась под ним, как в танце, не обращая внимания на его ласки, побуждаемая собственным неожиданным вождением. Губы скользили по его лицу, по плечам. Холодные руки обвили шею. Она впивалась в него ртом, словно кусала незрелый плод, больно и сладко. Он

ощутил ее губы на горле. Она крепко сжала его в объятиях, острые мелкие зубки вонзились в плоть.

– Ай! Хватит!

Он хотел отодвинуться, задрывал ногами, но она не отпускала. Она смеялась, и ее дыхание оведало кожу. Внезапно она с хрустом вгрызлась в его горло. Он отдернул голову, и хлынула кровь, вымочила его рубашку, залила лицо девушки, закапала с волос. Он попытался закричать, вскочить, но боль, рывок, ее холодные объятия – все это осталось где-то в глубине темного тоннеля чувств, съежилось до искры света и тепла в ледяной тьме. Хотел позвать ее по имени – имя вышло кровью изо рта, кровь растеклась по плечу, но он не ощутил этого. Он был один, он втягивался в тоннель... и нельзя сказать, что против воли, – ведь он жаждал убежать от воспоминаний, уже милосердно таявших, о том последнем хрусте, разломавшем его, как персик, и о захлебывающемся смехе девушки.

Насытившись, она изящно вытерла лицо платком, который взяла у мертвого. Она всегда умывалась после еды.

Когда они пришли, было уже темно, на Гвидир-стрит зажглись фонари. Элис заметила приближавшихся гостей из окна и успела в последний раз окинуть взглядом безукоризненно прибранную комнату, переложить подушку и выровнять картину на стене. Она нервничала, как на первом свидании, и оделась тщательнее, чем обычно. Может быть, хотела затмить соперницу?

Разумеется, нет, подумала Элис. Надеюсь, я не столь примитивна.

И все равно, услышав стук в дверь, она на миг задержалась перед зеркалом, чтобы поправить прическу и вызывающе вздернуть подбородок.

«Мы друзья!» – настойчиво напомнила себе Элис.

Просто друзья, и больше ничего. Она сама решила, что им с Джо лучше разойтись. У нее больше нет никаких прав на него и никакой надежды вернуть былое.

«Вот и радуйся теперь, – сказала она себе, открывая дверь. – Если сможешь, конечно».

На пороге стоял Джо с цветами – белые розы в хрустящей прозрачной обертке.

– Привет, Джо, – улыбнулась Элис.

– Давно не виделись, – отозвался он, широко ухмыляясь в ответ, и поднял кулак к плечу в подобию салюта.

Потом быстро, почти крадучись, оглянулся, и из сумрака выступила его спутница. Рыжие волосы пламенели, свет фонаря за спиной подчеркивал идеальную линию плеч, остальное скрывала тень.

– Элис... – неуверенно, как ребенок, начал Джо. – Элис, это Джинни. Девушка вышла на свет.

Элис поблагодарила за цветы, пригласила гостей в дом, предложила сесть – обычные ритуалы вежливости. При этом все время исподтишка рассматривала Джинни, так что каждая черта, каждый рыжий завиток отпечатались в памяти, словно вырезанные тонким лезвием.

Ничего нельзя представить заранее, думала Элис. Ведь она воображала, что сможет избежать ревности, и вдруг открыла в себе бездонный источник этого чувства. А еще она с ужасом поняла, что почти ненавидит Джинни. У Элис даже волосы на затылке встали дыбом.

Девушка оказалась хорошенькой. Хрупкая, но не чрезмерно, гибкая как березка, легкая как танцовщица. Она была одета в платье с широкой юбкой, достигающей до лодыжек. Короткие рыжие волосы Джинни безыскусно зачесала назад, открыв лицо и сияющие глаза необычного лилового оттенка. Но ее красота определялась даже не внешностью, а чем-то большим – идеальным, неземным.

Когда Элис училась в университете, у нее в комнате висела плохонькая репродукция акварели Россетти «Первое безумие Офелии». На картине обреченная бледная девушка с темными глазами и распущенными волосами, в цветочном венке, пела песню печали и безумия – безмятежная как дитя, она не обращала внимания на обеспокоенных друзей. Как там говорил Джо – с Джинни случилось несчастье? Она лежала в психиатрической клинике? Элис вполне могла в это поверить. Джинни выглядела точно так же, как Офелия на старой черно-белой репродукции. Ее красота была словно бездна, словно душевная болезнь.

Встретив холодный оценивающий взгляд Джинни, Элис посмотрела на себя глазами этой самодовольной девчонки: длинная, очкастая, черты лица слишком грубые, неизящные. Она готовила кофе для гостей и сама отмечала, что движется без всякой грации. Джо глядел на нее, не говоря ни слова, но Элис не сомневалась – он заметил и лишний вес, набранный за три года, и новые морщинки вокруг глаз. Хуже всего то, что Джо совсем не изменился. Если бы она увидела седину в его волосах, складки у рта, ослабевшие мышцы, она бы спокойнее отнеслась к собственному несовершенству; но ничего подобного не было. Та же улыбка, тот же подкупающий прищур за очками, то же худощавое тело и слегка сутулые плечи. Внезапно Элис осознала, что ее по-прежнему тянет к Джо.

Остаток вечера она пребывала в смятении. Городские пейзажи и лица проплывали мимо сознания. В парке они втроем зашли в пиццерию (Элис ела без аппетита, с той же упорной сосредоточенностью, какую видела у

матери), прогулялись вдоль берега, у моста. Молодой месяц отбрасывал серебристые тени на траву и воду. Плотина отражалась в черной реке с отблесками неоновых огней. Элис пила, ела, разговаривала легко и бездумно. Джо сиял. Джинни смотрела на него со смущенной улыбкой. Они пошли в кино на вечерний сеанс – Элис не запомнила фильм.

Официанты. Билетеры. Студент раздает рекламные буклеты. В глазах Джинни отражается свет экрана. Джо покупает шоколад, его глаза горят. Он счастлив, он обнимает подругу за плечи, близоруко вглядывается в ее лицо. Джинни мягко улыбается, говорит еле слышно. Прежде чем сказать что-то, она бросает взор на Джо, будто не смеет открыть рот без его разрешения... Это беззвучные картинки: губы бессмысленно шевелятся, краски беспорядочно меняются, как в калейдоскопе, и все кажется игрой теней на плоском экране.

Выделяется только Джинни. Она наблюдает за Элис так, словно отделена круглым аквариумом, и ее черты слегка искажаются – один глаз вдруг увеличивается, губы кривятся. Начинается наваждение.

Элис была так поглощена этим, что позабыла, где находится. И вдруг на нее обрушилась волна шума, сквозь толщу воды стремительно приблизилось лицо... И все стало обычным, словно Элис сбросили со странной карусели этого вечера, а праздник остался там, в другом измерении, в подводном царстве.

На нее смотрел Джо.

– Спасибо тебе, – сказал он, погладив Элис по руке. – Так здорово снова тебя увидеть. Давно надо было, но все казалось, я не готов... А может, дурацкая гордость не позволяла.

– Хорошо, – рассеянно ответила Элис. – Мне тоже понравилось.

– Я знал, что тебе понравится, – горячо отозвался он. – Очень рад, что вы познакомились. Уверен, Джинни тебя полюбит, и надеюсь, ты полюбишь ее. – Джо понизил голос и оглянулся, проверяя, не слышит ли его девушка. – Понимаешь, она нуждается в таком человеке, как ты. Сегодняшний вечер пошел ей на пользу. Ты не знаешь Джинни и, наверное, не понимаешь этого, но я-то вижу, как ты ей понравилась.

Элис беспомощно кивнула. Недавнее смятение чувств теперь походило на сон с его особой логикой – она имеет смысл до пробуждения, а наяву превращается в непонятный и удивительный шифр подсознания. Элис оглянулась на Джинни, которая сидела в кресле у камина, и попыталась вновь уловить ощущение чего-то дурного, безнравственного... Она потерла глаза тыльной стороной ладони и спросила:

– Угостить вас чем-нибудь?

Элис справилась со своими эмоциями.

Джинни пожала плечами и слабо улыбнулась.

– Почему бы нет? – ответил Джо. – Что у тебя есть?

– Чай и кофе.

– И все?

– Могу предложить холодное пиво. – Элис тоже улыбнулась.

– Так-то лучше, – кивнул Джо и пошел на кухню.

– Джинни, ты выпьешь? – спросил он, но девушка лишь покачала головой, нервно теребя длинными тонкими пальцами ткань платья.

Элис почувствовала раздражение. Покорность и пассивность Джинни действовали на нервы; она обращалась к Джо за каждой мелочью и скромно опускала ресницы, когда не смотрела на него, но такая застенчивость почему-то сильно напрягала. Элис попыталась преодолеть это и впервые за вечер обратилась к госте напрямую.

– Вы недавно в Кембридже? – спросила она, чтобы завязать разговор.

Джинни подняла свои странные глаза – они были как разбитые зеркала. Элис поймала в них свое отражение.

– Я много лет знаю этот город.

– Он не меняется, правда?

Джинни молча кивнула.

– А что вы здесь больше всего любите? Бэкс?^[8] Колледжи?

Джинни улыбнулась.

– Кладбища. И реку, конечно.

Элис пробормотала что-то в ответ. Она очень устала.

Джо, однако, ничего не заметил – он беззаботно выпивал весь вечер. Элис и не ждала, что он почувствует возникшую неловкость. Джо вернулся с кухни с упаковкой пива и стаканами, но прихлебывал из банки, как обычно.

– Слушай, Эл, – сказал он между глотками. – Смотрю, старушка Кэт еще жива и меня не забыла. Подошел к холодильнику – сразу прибежала и стала тереться о ноги. Вот память! Эта кошка мне всегда нравилась. Даже когда гадила в мои ботинки.

– Просто она знает, что в холодильнике еда.

– А-а...

На минуту Джо смутился. Потом ему в голову пришла новая идея, и он опять оживился.

– Мы завтра играем в «Корн-Эксчендже»^[9]. Важная благотворительная акция, кроме нас будут еще три группы. Тебе понравится. Джинни тоже

хочет нас послушать. Может, придете вместе? В одиночку ей немного не по себе.

Джинни кивнула. Элис заставила себя улыбнуться.

– С удовольствием. Что, говоришь, вы играете?

Элис знала: стоит вспомнить о его бесценной группе, и Джо не умолкнет весь вечер. Надо только поддакивать и притворяться заинтересованной. Она слишком устала, чтобы всерьез поддерживать разговор. К тому же присутствие Джинни необъяснимым образом подавляло. Напряжение было таким сильным, что Элис отвечала невпопад, и при всем своем эгоцентризме Джо это заметил.

– Что-то ты тихая. То ли с годами смягчилась, то ли устала от меня? Раньше всегда находила что сказать.

Элис глянула на Джинни.

– А ты всегда считал, что женщины слишком много болтают.

Он ухмыльнулся.

– Точно.

– И Джинни? – Элис решила вовлечь в беседу молчаливую девушку.

– Ничего подобного, – заявил Джо, одной рукой вскрывая новую пивную банку. – Она самая спокойная женщина из всех, кого я знаю.

– Не дай себя обмануть, – повернулась Элис к Джинни. – Под милой оболочкой скрывается настоящий мужской шовинист.

Джинни слегка улыбнулась, посмотрела на нее и снова опустила глаза. Потом произнесла что-то еле слышно, и Джо засмеялся.

Элис надеялась, что сумела показать свой дружеский настрой и развеяла его сомнения.

– Боюсь, мне пора уходить. – Джо посмотрел на часы. – Приду утром, пораньше, как только смогу. В десять репетиция, потом еще одна в три, но я выкрою часок и свожу вас на ланч.

Элис машинально улыбнулась и тут осознала: Джо сейчас уйдет, и она останется наедине с Джинни.

– Хочешь кофе на дорожку? – спросила она почти в отчаянии, потому что он допил свое пиво, потому что он надел плащ, потому что он уже направился к двери...

– Эл, мне пора. Совсем поздно. Спасибо – и до свидания.

– До свидания, – отозвалась Элис, глядя, как он выходит в ночь. – Джо!..

Но он уже переступил порог, и оранжевый свет фонарей провожал его.

– Спокойной ночи, – пробормотала Элис.

Она не могла вспомнить, о чем собиралась ему сказать.

Повернувшись, Элис увидела Джинни. Девушка вежливо ждала у лестницы, улыбаясь мягкой, понимающей улыбкой. Ее глаза прикрывала тень, словно маска. Элис попыталась улыбнуться в ответ, встряхнула отяжелевшей головой и пошла на кухню.

– Джинни, хочешь выпить? – сделав над собой усилие, предложила она.

– Спасибо. – Джинни говорила тихо, но четко и ясно, чуть насмешливо, с правильным произношением. – Ты не против, если я поднимусь наверх и переоденусь? Мне будет гораздо удобнее.

– Разумеется! – Теперь Элис улыбалась непринужденно, от души. Может быть, потому что Джо ушел. – Боюсь, наверху все по-походному, у меня было мало времени для подготовки. Вешай одежду в гардероб, если хочешь, а понадобится что-нибудь, зови меня.

– Спасибо, я справлюсь сама.

– Можешь не торопиться.

Джинни не ответила – она уже поднималась по лестнице.

Такая застенчивая, да еще вдали от дома, подумала вдруг Элис и устыдилась собственной неприязни. Наверное, она вела себя слишком грубо, поэтому Джинни и не отзывается. Надо постараться разговорить ее.

Элис вспомнила свои добрые намерения, обругала себя и решила подружиться с Джинни. Ей сразу стало легче. Она повеселела, поставила чайник, приготовила две чашки и открыла коробку печенья. Выкладывая его на тарелку, даже начала тихо напевать.

Сегодня она опять мне приснилась. Зачем я об этом говорю, когда она снится еженощно, каждый раз в новых чудовищных нарядах? Мои сны переполнены ею, как разбухший от яда плод. Зачем писать об этом? Ведь ее лицо глядит на меня с любой страницы, ее тонкие пальцы сжимают мою руку, когда я берусь за перо. О Розмари...

Ее присутствие – как аромат духов в воздухе, ее голос – как звук свирели. Этой ночью она привиделась мне: в сером платье, с цветами в руках, с развевающимися на ветру рыжими волосами. Она шла по берегу реки, где растет высокий болиголов, и что-то напевала. И я подумал: эта женщина потерялась, попала в беду. Встал и пошел к ней через кладбище, но споткнулся, а она обернулась и заметила меня. Кажется, она ничего не сказала, но я увидел у нее в руке какой-то круглый шарик, вроде бусины. Розмари протягивала его мне и улыбалась. Сквозь эту маленькую бусину летел ветер, производя странный тоскливый звук. Я взял шарик и увидел в нем свое искаженное лицо. Мой рот был широко распахнут в крике. Шарик становился все больше и больше, сквозь выпуклое стекло проступали деревья и дома, кусты и дорога, рельсы, идущие через лес...

Я испугался и огляделся. Вокруг – никого. Только рельсы, деревья и отдаленный шум мотора. Я посмотрел вверх и понял: она там. Она все время была там и глядела вниз, ее волосы развевались, глаза казались бездонными, как колодцы смерти, и огромными – больше мира. А над миром – в том пространстве, где она обитала, круглом, как аквариум или рыбий глаз, – царила темнота. Вместо неба я видел раскрашенный синий купол юлы, вместо солнца сияли глаза Розмари, вместо луны мерцал круглый розовый отпечаток ее пальца, прижатого к стеклу. И я знал, что время от времени она берется за красную деревянную рукоятку, с помощью которой крутится этот мир... Где же тогда я сам? Вечно вращаюсь во тьме по ее прихоти, под ее пристальным взглядом. Под взглядом моей небесной подруги.

Внезапно мои размышления прервал низкий, тягучий, скрипучий звук, невероятно глубокий, исходивший из самых недр, будто отворились древние подземные кузницы. Он сопровождался пиликаньем скрипки, словно закружилась древнейшая, рассыпающаяся от ветхости карусель. Музыка ускоряла темп, ярмарочные мелодии раздавались все громче. Свет померк, по земле протянулись тени, накрывшие деревья и кусты, и лишь

изредка вспыхивали лучи – зеленые, розовые, ярко-синие, – обрисовывая детали зловещего пейзажа, то пенек, то вытянутую ветку. Или это были не ветки? Не знаю, почему я так решил. Купол над головой вертелся быстрее, музыка играла все ритмичней. Я нащупал в темноте какую-то твердую выщербленную поверхность и ухватился за нее. Бубенчики, резная грива – конечно же, это была деревянная лошадка. Карусель крутилась слишком быстро, лошадка подскакивала, но я не мог оторваться от единственного устойчивого объекта своего мира, поэтому зажмурился и не смотрел вокруг, пока не привык к стремительному движению. Когда мне стало легче, я рискнул приоткрыть глаза.

Я увидел свет, но не ясное сияние дня, а вульгарные разноцветные ярмарочные огни. В этом ярком свете я разглядел, что на карусели Розмари я не один. Там были и другие лошадки: красные, белые, черные и синие, с бубенчиками на сбруе, с длинными гривами, летящими по ветру, с бешеными стеклянными глазами и пылающими красными ноздрями.

Роберт тоже был здесь, его пальцы стискивали поводья, плащ развевался, как крылья. Я окликнул его по имени, надеясь перекрычать оглушительную музыку... и он обратил ко мне лицо.

Он был мертв, бедняга. Лицо бледное, губы синие, глаза совсем закатились, так, что видны только белки. Я вскрикнул от ужаса и жалости, карусель накренилась, и голова Роберта мотнулась на сломанной шее. Тут я понял, что на каждой лошадке сидит всадник – мертвый всадник. Мужчины, женщины, знакомые и незнакомые. Кто-то ухмылялся мне, оказавшись рядом. Женщина в маске послала воздушный поцелуй,дохнув тленом. Иные болтались в седлах со сломанными спинами и перерезанными глотками, у одного шея была свернута назад, как у куклы. И тут меня пронзила мысль, наполнив сердце ледяным ужасом: я видел всех, кто катался вместе со мной на этой карусели, кроме одного. Единственного.

По спине пробежали мурашки, будто потянуло сквозняком. Повеяло смрадом, как от протухших овощей. Что-то коснулось плеча. Обернуться я не мог, словно двигался под толщей воды. Что-то дотронулось до моего лица.

Что-то холодное.

Я боролся, безуспешно пытаюсь избежать того, что мне предназначено. Молотил свою лошадку ногами по бокам, стараясь обогнать преследователя. Потом снова попытался обернуться, и на этот раз у меня получилось.

Грянувшая музыка заглушила мой вопль. Ужас обрушился на меня, как

падает перезрелая слива. Женщина была в бархатной маске, открытыми оставались только губы и кончик носа, но я узнал ее: Офелия через десять дней после того, как она утопилась. От нее пахло тинной, и к этой вони примешивалась другая, еще более мерзкая. В волосах застрял ил реки Кэм, тело под белым платьем деформировалось. Когда-то у меня была японская гравюра, изображающая шесть стадий тления тела юной девушки, брошенного на горном склоне. Это было отвратительно, но увлекательно – смотреть, как труп в белых погребальных одеждах меняется, распухает, потом усыхает...

– Жду под твоим окном, – прохрипела женщина в маске.

Я снова вскрикнул, ударил свою лошадку по бокам и отпрянул назад, оставляя ошметки кожи с ободранных ладоней на полированном дереве. Мой рассудок угас среди вспышек света, подобных фейерверкам (я и их видел, они горели ярче всей ярмарочной иллюминации), когда утопленница приблизилась ко мне.

– Я Валентиною твоей, – неумолимо продолжала она, – жду под твоим окном^[10].

Затем холодные мягкие руки соединились на моей шее. Ее рот раскрылся, на меня пахнуло могильным тленом, я упал в этот рот – и все исчезло, все полетело в черный тоннель, которым была Розмари. Крики и мольбы утратили смысл.

Два

– Как насчет кофе, Джинни?..

Элис запнулась. Чашка у нее в руке покачнулась, но не упала.

– Спасибо, – тихо ответила Джинни. – Но не думаю, что я сейчас хочу кофе. Я бы немного прогулялась.

– А-а... Да, конечно.

Преображение девушки потрясло Элис, она потеряла дар речи. Мысли зашатались. Неужели это и есть настоящая Джинни? Она не просто поменяла одежду, но сбросила оболочку, открыв подлинное содержание. Сняла бледно-голубое платье, в котором казалась средневековой дамой. Обвела глаза черным, будто надела маску. Причесала рыжие волосы так, что они стояли торчком. Натянула выгоревшие джинсы (на каждой штанине по длинной прорехе, открывающей белую кожу), футболку с черепом и яркой надписью «СМЕРТЬ». На ноги надела замшевые пурпурные сапоги до середины бедра, со шнуровкой и острыми каблуками, оставлявшими в ворсе ковра дырочки – вроде вентиляционных отверстий для подкововерных жильцов. В этой жуткой молодежной одежде Джинни выглядела еще моложе и беззащитнее, чем раньше. И гораздо опытнее.

Ее глаза сверкали, как беспокойные разноцветные огни американских горок.

– Там ярмарка!

Даже голос изменился. Теперь это был не шепот стеснительного ребенка – она говорила манерно, как кокетливая школьница.

– Где? – спросила Элис.

– На Паркер Пис. Сейчас одиннадцать, а открыто до полуночи. Совсем рядом.

В ее глазах, обведенных краской, тревожно мерцали отражения огней. Она как будто не понимала, какое впечатление производит.

– Когда вернешься? – холодно спросила Элис.

Джинни пожала плечами.

– Я ненадолго. Встречусь кое с кем... Ты меня не жди, ладно?

– Не буду запираь дверь.

– Спасибо.

Джинни взялась за дверную ручку. Внезапно на Элис обрушился шквал эмоций – гнев, ярость, отвращение к тому, чем ее вынудили заниматься весь вечер. Она невольно схватила девушку за руку. Кожа была

холодной и гладкой.

– Джинни?

– Ну, в чем дело? – Опять, опять в ее голосе звучала насмешка, как будто она знала мысли Элис лучше ее самой.

– Джо... Он тебе нравится?

Секунду Джинни смотрела ей в лицо, потом склонила голову набок, как кукла. В глубине серых глаз вспыхивали ярмарочные огни.

– Джо? – пропела она, как птичка. – А при чем тут Джо?

Дверь открылась, и Джинни исчезла в ночи.

Элис замерла у порога. Она испытывала странное чувство – не страх, но смущение.

Она поддалась искушению и посмотрела из-за занавески на улицу. Не бросила случайный взгляд, а посмотрела пристально, прицельно, расчетливо. Элис знала, что высматривает, и от этого было неловко – стыдно признаться, но она хотела увидеть тех самых «друзей» и убедиться, что Джинни не принесет Джо ничего хорошего, что он ошибся. Элис с отвращением отвернулась от окна, но не раньше, чем заметила то, чего ожидала, на что надеялась. Под фонарем стоял мужчина. Лица не было видно, но яркий желтый свет четко обрисовывал силуэт, и Элис смогла его разглядеть: высокий, с длинными волосами, собранными в хвост. Одет в длинный плащ с поднятым воротником, на ногах – мотоциклетные ботсы с цепями на задниках. Джинни легко и без усилий, несмотря на высокие каблуки, подбежала к этому человеку и привычно взяла его под руку. Он повернулся к ней, заговорил, коснулся ее плеча интимным жестом, засмеялся. Элис услышала, как смех Джинни вторит ему, разносится звонким эхом по пустынной улице, и стиснула зубы. Нет, ей не нравились Джинни, и эти «друзья» тоже не нравились. Человек в длинном плаще держался так самоуверенно, металл на его ботинках так блестел, рука так обнимала Джинни за плечи, что в этом сквозило нечто большее, чем дерзость и наглость. Элис даже подумала: не угрожает ли девушке опасность?

В тот же миг ее лицо залилось краской стыда, и она отодвинулась от окна. Показалось, что мужчина оглянулся на дом. Но это было невозможно – она даже лица его не различила на таком расстоянии. Он обернулся лишь на миг, подумала Элис, и никак, никак не мог ничего заметить. Ведь он не догадывался, что она смотрит на него, и все же... Нет сомнений: человек в плаще знал о ней, искал ее взглядом, пока она пряталась за занавеской, потом увидел и улыбнулся.

Элис перевернулась на левый бок и попыталась выбросить все заботы

из головы. Надо заснуть. Едва она закрывала глаза, темноту под веками заполняли образы: лица, фрагменты ее старых картин и замыслы новых. Проваливаясь в сон, она услышала ритмическую музыку и обрывок песни:

Однажды ты увидишь, что странная девчонка смотрит на тебя.
Однажды ты увидишь, что странная девчонка грустит.
Она сбежала в город,
Бросив дом и родную деревню.
Будь осторожна,
Странная девчонка... [\[11\]](#)

Она ворочалась на жаркой подушке, не могла найти удобную позу. Черт. Раздраженно включила ночник и потянулась за книгой. Может, почитать полчасика? Взялась за обложку – и замерла. Ей почудился звук, похожий на шепот. Голоса. Элис села в кровати, прислушиваясь к малейшему шороху, затем расслабилась. Ерунда, подумала она. Это Джинни вернулась с прогулки. Мгновение все было тихо, потом из комнаты Джинни снова донесся шепот.

«Друзья» здесь?

Элис ужаснулась при мысли об этом. Вспомнила, как выглядела и разговаривала Джинни, как девушка и ее неизвестный приятель беззвучно канули во тьму... Элис была уверена – происходит что-то нехорошее, но убеждала себя не вмешиваться. Кого бы ни привела Джинни, ее это не касается. Она не собирается выставить себя душой и выяснять, кто там. А вдруг это Джо? Надо просто выгнать Джинни из дому в конце недели и забыть о ней навсегда.

Снова слышались голоса, и уже не два, а три или четыре. Элис непременно узнала бы голос Джо, но это был не он.

Разозлившись, она уткнулась в подушку и попыталась отрешиться от шепота. В голове снова завертелся обрывок песни.

Однажды ты увидишь, что странная девчонка смотрит на тебя.
Однажды ты увидишь, что странная девчонка грустит.
Странная девчонка...

Черт побери! Почему она не может отвлечься? Это не ее дело, не надо вмешиваться... Поток мыслей вдруг оборвался, Элис откинула одеяла и

встала. Не просто встала – все-таки решила вмешаться. Она не заснет, если не выберется из тихой спальни и не увидит, что творится у Джинни.

Я должна узнать, твердила себе Элис, должна посмотреть. Натянула джинсы, футболку и босиком прокралась к двери, обходя скрипучие половицы. Из комнаты гостии доносилось едва слышное бормотание, неуловимое и дразнящее. Тихо прошуршала по ковру открывшаяся дверь, и мелкими шагами, затаив дыхание – все мышцы напряжены, ворс ковра, как сосновые иглы, впивается в подошвы, – Элис прокралась к спальне Джинни.

Под дверью виднелась полоска света. Когда Элис подошла ближе, голоса распустились в темноте, как расплываются облака дыма, огромные и бесформенные. Смысл разговора ускользал, обостренный слух разделял слова на оглушительные слоги. Обрывки фраз, доходившие до сознания, звучали угрожающе и таинственно.

Мужчина говорил:

– Она... когда спит... картина... знаю... думаю, она... картина...

Кто-то другой произнес:

– Какое-нибудь тихое место...

Ясный голос Джинни заглушил эти смутные речи. Она сказала повелительно и резко:

– Успокойтесь. Я не хочу рисковать, он не должен ничего заподозрить. Это была ошибка... – Она произнесла несколько неразборчивых слов, отвернувшись от двери. – Дайте мне время. Я все помню.

От напряжения у Элис закружилась голова, черный туннель тьмы поглощал ее. Вдруг возникло нелепое желание рассмеяться.

А чего она ожидала? Черной магии? Зеленых человечков с Марса? Элис подавила нервный смех. Теперь она не только чувствовала страх, но и сознавала нелепость своих действий. Пускай Джинни развлекается. Похоже, она с приятелями курит травку или что-то в этом роде, уверенная, что им не помешают. Это действительно никого не касается. Джо способен сам постоять за себя. Элис не хотела ничего знать.

За дверью послышались шаги и голос:

– Хватит болтать... слишком много времени потеряно... слишком долго ждали... искали... сделаем то... что должно быть сделано... готовы... найти и избавиться от нее... опасно оставаться здесь... вдруг кто-нибудь... поймет...

– Не о чем беспокоиться. Бедняга Дэниел уже мертв, с ним покончено, – сказала Джинни.

И тут дверь открылась.

Через щель в двери Элис, укрывшаяся в темной ванной, увидела три фигуры, пересекавшие освещенное пространство. Она заметила отблеск на высокой скуле, пурпурную подкладку плаща, холодное сверкание металла на мотоциклетных ботсах... Свет резко выключили. В темноте слышались осторожные шаги и шепот, подобный шелесту пыли.

– Нельзя будить ее... дверь на задвижке... все просто... спит как убитая... – Смех, легкий, как паутинка. – Вернуться до рассвета... детская игра...

– Подозрения... помни... картина... найти ее и уничтожить...

Вниз по лестнице. Тихий шорох, словно полы длинного плаща метут по ковру.

Элис осторожно выглянула из ванной. Везде было темно. Она видела – или ей казалось – лишь мерцание уличного фонаря сквозь опущенную занавеску. Отворила дверь пошире. Переступила скрипучую половицу и стала тихо спускаться, держась за перила, чтобы не потерять равновесие. Внизу щелкнул замок. Луч света рассек темноту, блеснул и исчез.

Элис осталась одна в доме.

Не включая свет, она легко сбежала вниз по лестнице, чуть раздвинула шторы... Гости уже были далеко – вытянутые силуэты шагали вперед решительно и целеустремленно. Отступив от окна, Элис наткнулась на свои ботинки и машинально обулась. Замок снова щелкнул – она открыла дверь.

Потом дверь захлопнулась, и Элис пошла следом за удалявшимися гостями в залитую желтым светом безмолвную ночь.

Затаиться было нетрудно: мягкая обувь, темная, хоть и случайно выбранная, одежда. Она знала эти улицы и держалась в тени. В аллеях и арках сгущалась темнота, ночной воздух был холодным и недвижным, на мостовой кое-где блестел иней, от дыхания поднимался пар. Элис шла через город тихо и легко: прохожих нет, здания колледжей с погасшими окнами – как сброшенные маски с пустыми глазницами, лишь кое-где мигает свет у припозднившегося студента. Постепенно город остался позади. Гости Джинни дважды переправились через реку, перешли дорогу и свернули в поле зеленой кукурузы. Элис подождала, пока они пересекут открытое пространство, и эта задержка увеличила дистанцию. Но было уже ясно: они выбрали короткую дорогу через поля до Гранчестера. Элис не раз проходила здесь днем, а теперь, ночью, узнала путь по приметам. С небес лился тусклый лунный свет, сгущались огромные облака. В темноте тропа казалась короче, чем под солнцем. Элис чувствовала себя странно; как во сне, она перешла на бег, чтобы догнать три тени. Земля стелилась под ноги

волшебным ковром. Ни усталости, ни нетерпения – только возбуждение погони; волосы на руках встали дыбом от холода и предвкушения. Песня все крутилась в голове, задавая ритм:

Странная девчонка, куда ты собралась?
Странная девчонка, куда ты собралась?
Знаешь ли ты, куда ты собралась?

Гранчестер уже виднелся в конце дороги – церковная колокольня со шпилем чернела на фоне светлого неба. Три тени почти добрались до нее. В воротах они замедлили шаг; до Элис донесся голос. Слов она не разобрала, но тон был спокойный, почти беззаботный, никакой тревоги или страха.

Послышалось тихое лязганье металла о металл: тот, кто говорил, легко вспрыгнул на усаженные железными зубцами ворота, а оттуда соскочил вниз, на кладбище. Спутники последовали его примеру. Один из них что-то сказал, в ответ раздался смех, и гости Джинни растворились в сумраке, как будто церковь поглотила их. Элис наконец стало жутко. Это не розыгрыш, не студенческая выходка – компания Джинни явно пришла сюда не впервые. Мысль о черной магии уже не казалась нелепой.

Элис все равно последовала за ними, увлеченная и напуганная. Остановилась перед воротами и некоторое время разглядывала церковь, а в мозгу медленно раскручивалось колесо страха и азарта. Ей не понравилось мрачное здание со зловещими маленькими окнами. Ворота были не слишком высоки – почти как те, через которые Элис перелезала, сбегая по ночам из колледжа. Они были заперты.

Элис подивились, зачем запирают кладбище, и вспомнила слова Джо. Он говорил это давно, во время одной ночной прогулки, ласково и насмешливо, пока она грела руку в кармане его пальто:

– Черт его знает, зачем запирают ворота. По-моему, никто особо не стремится туда войти, да и выйти желающих мало.

Это воспоминание казалось печальным призраком в холодную ночь: его тепло испарилось, оставив бледную тень ностальгии по былым временам. Шутка теперь звучала зловеще, а при мысли о том, что кто-то пытается выйти с кладбища, пробирал озноб. Элис потрогала планки ворот. Краска с них облезала, частицы прилипли к пальцам. За воротами была другая, темная сторона, как в глубине зеркала. Элис хотела узнать, что там находится, но боялась сойти с безопасной тропы. И все же, словно во сне,

она была уверена, что переберется через ворота. Подтянулась – и перспектива резко изменилась, словно Элис выросла на семьдесят футов и возвышалась теперь над черной пропастью. Она наклонилась, осторожно нащупывая деревянные створки, и перелезла через ворота.

Под покровом ночи Элис нашла таинственную троицу и спряталась за памятником. Она собиралась посмотреть, что они будут делать, но их скрывала тень от стены третьего кладбища. Только силуэты, бессмысленная игра теней, обрывки голосов, скрежет металла по камню, по земле... Они что, копают?

Элис разглядела рыжую шевелюру Джинни и расслышала ее голос, выше и звонче, чем у других. Девушка двигалась между могилами. Один ее спутник был высокий, с длинными волосами, забранными в хвост; на его ботинках поблескивал металл. Второй – светловолосый и женоподобный, его лицо не удавалось разглядеть.

– ...Где-то рядом... тут... времени нет... не здесь... все равно найду... надо выкопать его... точно... знаю...

Элис долго ждала и прислушивалась. Они рыли землю, потом металл ударил о дерево, звякнул о металл. Они нашли то, что искали, судя по возгласам. Новые звуки: шорох разрываемой бумаги, металлический скрежет... шаги. Они отдавались у Элис в зубах. Она скорчилась за памятником, кровь стучала в висках. Шаги миновали ее укрытие и затихли вдали. Немного погодя Элис встала.

Глаза привыкли к темноте и видели довольно хорошо. В какой-то момент страх исчез, вместо него пришло странное, ясное спокойствие. Элис сделала пару шагов по направлению к разрытой могиле, потом еще шаг – и остановилась. Там была яма – неглубокая, но увеличенная дивной ночной перспективой. Рядом лежало аккуратно снятое с могилы надгробие.

А ведь Элис уже была здесь. Она узнала этот угол кладбища, тис и боярышник – она приходила сюда при свете дня. Вот могила с надгробием в виде двери. «То, что внутри, помнит...»

Сейчас дверь была открыта, лунный луч касался рамы, и Элис в панике почудилось: на той стороне есть нечто, готовое выйти сюда. Створка дернулась как от толчка – это ветер, несомненно, всего лишь ветер, – качнулась со скрипом, будто на ней незримо катался ребенок. Но ветра не было, а дверца снова качнулась, на этот раз сильнее, открылась-закрылась-открылась... закрылась... открылась... Она скрипела на три ноты: две нисходящие, одна восходящая, как пение болотной птицы – ти-ри-ви-и-и, ти-ри-ви-и-и. Элис смотрела на надгробие, разинув рот; сердце замерло от ужаса. Болотная птица все скрипела и скрипела на три

протяжные ноты, дверь продолжала свой танец – открылась, закрылась, открылась...

Элис резко открыла глаза, еще во власти кошмарного сна, и не сразу поняла, где находится. Все тело болело, шея одеревенела, ноги затекли, одежда прилипла к коже.

Она помотала головой, чтобы очнуться, и села. Чем, скажите на милость, она занималась вчера? Заработалась? Кажется, да. Ей и раньше случалось засыпать в мастерской, но она никогда не забывала, как здесь оказалась. Элис вспоминала... что? Сон? Она решила, что да, это был необыкновенно реалистичный сон. Теперь настало пробуждение. Вот картина – стоит на мольберте, прикрытая куском муслина от пыли, пока не высохнут краски. Скорее всего, Элис сама ее тут оставила.

Но почему она совсем не помнит об этой картине? В больной голове остался лишь проклятый сон, да еще отголоски странного предчувствия, раскручивавшие колесо страха. Элис параноидально подумала: уж не опоила ли ее Джинни? Она встала, чтобы размять затекшие ноги, вытряхнула из коричневого пузырька таблетку аспирина, проглотила ее, сморщившись, и достала еще две.

Элис помнила вечер с Джо, помнила, как легла спать, помнила свой сон... если это сон. Но она не помнила, как пришла в мастерскую и что рисовала.

Картина!

Она наверняка что-нибудь подскажет, поможет вспомнить хоть часть забытого. Точно. Элис помедлила, протянув руку к муслиновому покрову. Сквозь тонкую ткань просвечивало что-то серое и зеленое, рядом лежала палитра, пахло краской, в баночке зеленела вода... Внезапно Элис засомневалась, что хочет видеть картину. Но искушение было слишком велико. К тому же она не могла поверить, что на ее собственном мольберте стоит совершенно незнакомое свежее полотно.

Она приподняла ткань. Взгляду открылся вихрь красок и форм, гармония и сила совершенной композиции. Это была ее работа, ее стиль, и все же... Элис ничего не помнила. Вот подпись в углу. Вот каллиграфически выведенное название картины. И какой картины! Река, по берегам – травы и полевые цветы, их корни сюрреалистически тянутся вниз, в прозрачные волны, где расплывается отражение ивы; вода и зелень образуют что-то вроде тоннеля со смутной белой женской фигурой в конце... Элис придвинулась ближе, и перспектива изменилась: она поняла,

что глядит на реку сверху, а женщина в белом находится под водой. Вода и отражение дерева размывали ее облик, отсветы позволяли увидеть только лицо: бледная кожа отливает зеленью в тени листвы, глаза и рот открыты, волосы кажутся почти черными под водой, а на поверхности колышутся, как водоросли, огненно-рыжие на серой глади реки. Черты были недостаточно четко прорисованы, чтобы сказать с полной уверенностью, но Элис узнала: это Джинни. Картина называлась «Раскаяние. Утонувшая Офелия».

Элис долго рассматривала эту тревожную весть из страны снов. Картина была и похожа, и не похожа на ее прежние работы. Цветовая гамма знакомая (на руках осталась краска, ввевшаяся под ногти), и линии рисунка, и игра света. Размер полотна такой же, как у предыдущей картины, ощущение пространства то же самое, детали быстро и уверенно прописаны акриловыми красками по светлой туши. Боже, она сделала это за несколько часов! Элис никогда в жизни не работала так быстро. Она снова подумала о наркотиках – пусть страшное, но утешительное и вполне вероятное предположение. Если ей скормили галлюциноген, это объясняет и сны, и провал в памяти, и саму картину. Элис всматривалась в нее, не в силах отвести глаз. Что-то еще, особенное и жуткое, тревожило сильнее, чем отсутствие воспоминаний. Какое-то неопределенное, навязчивое впечатление. Необычная перспектива сбивала с толку: вблизи Элис чудилось, что она сама тонет в этой реке, под корнями ивы, а женщина с распущенными волосами, разбитая отблесками на мириады фасеток, улыбается сверху и глядит в воду.

Элис отодвинулась, зачарованная. Иллюзия была совершенной. Картина затягивала в себя, как омут.

Неужели она действительно это нарисовала? Смятение постепенно сменялось волнением и радостью. Несомненно, это лучшая ее работа, даже лучше первой «Офелии». Она видела на холсте водоворот своего подсознания, спиралью уходивший в глубь души: на каждом витке открывался неведомый мир, вращавшийся вокруг собственной оси, словно калейдоскоп, рождая множество образов и их противоположностей... Эти волны увлекли Элис, так что она невольно рассмеялась.

Однако телефонный звонок развеял чары. Звонкая трель разнеслась по тихому дому, и Элис нервно дернулась. Внезапно в памяти всплыл сон (темно, пахнет землей и чем-то древним, тени водят хоровод вокруг разверстой могилы), но пока она вставала с постели, воспоминание растаяло. Когда Элис дошла до телефона, звонок оборвался. Она посмотрела на часы: больше десяти.

Джинни!

Чтобы выбросить из головы видения минувшей ночи, Элис добралась до кухни и поставила чайник. Кот по имени Дэви Крокетт^[12] сидел на холодильнике. Завидев Элис, он спрыгнул, принялся мяукать и тереться о ноги.

– Потерпи, Дэви, – сказала Элис. – Только посмотрю, проснулась ли Джинни.

Она неслышно взбежала по лестнице, по пути открыв окно, и осторожно постучала в дверь.

– Джинни? Ты встала? – мягко спросила Элис.

Тишина. Она позвала погромче:

– Джинни!

Ответа не было. Часы на лестнице показывали почти четверть одиннадцатого.

– Джинни, ты проснулась?

Элис дернула за ручку двери и заглянула в спальню.

Окно было раскрыто, занавески отдернуты, в комнату лился свежий утренний воздух со слабым запахом желтофиоли. Постель заправлена, подушка взбита, кремовое покрывало на месте – Элис удивилась аккуратности своей гостыи. Потом в ее душу закралось сомнение. Она отвернула покрывало и проверила простыни... Так и есть.

В этой постели никто не спал. Сложенная ночная рубашка осталась на прикроватном столике. Элис рывком распахнула дверцы гардероба. Там висело несколько платьев, поверх пары блузок лежал аккуратно свернутый пуловер, внизу стояла пара туфель. В правом углу оказался сверток с рваными джинсами, футболкой и пурпурными ботинками Джинни, заляпанными грязью. Испытывая некоторую неловкость, Элис вынула вещи из шкафа. Следом вывалилось кое-что еще: грязные кроссовки, глянцевого дождевик, черный кожаный байкерский жилет, вторая футболка, дешевые украшения, тяжелый пояс с пряжкой в виде ухмыляющейся рожи, серьги в форме черепов и перевернутый крест на цепочке. Эти жуткие штуки – как у подростков, слоняющихся вечерами по торговым центрам, – были спрятаны в глубине шкафа. Под ними лежал пластиковый пакет с двумя шприцами – один новый, другой старый, явно много раз использованный. Ах вот как, подумала Элис. Шприцы все объясняли.

Она забеспокоилась о Джо. Он так доверчив и наивен. Даже не подозревает, что стоило ему выйти за порог, как милая девочка, в которую он влюбился, удрала из дома на всю ночь вместе со старым и очень близким другом. Хотя у нее якобы нет друзей.

Теперь слова Джинни обрели смысл. Она пошла прогуляться, чтобы добыть то, что ей необходимо, вот и все. А сон? Просто сон.

Странно, но Элис почувствовала себя лучше. Она могла понять эту слабость, которая все объясняла и указывала на подлинную уязвимость Джинни; она даже прониклась теплыми чувствами к девушке, такой трогательной в чужой одежде. Элис решила, что ошиблась, приняла неуверенность за расчетливость. Она повела себя враждебно, вместо того чтобы предложить утешение и понимание. А теперь Джинни исчезла.

Успокоившись, Элис спустилась вниз, погладила черепаховую кошку, сидевшую на холодильнике, остальным налила молока, а для себя отрезала кусок хлеба и опустила его в тостер. Кошка спрыгнула на стол рядом с тостером, мяукнула и с интересом понюхала гренок.

Элис взяла ее на руки. Шерсть лезла ей в нос, лицо щекотали кошачьи усы. Небо за окном было серое – не хочется выходить из дому, подумала Элис. Она подобрала газету, лежавшую на коврик у двери, и просматривала ее, пока жарился хлеб. Обычно она смотрела в «Кембридж ньюс» расписание киносеансов и театральную программу, так что первая страница не привлекла бы ее внимания, если бы не фотография под портретом мужчины средних лет и заголовком «Сексуальный скандал: профессор умер в арендованной квартире». Снимок был темный и нечеткий, короткая заметка явно написана второпях, но Элис, пусть не сразу, узнала это место.

Ограда, ворота, стена слева, очертания узкого окна... Вид на гранчестерскую церковь от ворот, ведущих на кладбище.

Мимолетное воспоминание всплыло (девушка танцует на краю могилы... лопата стучит о землю... о металл... о дерево...) и померкло. Заметка была короткой и незамысловатой, информации минимум, но новость тревожная.

«ВАНДАЛЫ ОСКВЕРНИЛИ КЛАДБИЩЕ В ГРАНЧЕСТЕРЕ»

Вчера поздно вечером на территорию кладбища в Гранчестере проникли вандалы. Они осквернили церковь, нарисовав на стене граффити, и некоторые могилы.

Полиция сообщила, что ущерб весьма велик, но пока не готова уточнить детали.

Преподобный Мартин Холмс, нынешний викарий Гранчестера, назвал акт вандализма ничтожным и жестоким

выпадом против общины и возложил вину на хулиганствующих студентов. Он опроверг утверждения свидетелей, будто в прошлом на кладбище совершались обряды черной магии».

Элис перечитывала записку, и расплывчатые воспоминания становились все яснее. Неужели это был сон? Она помнила, с каким звуком металл ударялся о дерево и камень. Помнила, как пряталась в тени, как шла через поле. Помнила грязь на обуви... Элис подняла голову, увидела на коврике около двери свои кроссовки, покрытые слоем кладбищенской грязи...

И вспомнила все.

Один

Иногда я не различаю, где жизнь, а где сон или сон во сне. Может быть, я проснусь, когда в горло вонзятся воображаемые клыки, или просто уплыву по эфирной реке, словно Прищур, Моргун и Дрема^[13]. Милый юный доктор приходил сегодня снова. Он хмурился, рассматривая мои вены. У него тоже есть средство, навевающее грезы. Я попросил его отменить сны, но он лишь улыбнулся. На миг померещилось, что передо мной Розмари.

Ах, Розмари. Она всегда рядом. И все же я записываю эту историю; не льщу себе надеждой, что Розмари не догадывается, но я вроде бы нашел способ на время отдаляться от нее. Понимаете? Думаю, понимаете. Это должно меня спасти. Потому что она скоро явится, я уверен. Явится, чтобы забрать меня с собой, как Элейн и остальных. Но я не пойду к ней. Нет. Лучше тьма. Лучше вечная тьма.

Еще один стакан виски – лекарство от снов.

Что я написал прошлой ночью? Я хотел рассказать вам о Роберте и о том, как он был обманут. Но вместо этого писал о своих снах, как будто их недостаточно, как будто необходимо умножить это безумие, преследующее меня всю жизнь. Знаете, я по-прежнему хожу на гранчестерское кладбище. Меня отпускают – думают, мне от этого легче. Я не ищу встреч с Розмари (вижу ее каждую ночь), но хочу убедиться, что она еще там. Если она вернется, я узнаю об этом. Конечно узнаю. Сейчас она не в силах творить зло. Наконец-то Розмари покоится с миром. Но иногда я вижу ее, чувствую, как она ворочается в темной глубине земли. Может быть, пожирает свой саван, как ведьмы былых времен. Но я верую в Бога; вера – ответ на все вопросы. Я говорю себе: когда Розмари придет ко мне, я отвернусь от нее и буду молиться.

Все, что мне нужно, это вера.

Может быть, именно вера спасла меня тогда. Я потерял голову от любви к Розмари, меня зачаровывало каждое ее движение. Не вините меня – я был глупцом, но она была так прекрасна! Она ослепляла, как солнце, как молния. Я помню нашу первую совместную трапезу: свет играл на ее огненных волосах, блики переливались вокруг лица подобно нимбу. Сначала я стеснялся и безмолвно взирал на нее поверх нетронутой тарелки, а она ела изящно, слегка по-кошачьи, откусывая мелкие кусочки. Ее зубы оставляли ровные полукружия на ломтике хлеба, а тихое позвякивание

ложки о лучший фарфор миссис Браун становилось все отчетливее в тишине; так картинка увеличивается под лупой. Кажется, я в тот вечер не произнес ни слова. Просто смотрел, глупо улыбаясь и не осознавая, что она тоже смотрит на меня из-под скромно опущенных ресниц и все видит сквозь завесу притворства. Ничто не могло от нее ускользнуть. И никто – ни Роберт, ни я.

Она обратилась ко мне первой – через блюдо, на котором горкой лежали фрукты. Яблоки, персики, апельсины... Не во всех районах Кембриджа продукты продавали по карточкам, и миссис Браун гордилась тем, что кормит свою «молодежь» лучше, чем в самых дорогих ресторанах. Я потянулся к блюду, чтобы предложить его Розмари – как раз в тот миг, когда она сама протянула за ним руку. Мои пальцы неуклюже скользнули по ее изящной кисти. Я отдернул руку, краснея и извиняясь. Ее кожа была прохладной, как у ребенка.

– О, простите, мисс... – пробормотал я.

Розмари застенчиво улыбнулась и спросила:

– Вы ведь даже не знаете моего имени?

Я смутился еще больше и пролепетал что-то абсолютно неразборчивое.

– Меня зовут Розмари, – сказала она. – «Розмарин – это для воспоминания», помните?

– Прекрасное имя, – глупо промямлил я.

– А как вас зовут? – продолжала она. – Я не поблагодарила вас за то, что вы сделали, но все-таки откройте мне свое имя. – Ослепительная улыбка озарила комнату. – Быть может, вы Ланселот? – произнесла Розмари шутливо. – Или Галахад?

Я не особо умел флиртовать; точнее, совершенно не умел. И в ответ на ее шутку лишь покачал головой.

– Нет, я Холмс. Дэниел Холмс. – Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы побороть смущение. – Очень рад. То есть...

– Розмари. Пожалуйста, зовите меня Розмари.

– Роз... Розмари... – Я выдавил нервный смешок.

– И мне уже лучше, – продолжала она. – Благодаря вам, Дэниел. Вы, должно быть, очень храбрый – сразу бросились на помощь, прыгнули в реку. Ведь вы совсем не знаете меня. Я могу оказаться кем угодно.

– Мне все равно, – отозвался я, осмелев. – Вы прекрасны, как стихотворение.

Скрестив небрежно руки на груди,

Так хороша, что слов не подберешь,
Босая смело к трону подойди:
Сражен Кофетуа – великий вождь... [\[14\]](#)

– Вы поэт! – воскликнула Розмари, захлопав в ладоши.

– Нет-нет! – Я покраснел. – Это стихи Теннисона.

Она снова улыбнулась, на этот раз печально – так мне показалось. Потом отвернулась, подставляя лицо солнцу, и яркий луч высветил ее глаза, так что радужки засияли.

– Сейчас я едва верю в это, – негромко произнесла Розмари. – В то, что хотела умереть. Но вы же понимаете, это всего лишь отсрочка. В один ужасный день рядом не окажется Дэниела Холмса, готового спасти меня. Будет лишь река, ожидающая своего часа. Скоро я уйду, и вы меня забудете.

– Забуду? – У меня перехватило дыхание.

– Ничто не длится вечно, – промолвила Розмари. – У меня были друзья, Дэниел. Я считала их хорошими друзьями. Но теперь я одна, в моем сердце лед, и он не растает вовек. Вы сравнили меня с той нищенкой – быть может, я и есть нищенка, вечно отверженная, вечно одинокая...

– Но...

– Моя красота, – перебила меня Розмари. – Об этом вы собирались сказать? Я красива? О, как я об этом жалею!

Она закрыла глаза, ее губы трагически искривились, руки, лежащие на коленях, сжались в кулаки. Никогда не забуду чувство, которое она вызвала у меня, – душераздирающее соединение жалости и любви. На моих глазах закипали слезы. У меня есть оправдание – Розмари была превосходной актрисой.

– Мои родители были бедны, – начала она. – Не могу винить их за это, как и за желание выгодно использовать мою красоту. Они считали, что я легко смогу найти мужа, который позаботится обо мне и о них. В Кембридже много славных молодых людей, говорили они.

– Не нужно ничего рассказывать, – прервал я. – Это совершенно не важно, Розмари.

– Но я хочу объяснить вам, – настаивала она. – Хочу, чтобы вы все знали, даже если станете меня презирать. Хочу, чтобы вы попытались меня понять. Я нашла работу в забегаловке. – Ее передернуло. – Там было жарко и шумно. Иногда я задерживалась допоздна и боялась идти домой ночью. Я снимала маленькую квартиру в центре города – возвращаться каждый день к родителям в Питерборо было слишком далеко. Хозяйка относилась ко мне

недоверчиво – быть может, завидовала из-за внешности. Иногда какие-то мужчины шли за мной до самого дома. Но я никого из них не впускала!

Она пристально смотрела на меня, ее лиловые глаза сияли.

– Понимаете, Дэниел? Никогда!

Я кивнул. Вы бы тоже поверили.

– А потом... Однажды я встретила... даже сейчас не осмелюсь назвать его имя. Но это неважно – возможно, оно вовсе не настоящее. Он сказал, что преподает в колледже. Он был красивый, умный и, как я считала, добрый. Говорил, что влюбился в меня с первого взгляда. Что я не должна работать в забегаловке. Что хочет позаботиться обо мне. Сначала я не верила ему, но он казался таким искренним... Меня убедили его доброта и участие. Он намекал, что хочет жениться на мне. Прямо никогда не говорил, но... – Она умолкла и вытерла глаза. – Шли недели. Он по-прежнему был так добр... Держал за руку, когда мы гуляли в парке. Сводил в театр. Однажды возил меня в Лондон на своей машине... но никогда не приглашал к себе домой. Мне было все равно. Я знала, что женитьба на мне возмутила бы его семью. Я терпеливо ждала, ослепленная счастьем. Как-то раз, возвращаясь домой с покупками, я увидела его. Увидела и позвала по имени – на всю улицу. Он обернулся... и тут я заметила, что на его руку опирается какая-то дама.

Розмари умолкла, на глазах у нее выступили слезы. Повинуясь мгновенному порыву, я сжал ее кисть.

– Дама спросила: «Кто эта женщина?» Он отвернулся от меня, не сказав ни единого слова, и ответил ей... Боже, я как сейчас слышу эти слова! «Никто, дорогая». Никто! Я никто, несмотря на красоту. Недостаточно хороша, чтобы меня уважали порядочные мужчины. Нищенка! Точнее не скажешь. Вы угадали, Дэниел. Мой добрый Дэниел.

Я пытался успокоить ее, но Розмари настаивала:

– Нет! Вы должны выслушать до конца. Мои надежды были разбиты, но я не могла смириться с тем, что все вот так закончится. Высматривала его на улицах, тщетно ждала звонка с объяснениями. Я впала в такое отчаяние, что поверила бы любой лжи, лишь бы вернуть его. Но он не появился. Работа в забегаловке стала невыносимой, и я занялась шитьем на дому для моей хозяйки. Зарабатывала ровно столько, чтобы хватало на жизнь. Я знала: хозяйка радуется моим несчастьям. Не поверите, как она оскорбляла меня. Постоянные намеки, выговоры... Но я боялась съехать. Боялась, что больше никто не согласится сдать жилье одинокой женщине. Я пила. В одиночку, у себя в комнате, по ночам. Пила джин, как дешевая шлюха. Ненавидела себя, но джин немного скрашивал тоску и отчаяние. А

потом я увидела, как он выходит из театра с друзьями. Не решилась заговорить – я была плохо одета, может быть, пьяна, не помню. Я следовала за ним до его дома. Ждала, пока не уйдут друзья, – не знаю, как долго. Мне показалось, очень долго. Потом постучала. Он не сразу подошел к двери. Я уже испугалась, что он вообще не подойдет... а потом увидела его через дверное стекло. Он отворил, несколько мгновений холодно смотрел на меня. «Простите, – сказал он, – я вас не знаю». И захлопнул дверь. Я долго стояла у его порога, замерзшая и отчаявшаяся, пока не увидела, что начинает светать. Значит, я простояла там всю ночь. Не могла понять, почему он вдруг переменялся, и это непонимание было тяжелее всего. Когда я вернулась, мои вещи ждали меня за дверью, аккуратно упакованные в сумку и чемодан. Уверена, хозяйка наслаждалась, собирая мои пожитки и злорадствуя... На дверь она прицепила записку. Не могу пересказать ее, Дэниел. Я ни в чем не виновата, но это послание опозорило меня, сделало грязной и порочной. Поэтому я пошла к реке. Но в мире еще осталось немного сострадания, раз появились вы. Вы...

И Розмари заплакала. Она плакала долго, она всхлипывала и лила слезы, которые терзали мое сердце. Прятала лицо в ладонях, словно маленькая девочка. Я обнимал ее и бормотал жалкие, искренние, детские слова утешения. И ощущал сердечный трепет, какого не чувствовал ни до, ни после этого; я испытал божественное озарение, когда она подняла на меня взгляд и улыбнулась.

Нет, я бы не смог винить Роберта за то, что увел у меня Розмари, – даже если бы он не был моим другом. Она – клин, который разделяет друзей; она могла заставить честного человека воровать, доброго – убивать. На месте Роберта я, несомненно, сделал бы то же самое. Кровь стынет в жилах при мысли о том, как легко мы могли бы поменяться ролями. Тогда я лежал бы сейчас на гранчестерском кладбище. Возможно, вскоре я там окажусь.

Часть вторая

Небесная подруга

Преподобный Холмс оказался невысоким, худым, довольно невзрачным человеком. Изысканный витраж позади него отбрасывал разноцветные тени на странно детское лицо викария. Взгляд светлых глаз за толстыми линзами очков в проволочной оправе был острым и искрился юмором. Густые темные брови придавали лицу суровое, даже отстраненное выражение; сейчас они сошлись на переносице – преподобный Холмс нахмурился, подыскивая слова для ответа. Он заговорил как старик или человек, глубоко погруженный в собственный мирок, вдали от приливов и отливов большого света: медленно и весьма неохотно, слегка растягивая слова, хорошо поставленным мягким голосом сельского священника.

– Что ж... увы, – произнес он, покачав головой. – Я больше ничего не могу сообщить об этом. Очень неприятная выходка. Однако это просто студенческая шалость. Правда, я не вижу ничего забавного в раскапывании могил и осквернении церкви. Дурацкая шутка, но не более того.

– Что же здесь произошло? – настаивала Элис, сдерживая нетерпение.

– Никто не знает, – ответил священник. – Довольно мерзкое происшествие, я шокирован... – Он понизил голос и с заговорщицким видом повернулся к Элис. – Но мне кажется, тут кто-то пытался докопаться – простите за каламбур... лично до меня.

Элис изобразила приличествующую случаю заинтересованность, хотя уже решила, что напрасно обратилась к этому человеку. Ее мнимые или подлинные воспоминания не находили себе подтверждений. То, о чем говорилось в газетной заметке, не имело к ним никакого отношения. Случайное совпадение, не более того.

Мартин Холмс сделал ей знак подойти поближе.

– В числе прочих осквернена могила моего дяди. – Он помолчал несколько секунд. – Видите ли, мисс...

– Элис Фаррелл.

– Да. Мисс Фаррелл, наше семейство – из старейших в графстве Кембриджшир. Хотя сам я живу здесь не так уж давно... Быть может, какая-то вражда, бывшие обиды, ну, вы понимаете...

Элис посмотрела на часы. Преподобный Холмс не заметил этого, он продолжал свой сбивчивый монолог с видом человека, нашедшего благодарную аудиторию.

– Когда меня назначили... э-э... викарием местного прихода, это не

всем понравилось. Меня считали неподходящим кандидатом. В нашей семье был случай расстройств... ну, душевной болезни. Такое бывает, вы знаете. Об этом еще не забыли – у людей долгая память. Может быть, кто-то из молодежи решил ради забавы раскопать могилу бедного дядюшки Дэна, чтобы подразнить меня.

Элис взглянула на него сочувственно.

– Бедняга был совсем безумен. – Мартин Холмс покачал головой. – Умер в сумасшедшем доме... повесился, так мне сказали. Нельзя сказать, что я хорошо знал его... нет, почти не помню. Дядя Дэн остался для меня загадкой. Я видел его однажды в детстве, навещал вместе с отцом. Дядя хотел дать мне шиллинг, но отец не позволил. Потом он сказал, что дядя без конца твердил о дьяволах... и чудовищах. О чудовищах! – со смехом повторил священник.

Элис снова взглянула на часы.

– Ну что ж, – произнесла она. – Если это все...

– Все? – переспросил преподобный. – Да, пожалуй... Не считая того, что шутники обманулись. Бедный старый дядя Дэн...

– Обманулись?

– Ну, его там нет, – пояснил преподобный Холмс. – Тот, кто хотел его выкопать, ничего не нашел. В гробу лежат шкатулка и несколько безделушек.

При виде ошеломленного лица Элис (ей уже не хотелось уходить) Мартин с извиняющейся улыбкой кивнул.

– Я же сказал: он был безумен.

– Но где же он?

Преподобный рассмеялся, на этот раз очень тихо.

– Здесь. Прямо здесь, в церкви. Его кремировали, а потом замуровали в восточной стене, за декоративной дощечкой. Так он завещал. Мой отец счел необходимым выполнить последнюю волю брата, даже... такую странную. – Он снова помолчал, затем пробормотал: – Забавно, но он, выходит, не зря спрятался.

– Почему?

«Зачем я выслушиваю какой-то бред? – в отчаянии думала Элис. – Давно пора уходить!»

– Потому что именно этого он и боялся, – терпеливо объяснил священник. – Что его выкопают. – Он пожал плечами. – Бубнил о том, что его вытащат из могилы, понимаете ли, и используют для чего-то... Зачем это сделали сейчас, через столько лет, не пойму. Бедный старик. – Он повернулся к Элис. – Взгляните туда.

Элис посмотрела, куда викарий указал пальцем, и не заметила ничего особенного.

– Вглядитесь, – настаивал преподобный. – Видите медную табличку?

Элис шагнула вперед, присмотрелась, сделала еще шаг. Да, теперь она видела табличку, вмурованную в стену на высоте восьми дюймов над полом. Табличка была очень маленькая, покрытая зеленоватой патиной. Элис наклонилась, обвела надпись пальцем и почувствовала нарастающее беспокойство. Простые буквы, глубоко врезанные в металл, складывались в слова: «СПАСИ И СОХРАНИ».

И все. Ни имени, ни даты. Несколько секунд Элис размышляла, не сочинил ли священник эту историю, чтобы задержать ее подольше. «Спаси и сохрани» – от чего? Элис даже не знала, законно ли это – замуровывать покойника в стене церкви. Она снова осмотрела табличку, потерла ее пальцами и поморщилась, испачкав руку.

– Здесь он и лежит, – подал голос преподобный Холмс. – То есть здесь лежит его прах, конечно же, и его... э-э... бумаги. Он был, видите ли, писатель... в былые годы. Довольно известный в своей области. Рукопись похоронили вместе с ним. Хотел бы я знать, о чем он там писал.

Элис не слушала. За табличкой в стене скрывалась тайна. Эта история будоражила воображение, как судьба женщины, упокоившейся под надгробием с надписью «То, что во мне, помнит и никогда не забудет».

Вдруг Элис отшатнулась от таблички как ужаленная. Преподобный Холмс стоял позади нее, и на его добродушном лице отразилась тревога.

– С вами все в порядке?

Элис кивнула. Что происходит? Она на миг провалилась в какую-то иную реальность и почти увидела, почти поняла нечто невероятно, ошеломляюще важное... Не в первый раз за последние несколько дней она засомневалась в здравости собственного рассудка. Несомненно, там был мужчина... Пахло, как в цирке... и свет изменился. И Элис ощутила сильнейшее желание вырвать из стены табличку, расшатать камни... Найти, увидеть...

– Все в порядке, – сказала она. – Это было очень интересно. Я и не думала...

Она говорила бессмысленные слова, однако этого было достаточно, чтобы собраться с духом и задать вопрос, который она так хотела задать.

– Скажите, вы знали девушку по имени Вирджиния Эшли? Рыжая, стройная, очень красивая. У нее был друг, мужчина с длинными темными волосами, собранными в хвост... Он носил черный плащ. Вы не видели их поблизости?

Преподобный Холмс ненадолго задумался.

– Кажется, нет, – ответил он наконец. – Но я не уверен... Понимаете, память меня подводит. Забываю лица... Рыжая? Нет. Но я поищу ее, если она ваша подруга. Как, вы сказали, ее зовут?

– Нет, не надо, – отозвалась Элис. – Это пустяки. Я просто предположила, что вы могли бы ее знать. А теперь мне пора. Спасибо вам большое.

С этими словами она повернулась, вышла из церкви и почти бегом покинула кладбище. Следы ночного происшествия были убраны, осталось лишь опрокинутое надгробие да несколько бессмысленных каракулей, сделанных красной краской из баллончика. Луг за оградой озаряло яркое солнце, и путь через поля до Кембриджа так сильно отличался от дороги, проделанной во сне, что Элис почувствовала себя лучше. Нет, это точно был сон. Даже следы через пшеничное поле (три цепочки рядом и четвертая поодаль, осторожно петляющая по краю в тени) наверняка оставлены кем-то другим.

И пока Элис шла к городу, какая-то тень тихо проскользнула в церковь и помедлила у входа в ризницу. Свет из витражного окна бросал разноцветные блики на яркие волосы прихожанки. Несколько мгновений она созерцала священника, молча стоявшего у алтаря, затем почти бесшумно направилась к нему. Ее туфельки без каблуков едва касались каменного пола, пока она с кошачьей грацией бежала к алтарю. Когда она приблизилась, огонь лампы погас, но священник этого не заметил.

Роберт был моим давним, лучшим и единственным другом. На два года старше, он в свои двадцать семь казался таким взрослым и опытным, будто вырос в другом мире. Он побывал на войне (меня признали негодным к службе из-за плохого зрения) и вернулся после сражения при Эль-Аламейне, раненный шрапнелью в ногу. Роберт прихрамывал при ходьбе, и в моих глазах это выглядело очень стильно. Я отдал бы все, лишь бы стать похожим на него: красивым и популярным, настоящим военным героем. Он имел все качества, какие я ценил и хотел перенять. Он был высокий, выше меня, и гибкий; он не выглядел нелепо даже в мешковатых костюмах и пальто, которые обычно носил. Прядь каштановых волос небрежно спадала на глаза, ясные и чуть насмешливые. Роберт изучал английскую литературу. Война заставила его прервать занятия, однако он привил мне интерес к Китсу, Россетти и Суинберну. Он курил крепкие сигареты, подолгу сидел в многолюдных кофейнях и пил одну чашку черного кофе за другой, разглагольствуя о литературе. Я читал его работы: они были полны юношеского задора, резких высказываний, а порой мягкой самоиронии. Я не сомневался в том, что в один прекрасный день книгу моего друга опубликуют, и следил за его достижениями с гордостью и уважением, но без малейшей зависти. Зависть пришла позже, вместе с Розмари.

Я не мог скрыть недавние события от Роберта, как не мог перестать дышать. Конечно, я открылся ему. Он принял это свидетельство моего уважения как должное, с легким оттенком снисходительности. Я никогда не обижался на это – мне льстило, что он предпочитает мое общество другим компаниям. Я поведал о своих чувствах, ожиданиях и даже мечтах – обо всем, что в те дни связывал с Розмари.

Роберт сидел в кафе, как обычно, пил кофе и читал книгу. У меня, наверное, был жалкий вид: я не спал всю ночь, костюм был помят, глаза слезились, волосы растрепались. Кроме того, я простудился после прыжка в реку – в горле першило, суставы ныли. Я уже говорил вам, что отнюдь не являюсь человеком действия. Когда я вошел, Роберт небрежно улыбнулся и затушил сигарету в мраморной пепельнице. Отложил книгу («Вести ниоткуда» Морриса), подозвал официантку, попросил принести еще один кофейник и чашку.

– Ты читал? – спросил он, показав обложку. – Великолепно. Знаешь... – Роберт нахмурился, заметив мой растерзанный вид. – Что с

тобой произошло? – удивленно поинтересовался он. – Ты похож на безумного изобретателя. Снова где-то кутил или пытаешься изобразить байроническую небрежность?

Я сглотнул и попытался привести в порядок волосы, спадавшие на глаза.

– Я думал, ты сегодня утром ведешь занятия, – продолжал Роберт. – Не опоздаешь? – Он взглянул на часы. – Уже десятый.

Я покачал головой и бросил шляпу на стол.

– Я отменил занятия.

– Вот уж не ожидал, – произнес Роберт. – Ну, выкладывай, не томи! Полагаю, случилось невероятное, раз ты пренебрег уроками. При твоей-то педантичности.

И он вздохнул – выразительно и иронически, как мог бы вздохнуть Китс или Бердсли. Роберт опять посмеивался надо мной, однако я чувствовал, что под насмешкой скрывается удивление и даже тревога. Искушенность моего друга, внешний лоск и то, что другие принимали за претенциозность, служили лишь маской. Сейчас, глядя в прошлое, я понимаю: он был беззащитен. Его выбросили – пусть и на милосердно краткое время – из тесного мирка частной школы и университета в страшный мир сражений. Он вернулся в Кембридж, желая забыть уродства войны, и прилагал к этому все усилия. Нашел убежище в узком кругу интеллектуалов, ходивших на лекции и сидевших допоздна в прокуренных кофейнях, рассуждая о живописи и поэзии. Это было бегство от действительности. Пока любящий отец поощрял и оплачивал изыскания сына, Роберт хотел оставаться вечным студентом, преследующим все более умозрительные цели, тем самым защищаясь от боли и нежеланной сложности взрослой жизни. Но я был молод и видел только то, что лежало на поверхности, – небрежную изысканность. История с Розмари проявила истинную натуру моего друга, а до этого я считал его воплощением силы, заслоном от жестокого мира. Он хвалил мои работы, беседовал со мной, терпел меня; и я был так благодарен за это, что с радостью умер бы ради него.

Должно быть, мой рассказ звучал сумбурно. Помню, как Роберт улыбнулся и успокаивающе положил руку мне на плечо.

– Давай-ка успокойся, старина, – произнес он. – Не знаю, как ты, а я по утрам не в лучшей форме.

Я взял предложенный кофе, постарался унять дрожь в руках, сжимавших фарфоровую чашку, и начал сначала.

На этот раз повествование было более связным. Роберт слушал, слегка

наморщив лоб. В одной руке он держал чашку, в другой – сигарету, дымок от которой непрерывной струйкой поднимался к потолку. Пару раз он кивал и задавал вопросы. Я запинаясь, тщетно стараясь выразить свои чувства, но не находил нужных слов. Закончив рассказ, сделал большой глоток кофе, высморкался и стал ждать ответа, глядя на Роберта поверх очков. Я боялся, что он посмеется надо мной – иногда друг больно задевал меня своими шутками, хотя и ненамеренно. Возможно, он заметил мой страх, потому что помедлил, словно оценивал – отнестись к этому серьезно или не стоит. Затянувшись сигаретой, Роберт выпустил дым через угол рта и нахмурился.

– По-моему, похоже на розыгрыш, – промолвил он, наливая еще кофе. – Не создаешь ли ты себе проблемы собственными руками?

Я неистово замотал головой.

– Нет, нет! Если бы ты видел ее, Роберт, ты бы сам понял. Я знаю, это странно звучит, но... Черт побери! Не знаю, как сказать. Она чудо, Роберт, девушка из мечты. Из другого времени.

Роберт бросил на меня насмешливый взгляд.

– Она явно увлекла тебя в рыцарские времена.

– Прошу, не шути! – сказал я. – Если бы ты видел ее...

– Вряд ли это что-то изменит, – лениво бросил он. – Женские чары на меня, похоже, не действуют. Женщины не думают ни о чем, кроме себя, своих платьев и других женщин. Знаю, у тебя не такой уж богатый опыт, но поверь – как только ты узнаешь парочку...

Глаза его блестели, и я понимал, что он посмеивается надо мной. Этот тон не принадлежал истинному Роберту, его душа пряталась за множеством масок, и я нечасто сталкивался с ней.

– Однако мне любопытно, – продолжал он. – Я пока не встречал идеальную женщину и очень хотел бы увидеть.

Вздохнув с облегчением, я хлопнул Роберта по плечу и в порыве энтузиазма пролил кофе. Я чувствовал себя школьником, которого похвалил отличник-старшеклассник.

– Вот и славно! – воскликнул я. – Мы увидим ее прямо сейчас. Согласен? Ты не разочаруешься, Роберт. Ты полюбишь ее, полюбишь по-настоящему.

Так и произошло, я не ошибся. Он действительно полюбил ее, он не разочаровался. Это слабое утешение. Но ведь я не мог предугадать всего заранее. Я знаю, что не виноват, однако знание не уменьшает вины и не затмевает воспоминаний о том, какой юношеский восторг я испытывал, когда радостно вел друга на тот берег реки – к гибели.

Два

«Ну что ж, – думала Элис, – эта линия следствия зашла в тупик».

Преподобный Холмс никогда не встречал Джинни и ее друзей, а его рассказ ничем не подтверждал видения Элис.

Наверное, Джинни просто тусовалась с приятелями, продавала или покупала наркотики, а у самой Элис случился краткий провал памяти на почве усталости или легкой формы гриппа. Вполне логично и убедительно.

Оставалась неразгаданная тайна Джинни. Ведь Элис решила подружиться с ней и помочь по мере возможности. Значит, надо узнать о Джинни побольше. Расспросить Джо? Элис вспомнила, как он реагировал на вопросы, заданные по телефону. Вряд ли от него будет польза. К кому же обратиться?

Элис нахмурилась, задумавшись, потом ее лицо прояснилось. Она взяла телефонный справочник и быстро пролистала раздел «Медицина» до буквы «Ф».

– Алло! Меня зовут Элис Фаррелл. Не могли бы вы уточнить некоторые сведения о вашем бывшем пациенте?

– Подождите, пожалуйста. – Голос медсестры был профессионально бесстрастным. – Я соединю вас с дежурным врачом.

Элис ждала несколько минут, пока в трубке играла якобы успокаивающая музыка. Потом ей ответил другой голос – мужской, сухой и слегка раздраженный.

– Да? Менезис слушает.

Элис повторила то, что сказала дежурной.

– Зачем вам эти сведения? – спросил врач. – У вас профессиональный интерес?

– Не совсем.

– В таком случае я очень занят.

– Всего лишь уточнение. Эта девушка собирается ненадолго остановиться у меня, и я слегка беспокоюсь о ее состоянии.

– Тогда подыщите ей другое жилье. Все, что касается пациента, конфиденциально, не обсуждается с посторонними.

– Мне не нужны личные подробности, – настаивала Элис. – Мне просто нужно знать, была ли Вирджиния Эшли вашей пациенткой и может ли понадобится помощь специалиста...

– Послушайте, – оборвал ее врач, – в больнице работают десятки

докторов. Имя, которое вы назвали, мне незнакомо. Должно быть, она лечилась у кого-то другого. Если вы подождете пару минут, я узнаю, кто занимался этим случаем, и вы сможете связаться с ними.

И он отключился. Элис опять пришлось ждать. Утекло куда больше времени, чем в первый раз, прежде чем на том конце снова подняли трубку. Элис услышала тот же мужской голос, но теперь он звучал глухо, словно на линии возникли помехи.

– Мисс Фаррелл?

– Да.

– В минувшее Рождество мисс Эшли была помещена в клинику Фулборн для краткосрочного лечения. Это все, что я могу вам сообщить.

– Я хотела бы поговорить с ее врачом, – сказала Элис.

– Сожалею, но это невозможно.

– Вы не назовете его имя?

– Боюсь, вы никак не сможете поговорить с доктором Прайсом, – ответил доктор Менезис. – Мой коллега на прошлой неделе скончался. Вчера его похоронили.

Один

Когда мы вошли в дом, Розмари там не было, и меня мгновенно охватила паника. Я вдруг поверил, что ее никогда не существовало, что я все придумал и она растаяла, словно снегурочка, превратилась в воду и воздух при первых лучах солнца. Миссис Браун куда-то ушла. Помню, как звал Розмари, метался по дому, и каждая комната швыряла мне в лицо гулкое эхо ее отсутствия, каждый вдох опустошал меня. Должно быть, я сильно простудился, голова лихорадочно пылала, но я этого не замечал. Меня заботило лишь исчезновение Розмари. Она пропала, а тот, кому я мог открыть свою тайну, единственный мой друг, смотрел на меня насмешливо и, похоже, ничему не верил.

– Вот здесь она спала! – воскликнул я, хватая измятое покрывало. – На этой подушке. Там должен остаться хоть один волосок. Дай-ка я взгляну... Смотри! Это ее чашка, ее цветы!

– Тише, тише, старина, – мягко произнес Роберт. – Не переживай так. Не похоже, что она вышла прогуляться.

Он похлопал меня по плечу, но я отшатнулся.

– Она была здесь минуту назад, клянусь!

– Выпей чего-нибудь, будь умницей. Сядь.

Он аккуратно усадил меня в одно из мягких кожаных кресел, которые так любила миссис Браун, и предложил шерри. Я резко дернул рукой и пролил напиток. Роберт терпеливо забрал у меня стакан и снова налил. Меня бил озноб. Я выпил, а потом закрыл глаза. Не могу выразить словами, какую власть Розмари обрела надо мной и какое отчаяние охватывало мою душу, монотонно нарезая круги, словно игрушечный поезд в детском волчке: она исчезла, она исчезла, она исчезла... Обрывки стихов ранили мой мозг, как разлетающиеся осколки стекла, видения были подобны клочкам разорванного рисунка – мучили своей несвязностью. Изгиб ключицы, отблески света на волосах, рисунок губ... Я встал и пошатнулся. Мир накренился.

– Дэниел! – В голосе Роберта звучала тревога. – С тобой все в порядке? Дэнни! Дэнни!

Пол содрогнулся, и я упал.

Вокруг была мерцающая тьма.

Из эфира соткался голос – легкий, как осиновый лист.

– Что случилось?

Мелькнул силуэт в дверном проеме: голова и плечи в медном ореоле.

– Где Дэниел? Кто вы такой? – Голос задрожал, в нем прорывались сдерживаемые истерические нотки.

Роберт ответил:

– Значит, вы и есть Розмари.

А затем я провалился во тьму и увидел огромные колеса. Они вращались.

Музыканты на сцене готовились к выступлению. Когда Элис вошла, Джо помахал ей, улыбнулся и вернулся к делу, в котором чувствовал себя как рыба в воде: ловко расставлял микрофоны и усилители, разворачивал провода без единого лишнего движения. Джинни еще не пришла.

Элис приблизилась к барной стойке и заказала выпивку, потом уселась за столик сбоку от сцены, откуда могла все видеть и слышать. Мало-помалу зал наполнялся разношерстными обитателями ночного Кембриджа, слетавшимися на неоновые огни. Элис привстала и огляделась – Джинни по-прежнему не было.

Заиграла первая группа, и толпа притихла. Сидящие возле бара негромко переговаривались, а остальные просто двигались под музыку, как водоросли в потоке. В глубине зала раскурили пару «косяков», и запах травы заполнял зал. Элис заказала еще напиток. Первая группа покинула сцену, и вышли ребята Джо. Элис даже прогулялась по залу в надежде отыскать Джинни, но тщетно. Едва она вернулась на свое место, как девушка появилась – тоненькая, застенчивая, в светлом платье. Элис помахала ей, и Джинни кивнула в ответ, однако не сделала ни малейшей попытки пересечь зал. Свет померк, и группа заиграла вступление к медленной старинной песне, которую Элис хорошо знала. Любимая песня Джо, «Плач уроженца холмов Дейлз»^[15]. Джо вышел вперед и запел. Бас-гитара висела у него на шее, одинокий софит озарял лицо. Голос звучал сильнее, чем помнилось Элис, северный акцент никуда не делся, но слегка смягчился. Ей это понравилось.

Как тяжело, когда для тебя нет работы
В краю, где ты родился и рос...^[16]

Элис прошла в глубь зала, где опоздавшие потягивали пиво из банок. Она вглядывалась в темноту, отыскивая Джинни. Софит выключили, мягкая подсветка сквозь зеленые и синие фильтры подчеркивала тихую печаль музыки. Лица слушателей как будто выглядывали из-под воды.

Пока я был молод, мечтал, буду жить
Привольно среди полей и садов...

Джинни стояла на другой стороне зала, заполненного людьми. Элис видела ее лицо, похожее на лик утопленницы, светлое платье, волосы, почерневшие в сине-зеленом свете. Глаза девушки казались неестественно огромными.

Но чтоб на хлеб заработать, подался я в город,
О том мой печальный рассказ...

На мгновение Джинни обратила взгляд на Элис. Возможно, виной всему мерцание огней, но Элис почудилось, что печально сжатые губы девушки искривились в гримасе невыразимой злобы, и это полностью преобразило Джинни, наполнило ее изнутри призрачным сиянием, похожим на радиоактивное свечение.

Из Гулля, Галифакса, самой преисподней
Спаси меня, Господь...

Затем странное выражение лица исчезло, вернулась прежняя Джинни, с почти безмятежным спокойствием взирающая на сцену. Но то, что Элис увидела (или то, что ей померещилось), отбило всякое желание подходить ближе. Она постояла у стенки, сжимая в руке стакан. Ей снова показалось или атмосфера и вправду резко изменилась? Эти люди у двери – они стояли там и раньше? Это легкое возбуждение – оно появилось только сейчас? Музыканты играли инструментальное соло, скрипка стонала и взвизгивала, вела свою партию через все регистры. Для Элис это было слишком, она чувствовала себя парализованной, распластанной, тонула в потоке эмоций, струившихся от зрителей к сцене и обратно. Инстинктивно она стала пробираться к двери, чтобы отделиться от толпы и свободно вздохнуть. Не только Элис пришла в голову эта идея – там уже стояла, поглядывая на сцену, компания: девушка с очень длинными, почти до колен, локонами, подсвеченная отблесками неоновой таблы «ВЫХОД», юнец с рыжими крашеными волосами и татуировкой в виде птицы на щеке, блондинка, доверительно склонившая голову на его плечо, и мужчина в темном плаще, чье лицо скрывала тень...

По коже Элис побежали мурашки. Знакомая манера – эдакое

непринужденное высокомерие. И отражения огней на металлическом носке тяжелого башмака. Ну и что, подумала Элис сердито и сделала еще шаг к двери. Десятки парней выглядят так же. Нет никаких причин считать, что именно этот приходил к Джинни прошлой ночью. Надо забыть тот сон – от воспоминания о нем пересохло в горле, бросило в жар. Еще один шаг... Неожиданно все четверо посмотрели на Элис, даже блондинка подняла голову с плеча рыжего типа. Правда, оказалось, это вовсе не девушка, а юноша, почти мальчик, обладающий сказочной, тревожной красотой. Рыжий усмехнулся, глядя на Элис, сверкнул золотым зубом... и она вдруг отчетливо осознала, что красота этих людей порочна. Элис отступила назад, снова слилась с толпой и попыталась сосредоточиться на музыке. Но чары были разрушены, словно в зале остались лишь четыре человека, смотревшие ей в спину, так что волосы на затылке вставали дыбом. Зрители тоже нервничали, как овцы, почуявшие хищника.

Элис взглянула налево и увидела Джинни – девушка была почти у двери. Те четверо окружили ее, словно защищали. Джинни закурила, и до противоположной стены, где стояла Элис, долетел сладкий запах марихуаны. Даже дух пота и пива, сгустившийся в зале, не мог его перебить.

За спиной раздался чей-то сердитый голос. По толпе пробежала рябь, словно дрожь предвкушения. Элис обернулась и увидела, что к странной компании приближается немолодой мужчина. Он что-то говорил, его лицо исказилось от гнева. Мужчина не выглядел ни силачом, ни красавцем, в особенности рядом с этими странными прекрасными хищниками. Лысеющую голову прикрывала кожаная шляпа, из-под нее на спину падали длинные прямые волосы. Элис он показался до странности уязвимым: тонул в бликах сине-зеленых огней, захлебывался отчаянной яростью. Слов не было слышно, но высокий парень улыбнулся и что-то ответил. Джинни смотрела на них не мигая. Мужчина гневно махнул рукой, повернулся и слился с толпой. Элис не заметила, как началась драка, но увидела ее следствие. Сначала в волнующейся толпе возникло нечто вроде воронки – круг склоненных голов. Потом этот круг раздался в стороны, рябь покатилась к внешнему краю. Кто-то упал. Музыка сбилась, но не умолкла; раздался женский крик, как голос птицы во тьме. Со сцены что-то произнесли в микрофон, но реплика утонула в протяжном скрипе ненастроенного усилителя. Элис оглянулась на дверь – они все еще стояли там, отрешенные, и она чувствовала исходящую от них силу. То, что творилось вокруг, явно развлекало их. Элис двигалась к ним – сзади напирала толпа. Совсем рядом упал мужчина, какая-то женщина отлетела к

стене от случайного удара. Музыка оборвалась. У одного инструмента заклинило усилитель, и он издавал невыносимый гул.

Для толпы это послужило сигналом: голоса тоже загудели, слились воедино. Когда Элис оказалась у двери, послышался крик. Кто-то метнул на сцену стакан, и осколки стекла взвились фейерверком. Кто-то с силой толкнул Элис в спину, и она полетела прямо на мужчину, стоящего у двери. Он подхватил ее, не дав упасть под ноги толпе, и шепнул что-то на ухо очень тихим, почти интимным голосом. У него был сладкий, почти карамельный запах, а руки холодные, как и дыхание у самой щеки Элис. Одно бесконечно долгое мгновение она не сомневалась: сейчас мужчина ее поцелует, и она умрет. Однако уверенность не пугала, словно об этом вещал далекий голос из-под толщи воды. Элис боялась потерять сознание и пыталась заговорить, но язык не повиновался. Она беспомощно покачнулась и провалилась во внезапно обрушившуюся тишину.

Только через минуту, уже находясь снаружи – лежала на влажной траве, а над ней склонилось встревоженное лицо врача, – она вспомнила слово, которое прошептал ей на ухо тот мужчина.

«Избранная».

Один

Я болел очень долго, достаточно долго, чтобы Розмари успела сделать свое дело. Почти две недели я метался в горячке и видел такие яркие сны, что они заслоняли реальность. Я бредил и обливался потом на одре болезни, оставив моего друга наедине с Розмари, и тем самым предал Роберта в первый раз. Наконец я пришел в себя, но было уже слишком поздно.

Я впервые что-то заподозрил, когда миссис Браун принесла мне бульон. Я вспомнил, что она приходила и раньше, когда я ненадолго приходил в себя, но ее образ соединялся с множеством других образов, и я не мог заговорить с нею. Однако в тот день в голове у меня прояснилось, несмотря на физическую слабость, и я сразу подумал о Розмари.

– Где она? – спросил я у миссис Браун между двумя глотками бульона. – С ней все в порядке? Она не заболела?

– Потом, потом. – Миссис Браун нахмурилась. – На это у вас будет время, мальчик мой.

– Прошу вас, скажите! – взмолился я. – Розмари еще здесь? Вы не прогнали ее?

– Мистер Роберт нашел ей жилье, не волнуйтесь, – ответила миссис Браун.

В этот момент я начал догадываться, что именно произошло за эти две недели. Но миссис Браун все равно не объяснила бы мне ничего; она беспокоилась только о моем здоровье, а остальное могло подождать.

Роберт не навещал меня; я предположил, что миссис Браун попросила его не тревожить больного. Но я отчаянно скучал по Розмари и боялся, как бы Роберт не обвинил ее в том, что она невольно стала причиной моей болезни. Эти тревоги постоянно терзали меня, и вот наконец доктор позволил мне встать с постели. Я оделся, игнорируя протесты миссис Браун – она причитала, что на улице дождь, а я едва выздоровел, – надел потертую шляпу, обмотал больное горло старым шерстяным шарфом и отправился на поиски друга. Но Роберта не оказалось ни в одном из его любимых заведений, а квартира, которую он снимал, была заперта. Я обегал все кофейни и пабы. Расспрашивал преподавателей, а они отвечали, что не видели моего друга почти две недели. И тогда я заподозрил неладное. Нельзя сказать, что эти подозрения были близки к истине; но когда я, усталый и встревоженный, тащился по сырым и серым

кембриджским улицам, в моей душе зародилось нехорошее предчувствие.

Призрак Розмари преследовал меня повсюду. Мерешилось, что она скользит мимо в подворотне или прячется под мостом от дождя; ее образ маячил за окном, дробился в каплях стекающей по стеклу воды. А потом я действительно встретил ее и Роберта на Кингс-парад. Мой друг вел Розмари под руку, держа над ее головой раскрытый зонт. Он повернулся к своей спутнице так, что я мог рассмотреть его орлиный профиль и неповторимую улыбку. Розмари была в слишком большом для нее плаще с широкими подвернутыми рукавами, из которых выглядывали тонкие изящные кисти. Волосы она заправила под воротник сбоку, и я видел стройную белую шею. Я окликнул их, но дождь поглотил мои слова. Я бросился к этой парочке, неуклюже разбрызгивая лужи, и вдруг остановился. Розмари повернулась к Роберту, положила руки на отвороты его пиджака. Роберт поцеловал ее – спокойно, словно они были давно и близко знакомы. Я замер, когда во время второго поцелуя он крепко обнял девушку и уронил зонтик.

Вместе с этим зонтиком обрушился мир.

Я стоял так близко, что мне были видны оседающие на плаще Розмари дождевые капли. Замер, не мог выговорить ни слова. Ах, Розмари...

А потом она повернулась и посмотрела на меня. Да, она это сделала: бросила взгляд, и глаза цвета дождя на миг поглотили меня... Я прочел в них насмешку, холодное презрение и что-то еще, похожее на торжество. О, Розмари прекрасно знала, что я смотрю на нее. Видела мои мысли, мою ревность, всю мою жизнь и не испытывала ни сочувствия, ни сожаления. Она заполучила Роберта, как заполучила меня, и ушла вместе с ним в плену кембриджского дождя, забрав с собой мою наивность и невинность.

Элис брела домой, опустошенная и разбитая. Очнувшись после странного обморока в «Хлебной бирже», она увидела, как Джо спорит с полицейским, уговаривающим его поехать в участок и дать показания. Рядом стояли немногочисленные зеваки и другие полицейские, но Элис отчетливо различала Джо в ярком свете фар. Он покачал головой и повернулся, чтобы уйти. Офицер попытался удержать его, Джо резко стряхнул руку полицейского. Еще один полицейский, почуяв неладное, шагнул в их сторону. В проблесках мигалки отъезжавшей «скорой» он напоминал ряженого на карнавале.

Черт бы их побрал.

Элис помнила, что Джо не любит полицейских. Он вечно издевался над ними во время демонстраций, и несколько раз его задерживали, хотя на самом деле он вовсе не был склонен к правонарушениям. Элис решила вмешаться, пока Джо не ударил кого-нибудь или сам не получил по почкам, и бегом преодолела расстояние от дверей «Биржи» до небольшой толпы, собравшейся вокруг машин. Там стояли человек десять, однако приятелей Джинни не было. Элис окликнула Джо, и он обернулся.

– Слава богу. Джинни с тобой?

Элис покачала головой.

– Черт. Куда она запропастилась?

– Не волнуйся, она была у самого выхода, с друзьями. Должно быть, сразу же вышла и уехала с ними. Не беспокойся за нее.

– О чем ты? – Ярость Джо обрушилась на Элис. – С какими еще друзьями? У нее нет друзей.

– Сегодня появились, – ответила Элис, взглянув на полицейского. – Послушай... Наверное, она пошла домой и ждет меня на крылечке. Нет причин за нее волноваться. Не сомневаюсь, она способна о себе позаботиться.

Однако Джо явно сомневался. Он упрямо сжал губы.

– Я тебя отвезу, – заявил он, потом снова повернулся к полицейскому: – Поймите, я вам ничем не могу помочь. Я вообще ничего не видел. Мы были на сцене. Я ничего не замечал, пока не начали бросать бутылки. Так что сожалею...

– Прошу вас следовать со мной, сэр, – отозвался полицейский вежливо, но на пределе терпения. – Это не займет много времени.

– Черт, вы не понимаете? Я же сказал... – Джо сделал глубокий вдох и с заметным усилием взял себя в руки. – Позвоню насчет Джинни, когда освобожусь, – обратился он к Элис.

Она улыбнулась.

– Хорошо. И не унывай.

– Я в порядке.

Элис надеялась на это.

Вернувшись домой, она первым делом заварила чай. Кошки настоятельно требовали еды. Элис открыла для них консервы, смешала рыбу с хлебным мякишем. В буфете нашлось печенье, и она жевала его без аппетита и удовольствия, запивая чаем, пока не почувствовала, что приходит в себя после ночных событий. Джинни не ждала ее на крыльце, но Элис и не надеялась на это, вопреки собственным словам. Скорее всего, девушка ушла с друзьями – с теми, о которых Джо ничего не знал. Элис это было безразлично. Глотая горячий чай, она думала: чем меньше я знаю о Джинни, тем лучше. Не мое дело.

Поставив пустую кружку на стол, Элис решила включить газовый камин рядом с креслом... и резко выпрямилась. Ей почудилось движение в ночи – будто тень мелькнула в темноте за окном. Элис встала. Нет, никого. Наверное, это отражение в стекле. Она хотела опустить жалюзи... и снова замерла. То же движение, неуловимое, дразнящее. Словно манит подойти.

Элис осторожно выглянула наружу и узрела два силуэта под уличным фонарем. Она ринулась обратно на кухню и выключила верхний свет. От страха язык прилип к нёбу.

Там стоял тот самый мужчина, в том же плаще с поднятым воротником, прикрывающим лицо. Элис видела длинные волосы, небрежно стянутые на затылке и спадающие на воротник, бледное худое лицо с глубокими тенями в глазницах и под скулами. Казалось, он смотрит прямо на нее, но Элис уже поняла, что это иллюзия, созданная игрой теней. Его сопровождал белокурый юнец, которого Элис теперь хорошо разглядела. Он был стройный, изящный и грациозно угловатый, как подросток. Элис решила, что ему не больше шестнадцати; лицо в сочетании с высветленными волосами казалось потрясающе женственным. Под черной кожаной мотоциклетной курткой Элис заметила белую футболку с надписью «СЛАВА ИЛИ СМЕРТЬ» и вспомнила о Джинни. Юноша повернулся к мужчине и что-то сказал. Тот пожал плечами, не отводя глаз от окна. Мальчишка поежился, посмотрел на небо и плотнее запахнул куртку. «Наверное, замерзли», – подумала Элис.

Затем появилась другая мысль, навязчивая и пугающая: почему бы не

пригласить их в дом? Появится шанс узнать, кто они и что именно связывает их с Джинни. Может быть, удастся выпросить, где прячется сама Джинни. Элис несколько секунд колебалась, потом включила свет и открыла дверь. Свет хлынул наружу, озаряя крыльцо, так что две фигуры под фонарем почти сливались с тенями.

– Простите, – сказала Элис в темноту, – вы ищете Джинни? Уверена, она скоро вернется. Правда, я думала, что она с вами. Если хотите, можете зайти и подождать ее здесь.

Несколько мгновений ответа не было, и у Элис возникло странное чувство – будто взываешь в пустоту, в тоннель, откуда отвечает только эхо. Затем из темноты к ней обернулись два лица.

– Мы друзья Вирджинии.

Это сказал высокий мужчина. Голос у него был негромкий, произношение – неожиданно правильное, вопреки далеко не академической внешности. Он вышел на свет, и Элис отметила, что он старше, чем казалось: тонкое лицо прорезали морщины, а длинные волосы тронула седина.

– Входите, – настаивала Элис. – Дождетесь ее в тепле. Если хотите, я сделаю кофе.

Дверь была распахнута, но высокий незнакомец не двигался. Мальчик прошел в калитку, помедлил на границе света и темноты. Наступило молчание, слишком долгое и неудобное; Элис стало неловко. И страшновато. Она одернула себя: какая опасность грозит мне здесь, на свету? Кошка высунулась за дверь, посмотрела, что происходит, яростно зашипела и убежала обратно в дом.

Элис неуверенно улыбнулась.

Блондин ухмыльнулся, показав слегка неровные зубы.

– Входите, входите, – повторила Элис. – На улице холод.

И сейчас же, будто только и ждали третьего приглашения, друзья Джинни переступили порог и шагнули в гостиную, принеся с собой прохладный ночной воздух.

– Рада знакомству. Я Элис. А вы старые друзья Джинни?

– Меня зовут Джава, – с улыбкой произнес мужчина. – Мой юный спутник – Рэйф. Да, мы давние друзья. – Он улыбнулся, взглянув на блондина. – Очень давние. Вы художница, – сказал он, уставившись прямо на Элис, и кивнул на рисунок, приколотый к пробковой доске. – Она похожа на Вирджинию.

Элис слегка вздрогнула.

– Наверное, из-за волос, – отозвалась она.

– Наверное, – с улыбкой согласился Джава.

Элис подавила вздох облегчения, когда они ушли. Заперла дверь и задернула занавески. Но она уже знала, что пойдет следом – ее тянуло к этим людям, как и прежде. Элис подождала несколько секунд, потом выскользнула через черный ход и зашагала, скрываясь в тени, в сотне ярдов от двоих, быстро перемещавшихся по узким улочкам в ярком неоновом свете, отбрасывая длинные тени. Элис слышала топот собственных ног, шорох своей одежды, но Рэйф и Джава не издавали ни звука. Они не разговаривали и не останавливались во время этой жуткой ночной прогулки. Затаив дыхание, Элис кралась за ними.

Центр города был пуст; темнели слепые глаза окон и дверных проемов. Пара бродяг сидела на лавочках на краю рыночной площади. Время от времени один из них подносил к губам коричневый бумажный пакет с бутылкой сидра внутри и равнодушно посматривал в темноту. Настало их время – время ночного народа: ворота колледжей заперты, двери пивнушек закрыты, охранники обходят торговые центры, прогоняя нежелательных личностей, а эти старики выползают из своих убежищ – молчаливые, сгорбленные, в дырявых пальто и перчатках без пальцев.

Элис едва заметила их, но бродяги уставились на нее. Она задержалась на миг, чтобы перевести дыхание, ощутила какое-то движение за спиной и развернулась. К ней нерешительно, бочком подбирался пожилой бродяга с клочковатой бородой: шея обмотана грязным шарфом, который когда-то давно был ярко-розового цвета, на седые волосы натянута шерстяная шапка, в руках тот самый бумажный пакет. Крепко держа свою драгоценную ношу, старик пристально смотрел на Элис.

– Прошу прощения... – начал бродяга.

– Извините, у меня нет денег, – отозвалась она.

Казалось, он хотел что-то добавить. Губы шевелились, слезящиеся глаза вглядывались в ее лицо с какой-то отчаянной надеждой.

Потом он отвернулся, и Элис возобновила погоню. Друзья Джинни направлялись к Гранчестер-роуд.

Элис сама не знала, чего ожидала. Возможно, нового визита на кладбище? Но Джава и Рэйф шли по дороге недолго. За милю до Гранчестера они свернули к реке, и Элис последовала за ними на темную улицу с явно нежилыми домами. Здесь не было фонарей, и Элис быстро потеряла мужчин из виду, почти на ощупь пробираясь в темноте вдоль заброшенных зданий. Лишь иногда впереди мелькала белокурая голова Рэйфа или искра от окованных сталью башмаков Джавы. Волосы Элис

прилипли к потному лбу, в горле пересохло. Совершенно не к месту она снова вспомнила обрывок песни:

Странная девчонка, куда ты собралась?
Странная девчонка, куда ты собралась?

Внезапно совсем рядом послышались звуки, и Элис замерла. Она нечаянно зашла дальше, чем надо, и едва не налетела на тех, от кого пряталась. Открылась какая-то дверь, металл щелкнул о металл, вспыхнул огонек зажигалки, невероятно яркий в этой тьме. Элис инстинктивно отшатнулась. Рэйф стоял в дверном проеме, одной ногой на крыльце, а Джава зажал в зубах сигарету и сложил ладони чашечкой, чтобы укрыть пламя от ветра. Нимб света окружал его голову. Он поднял глаза, когда Элис отпрянула к стене, и улыбнулся, разглядев ее в непроницаемой тьме.

– Элис, – произнес Джава. – Не желаете ли зайти?

На мгновение она совершенно растерялась. Сделала шаг назад и едва не упала, отчаянно желая удрать. Тихий голос Джавы напугал Элис; представилось, как этот нечеловеческий взор тянет ее к себе, словно рыбу на удочке.

– Вы проделали такой долгий путь, – продолжал он. – Может быть, выпьете что-нибудь, прежде чем уйти? И Вирджиния здесь.

Услышав про Джинни, Элис почувствовала себя душой. Конечно же, здесь, в миле от города, ей не грозит никакая опасность. Она перевела взгляд на дверь – на пороге все еще стоял Рэйф, на его губах играла легкая улыбка. Элис подумала: если сбежать сейчас, придется оставить всякую надежду узнать что-то о Джинни и о происшествии в Гранчестере. Надо задержаться, раз осмелилась зайти так далеко.

– Входите же, – сказал Джава.

И снова Элис отметила удивительную притягательность этого человека, его почти невыносимую, тревожную красоту – безупречные черты лица, восхитительную грациозность, изящество движений. Все свидетельствовало о том, что он абсолютно хладнокровен, самодостаточен, неподвластен заботам и страхам обычных людей. Джава излучал неотразимое очарование. Элис невольно улыбнулась ему в ответ и вошла в дом, даже не успев осознать этого.

В пляшущем свете зажигалки Элис разглядывала прихожую, где до сих пор валялись пожелтевшие от времени и грязные открытки с именами бывших жильцов. Узкая лестница вела на второй этаж. Рэйф поднимался

первым, освещая путь, Джава молча шагал позади. Они миновали несколько дверей, пока не нашли нужную; Рэйф отворил ее. Элис огляделась. Грязную комнату озарял огонек спиртовки, отбрасывавший на стены чудовищные тени. Стульями здесь служили деревянные ящики, прикрытые одеялами, на полу валялись объедки – похоже, от нескольких трапез. В центре стоял стол, застеленный газетами, не менее дюжины бутылок поблескивали зеленым и белым стеклом. Пахло плесенью и пылью, а еще веял отголосок какого-то сладкого аромата, похожего на духи. Джинни сидела на старом диване в углу, скрестив ноги, и глядела на Элис со странным презрением.

– А, это ты, – равнодушно произнесла она. – Джо пришел?

Элис покачала головой.

– Он искал тебя. Беспокоился.

Джинни пожала плечами.

– И ты отправилась меня искать. Как мило. Так чего тебе надо?

– Хочу понять, что мы здесь делаем.

Джава негромко рассмеялся, коснувшись затылка Элис ледяными пальцами, отчего по коже девушки пробежала дрожь. Рэйф приблизился на шаг, серьга-крестик в его ухе гипнотически мерцала... ощущение нереальности происходящего было ошеломляющим, и Элис даже не испугалась.

– Я...

Она не знала, что сказать; с губ сорвался хриплый безумный смешок. Элис медленно, как во сне, подняла руку, чтобы вытереть вспотевший лоб, и это плавное движение очертило по дуге весь мир. Холодная рука Джавы фамильярно обвила ее талию, и девушка вновь уловила исходящий от него сладкий запах. Она почувствовала, что очень устала, глаза закрывались сами собой. Голова клонилась назад, как у засыпающего ребенка, веки слипались...

Резкий голос Джинни вернул ее к реальности.

– Не здесь! Вы что, ума лишились?

Элис вздрогнула, осознав, что едва не уснула в объятиях Джавы. Его лицо было совсем рядом с ее щекой.

– Тихо, – выдохнул он, не разжимая рук.

Джинни выпрямилась и спрыгнула с дивана.

– Я сказала, не здесь!

Элис почувствовала, как напрягся Джава, однако его голос оставался ласковым, успокаивающим.

– Подожди меня.

Он отпустил Элис. Все еще одурманенная, она позволила подвести себя к низкой двери в глубине комнаты. Ее быстро втолкнули в проем, и дверь захлопнулась; с той стороны раздались голоса.

Все чары рассеялись, едва Элис осталась одна. Ее объял ужас, и это был не просто страх темноты. Она подергала дверь – заперто. Подумала о том, что надо закричать, позвать кого-то, но содрогнулась при мысли об этом. Клаустрофобия мгновенно ввергла ее в панику, и Элис заметалась во мраке. Потом заставила себя успокоиться и принялась ощупывать стены, чтобы понять, где очутилась.

Комната оказалась чуть больше чулана, примерно шесть на восемь футов. Одна стена была выложена плиткой, и Элис предположила, что это бывшая ванная. Однако сейчас здесь было пусто, никакой мебели, кроме табуретки у двери. Через полминуты глаза немного привыкли к темноте, и она различила узкую серебристую полосу света, очерчивающую дверь и отбрасывающую тусклый отблеск на плитки. Кроме того, в одном месте она заметила сгущение темноты – что-то вроде дыры в стене.

Элис упала на четвереньки, исследуя отверстие; похоже, ванну выдрали из стены, представлявшей собой плиту гипсокартона, и образовался сквозной пролом. Надо попытаться просунуть туда голову и плечи... кажется, получилось. Если бы дыра была побольше... В отчаянном порыве Элис схватила табурет и ударила им по заплесневевшей перегородке. Что-то с хрустом подалось, воздух наполнился гипсовой пылью. Она ударила снова. За дверью раздался голос, невнятный, но повелительный:

– Элис?

Больше Элис не раздумывала. Головой вперед она нырнула в отверстие и пробилась сквозь отсыревший гипсокартон. Глаза заслезились, лицо покрылось коркой пыли. Схватив какую-то деревяшку, она расчищала путь через обломки, пока не вывалилась в темную пустоту. Сделав два шага вслепую, чуть не скатилась с лестницы, но успела ухватиться за перила. Держась за них, как за путеводную нить, невыносимо медленно заковыляла по ступенькам к выходу на улицу. Сзади, почти рядом, зазвучали голоса. Элис в панике ринулась вниз, едва не упала, но все же благополучно добралась до первого этажа и через минуту уже мчалась по Гранчестер-роуд. Во рту пересохло, сердце неистово колотилось, собственная тень летела позади, как преследующий демон. Не снижая темпа, Элис выбежала на мощеные городские улицы, добралась до своего безопасного теплого дома и захлопнула за собой дверь. Только после этого она позволила себе ощутить изнеможение.

Потом, сидя у камина и пытаясь осознать случившееся, Элис снова почувствовала тихий, неотвратимый ужас. Это была не животная паника, как в темноте заброшенного дома, и не суеверный страх перед прекрасными чужаками, друзьями Джинни, но нечто более древнее и тяжкое. Щеки горели, будто на них отпечатались прикосновения Джавы. Она зашла в ванную и посмотрела в зеркало: лицо покраснелось, как в лихорадке, в глазах застыло странное выражение. Элис ополоснула разгоряченную кожу холодной водой, разделась и встала под душ, принялась неистово тереть себя мочалкой, и страх на время отступил. Однако даже под тугими струями душа не исчезло это настойчивое, странное, смутное желание... Но чего ей хотелось? Элис не знала.

Снова сны, новые сны. Розмари шествует по ним, как генерал по полю сражения; крики умирающих – гимн ее победы. Иногда я пытаюсь что-то писать, иногда просто сижу при свете и пью джин. Мои книги рассказывают о чем угодно, только не о том, как сразиться с нею, как уничтожить ее вместе с приспешниками. Я один, как и было с самого начала. Полки уставлены томами, стены увешаны картинами, но ее лицо смотрит отовсюду, ее имя начертано везде.

Ее образ запечатлен в сказках братьев Гримм, в творениях Данте и Шекспира, в легендах всех народов и времен, сквозь которые она шествовала, пожирая жизни, внушая страх и любовь. Я молюсь о спасении, но слышу лишь завывание бездны, ожидающей меня. Слова стынут мертвой латынью на моем пересохшем языке, крест окрашивается кровью с моих губ. Бог сегодня покинул дом. Он гуляет с Розмари.

Прошло много времени, прежде чем я снова увидел ее после той встречи под дождем. Роберт избегал меня, и я его тоже. Возможно, он стыдился своего предательства, но, скорее всего, был слишком очарован Розмари, чтобы помнить о старых друзьях. Я снова взялся за «Небесную подругу», не ведая, насколько истинно то, о чем пишу. Шло время. Наступило лето, короткое, сырое и безрадостное. Я сидел в холодной комнате, натянув на немеющие руки перчатки без пальцев, и пытался забыть в трудах. Я посещал галереи, библиотеки и оксфордский Музей Ашмола, где было выставлено множество прелестных карандашных рисунков Россетти, ходил в кембриджский Музей Фитцуильяма – там, в подвальных запасниках, хранились его «Девушка у решетки» и «Мария Магдалина», а еще «Подружка невесты» Милле. Облик Розмари потускнел, заслоненный красотой этих женских ликов, и теперь вызывал лишь задумчивое сожаление. Я не забыл ее (и кто мог бы забыть?), но временами сомневался, не приснилась ли она мне, и глушил тоску неустанной работой.

Я написал сотни страниц о технике живописи. Прерафаэлиты создавали эффект сияния, накладывая чистые цвета на влажный белый фон, а Россетти применял красный и зеленый карандаши для телесных оттенков; он знал, что нестойкие краски потускнеют со временем, но ему не было до этого дела – его волновало лишь сотворение красоты. Быть может, он боялся бессмертия. Я изучал и натурщиц, этих странных трагических чаровниц – Лиззи Сиддал, Джейн Моррис и Марию Замбако, – пока не

запомнил мельчайшие детали образов и биографий. Они и сами были художницами, пленительные и неприкосновенные, безмятежные и волнующие. Они жили в моих грезах, гуляли по моим снам вместе с Розмари. Я исследовал их влияние, листал их любимых поэтов – Мэллори, Теннисона и Китса, перечитывал сказки братьев Гримм, греческие и римские мифы, углублялся в темный мир фантазий, откуда они явились, открывал для себя работы Юнга, подстраивая этот материал под свои теории. Я перестал встречаться с друзьями, отменил большинство лекций, сделался настоящим затворником, поглощенным одной страстью, и надеялся закончить «Небесную подругу» к середине зимы. Дополнительные средства я зарабатывал, публикуя статьи в университетских изданиях по истории искусств. Вымысла было больше, чем правды, в этих странных работах для собственного удовольствия, где важна не методика, а нездоровая тяга к сенсациям, отсутствующим в моей размеренной жизни скромного ученого. В академические сочинения я вкраплял фантастические истории, все более мрачные и дикие. Завершился год и начался следующий, а я продолжал писать – вплоть до смерти Розмари, случившейся в августе, и гибели Роберта зимой 1948 года.

До весны я жил в преддверии ада. Потерял счет времени. Кажется, прошел ровно год после того, как я вытащил Розмари из Кэм, – и вот ранним утром по пути в любимую галерею снова оказался на том самом мосту. Я кутался в пальто, мой нос распух и покраснел от простуды, не отпускаявшей с зимы, глаза за тяжелыми линзами очков слезились. Вдруг в памяти всплыл образ, бесплотный, как пар от дыхания: девушка в белом, бледное лицо, темные глаза, открытый рот, – и я увидел ее в воде, разглядел изгиб обнаженной руки, принял плоть водорослей за прядь волос... Моргнул и неловко, одной рукой, протер очки.

Но там действительно что-то было, среди плавучего мусора у водослива – должно быть, тук тряпья или бревно... Воспоминание о том апрельском дне придало галлюцинации резкость и объемность: я различал обмякшее тело, покачивающуюся в темной воде руку, безвольно запрокинутую шею гораздо яснее, чем позволяло слабое зрение...

Это было невыносимо. Пришлось подойти ближе и выяснить, что там.

Я спрыгнул на берег (рядом были пришвартованы ялики, на которых никто не плавал с самого июля), осторожно ступил на топкую тропубечевник и проковылял к воде. Водослив был переполнен, невыносимый смрад почти осязаемо сгущался в воздухе: запах тины, грязи, соли, гнили и всего летнего мусора, утянутого течением под воду, в темное забвение. Прищурившись, я посмотрел на то, что колыхалось в стремительных

зеленоватых струях. Ошибки быть не могло – рука, струящиеся волосы, одежда...

– Розмари! – прошептал я.

Но эта была не Розмари. Женщина, которую я увидел у моста Магдалины, давно состарилась, ее волосы поседели и истончились, бледная рука, привлекавшая мое внимание, была короткой и грубой, туловище вдвое толще стройного тела Розмари. Открывшаяся взору мертвая плоть, зеленовато-белая и бескровная, походила на известь, изорванная одежда обнажала ноги и грязное нижнее белье. Внезапно я ощутил жалость к несчастной старухе, так жестоко выставленной под яркий свет апрельского утра; жалость, но не ужас. В некотором смысле я был рад, что нашел ее – женщина, умершая столь немилосердной смертью, получила от меня хоть каплю сочувствия. Позже, когда приехала полиция, я ощутил ужас и отвращение, но в тот миг утопленница казалась мне почти Офелией, окутанной водорослями на илистом ложе смерти, обратившей бледное неподвижное лицо вниз, к таинственным глубинам реки Кэм. И тут игра моего воображения была грубо оборвана. Неожданное, неестественное движение текущей воды распутало водоросли, удерживавшие тело, и оно безвольно перевернулось на спину – словно усталая немолодая шлюха.

Это длилось лишь мгновение; в следующий миг я упал на колени в высокую сырую траву, кашляя и извергая блевотину. Очки соскользнули, прошиб пот, невзирая на холод. Я говорил уже – я не герой; меня выворачивало наизнанку, лицо горело, руки тряслись от страха... Меня пугала не сама несчастная жертва; я не боялся, что она может подняться и прикоснуться ко мне (хотя порой готов был поверить в нечто подобное), – я боялся твари, которая ее загрызла.

Я так и не увидел лица утопленницы.

По крайней мере, оно не будет преследовать меня во сне, и благодарю за это небеса. Но тело бедняжки было так обезображено... Даже сейчас, много времени спустя, воспоминание об этом ужасает меня больше, чем кошмары войны. Крови не было. Только кости, похожие на веревки внутренности и жуткая черная дыра на месте грудной полости, почти дочиста выгрызенная. О да, у кого-то был пир.

Я осторожно вытер рот пригоршней жесткой, шершавой прибрежной травы и встал; ноги подкашивались, голова кружилась.

– Помогите! Полиция! – закричал я и побежал обратно к мосту, поскальзываясь и оступаясь на илистом берегу.

В мою сторону глядел высокий, слегка ссутулившийся мужчина. Он стоял на мосту, подняв воротник пальто для защиты от сырого ветра.

Похоже, этот человек ждал меня, и его присутствие уменьшало мой страх и потрясение. Слезы благодарности наполнили мои глаза. Я протянул к нему руку и с жаром воскликнул:

– Слава богу! Там, у водослива, труп.

Сделав еще шаг, я оступился и запачкал колено грязью; слезы застилали мне глаза. Сквозь их пелену мужчина показался мне смутно знакомым. Потом он встретился со мной взглядом; выражение его лица я по-прежнему не мог рассмотреть. Тихий вскрик сорвался с губ, бледная рука дрогнула и нырнула в карман пальто... а потом он резко повернулся и длинными нелепыми прыжками побежал прочь от меня, от этого моста, пока не скрылся за воротами.

Должно быть, я закричал. В тот момент на берегу, болтая и смеясь, появилась группа студентов, и через мгновение меня окружили дружеские, сочувственные лица. Они пытались поддержать, обнимали за плечи. Увещевали друг друга: «Расступитесь! Ему нужен воздух!»

Я старался улыбнуться, успокоить дыхание, рассказать, что случилось, унять неистовую дрожь в руках и ногах. Накренившийся мир постепенно выравнился. Студент побежал в полицейский участок, привел двух констеблей и вызвал «скорую помощь». Я отказался садиться в машину, но глотнул бренди и почувствовал себя лучше. О том, что случилось, я рассказал трижды – студентам, которые мне помогли, полицейским, а потом суровому молодому инспектору – он брал у меня показания в участке, предложив чашку чая. Я охотно повторял, потому что с каждым разом ужасное событие отодвигалось все дальше, переходило в область вымысла. Глядя поверх чашки в серые глаза инспектора Тернера, успокоенный сочувствием в его голосе, я чувствовал себя почти героем. Да, я побывал в переделке, но все позади.

– Мистер Холмс, отчего вы решили, что там находится тело? – мягко спросил Тернер. – Я послал двоих людей, по их словам, с моста ничего разглядеть нельзя... А вы говорите, что у вас слабое зрение.

– Да, – ответил я. – Не могу объяснить.

Я рассказал ему о событиях прошлой весны, о Розмари и о том, как я вытащил ее из реки. Инспектор кивнул, будто понял меня.

– Ясно, – произнес он. – А вы опознали покойную?

Я вздрогнул, но справился с собой и даже не пролил чай. Потом тихо сказал:

– Я не разглядел ее лица. Когда она... перевернулась... меня затошнило.

Тернер едва заметно улыбнулся.

– Нечего стыдиться, мистер Холмс, – искренне заверил он. – Я видел куда больше трупов, чем вы, но это тело заставило бы любого пожалеть о съеденном завтраке. – Он помолчал и закрыл записную книжку. – На этом закончим. Как вы себя чувствуете, мистер Холмс? Сможете дойти до дома?

– Думаю, да, инспектор.

Я нерешительно улыбнулся, потерев палец, а потом задал вопрос, которого он ожидал с самого начала:

– Вы считаете, что это... убийство?

Инспектор вздохнул и немного помедлил, задумавшись.

– Не знаю, – ответил он. – А вы?

Мне показалось, он всерьез надеялся узнать что-то от меня.

– Ну... может быть, на нее напал какой-то зверь? – предположил я, чувствуя себя глупо.

Инспектор приподнял брови.

– Может быть, – снисходительно кивнул он.

– Как человек мог сотворить такое? – беспомощно произнес я.

Тернер покачал головой и задал последний вопрос:

– Вы уверены, что рассказали мне все? – Его губы улыбались, но серые глаза были холодны.

– Конечно... по крайней мере... думаю, да, – запинаясь, выговорил я. – А в чем дело? Вы меня подозреваете?

– Нет, – немедленно и почти бесстрастно отозвался инспектор. – Мы никого не можем подозревать, пока не доказан факт убийства, а это определит патологоанатом.

– Вот как. – Это прозвучало жалко, и немедленно появилось непрощенное чувство вины. – Понимаю.

Я смотрел на улыбающегося Тернера, и по моей коже бежали мурашки. Я совсем не умею лгать. Наверное, инспектор догадался, что я рассказал не все. Однако то, о чем он не узнал, было для меня слишком важным и слишком личным. Кроме того, я сам не мог в это поверить и должен был убедиться, прежде чем решить, как действовать.

Видите ли... Тот, кого я видел на мосту, к кому взывал, кто встретился со мною взглядом на краткий миг, полный ужаса и узнавания, а потом убежал прочь нелепыми длинными прыжками, словно охваченный паникой... был мне знаком.

Это был Роберт.

Один

Встреча с Робертом отравляла мой мозг, пока я набирался храбрости сделать то, что должно быть сделано. Я вспоминал его серое лицо и то, как он посмотрел на меня безумными глазами, прежде чем убежать. Я боялся. Когда я наконец отправился искать друга, мой собственный рассудок тоже был в опасности. Ведь я приблизился к некой чудовищной истории и не сомневался, что у Роберта есть ключ к этой тайне, в чем бы она ни заключалась.

В «Кембридж ньюс» появилась статья о так называемом «случае с телом в водосливе». Там описывалось, как я нашел «женщину, чье имя пока неизвестно», предположительно «пропавшую без вести». Патологоанатом не мог назвать причину смерти, но определил, что увечья, которые я видел (газеты именовали это «обширным внутренним кровоизлиянием»), нанесены после смерти. Никто пока не знал, убийство это или нет. Кроме Роберта, может быть.

Я довольно долго разыскивал его. С тех пор как мы отделились друг от друга, он переехал и не оставил адреса. Я связался с его колледжем, но преподаватели были озадачены так же, как и я, – они не видели Роберта неделями. Наконец, после трех дней бесплодных поисков, меня направили в отвратительный подвальный бар в конце Милл-роуд – как сообщил мой источник, там дешевая выпивка, «если вы не слишком привередливы насчет компании», – где я нашел Роберта, сидевшего за столиком наедине с бутылкой. За эти дни мой друг страшно переменялся. Его волосы отросли, он был нечесан и небрит. Костюм без галстука выглядел так, будто Роберт спал прямо в нем. Глаза покраснели, как у пьянчуги, лицо осунулось, резко выступили скулы. Он бросил на меня короткий безразличный взгляд и налил себе еще, опираясь локтем о грязный стол, как старик. Я молча сел рядом. Мой мозг вскипал от незадаанных вопросов. Роберт выпил. В небольшом помещении стоял дух дешевого красного вина, но даже это не заглушало запаха пота и грязи. Немного погодя я услышал:

– Че те надо?

Он слегка запинаясь от алкоголя, но говорил совершенно бесстрастно.

– Ох, Роберт... – Кажется, голос мой дрожал; на глаза наворачивались слезы. – Что ты с собой сделал? Почему не пришел ко мне, если у тебя неприятности? Зачем прятаться в таком ужасном месте...

Мой голос дрогнул, и я положил руку на плечо друга, желая скорее

успокоиться, чем успокоить. В смутные времена Роберт поддерживал меня, он всегда был надежным, беспечным, веселым. Что могло так сильно изменить его? Ответ пришел тотчас – на самом деле он лежал на поверхности.

– Розмари, – прошептал я. – Это из-за Розмари?

Роберт отозвался незамедлительно.

– Нет! – резко оборвал он меня. – Ничего подобного. Это мои дела. Оставь меня в покое.

Он говорил горько и почти жалобно. Прежде веселый и трогательный, Роберт стал грубым и нервным; он выказывал слабость и беспомощность, как бывает с пропащими наркоманами или безумцами. Я растерялся: вдруг обрушилось все, что было прочного в моем мире.

– Но ты мой друг, – возразил я. – Если болен, если нужна помощь, я всегда...

– Мне не нужна помощь!

Ответ прозвучал так громко, что на нас глянула вульгарная женщина из-за стойки – похоже, прикидывала, ждать ли неприятностей. Роберт заметил это и заговорил тише, но его глаза по-прежнему враждебно поблескивали, а тон был ядовитым.

– Мне не нужна помощь, – повторил он. – Я счастлив с Розмари. Я сделал ей предложение. – Помолчал и добавил, словно отметая возможные сомнения: – И она согласилась.

– Вот как, – проговорил я. – Она выйдет за тебя замуж? Поздравляю. И когда же?

Новость совершенно выбила меня из колеи, я с трудом подбирал слова.

Роберт заметил мое смятение и попытался снова стать приветливым, как обычно.

– Розмари хочет... в августе. У нас достаточно времени. – Он заставил себя улыбнуться, но взгляд оставался пустым. – Не знаю, о чем ты думаешь, старина, но мне и правда ничего не требуется. Ты же сам видишь. Нужно было тебе позвонить, конечно, но я был занят подготовкой к свадьбе: все успеть, сообщить родственникам...

– Ты плохо выглядишь, – беспомощно сказал я.

– Мало спал в последнее время. Да еще приступ мировой скорби. Не задался денек. Розмари занята, я отправился на прогулку и вот, почти дошел до берегов Леты, так сказать.

Это напускное легкомыслие и то, что он хотел меня обмануть, были страшнее раздраженного крика. Я смотрел на друга и видел чужого человека – безумные глаза за карнавальной маской. Я понял, что совсем не

знаю его, и боль пронзила мне сердце.

– Я видел тебя на мосту, Роберт. Ты убежал, но я тебя узнал.

– На каком мосту?

Я рассказал все с самого начала – как нашел тело, как заметил Роберта и позвал на помощь. Он скептически пожал плечами и ответил почти как прежде, благожелательно и немного свысока:

– Дэн, ты обозначился.

– Уверен, это был ты. В этом самом пальто... Боже правый, ты же смотрел прямо на меня!

В первый раз за вечер Роберт поглядел мне в глаза и положил руку на плечо.

– Послушай, старина, – сказал он. – Неужели ты думаешь, что я могу убежать, когда ты зовешь на помощь?

Я покачал головой.

– К тому же, – продолжал Роберт, – ты был в шоке. А я знаю, как плохо ты видишь. Тебя трясло, ты увидел человека в похожем пальто, позвал его... все остальное довершило воображение. Неудивительно, что бедняга убежал.

Он снова принудил себя улыбнуться. На этот раз я почти поверил.

– Что касается болезней, – продолжал он, – ты и сам неважно выглядишь. Не волнуйся, старина. Иди-ка домой, отдохни и не переживай. Я позвоню на днях, сходим куда-нибудь, выпьем. Как в прежние времена. Идет?

Я кивнул.

– Как в прежние времена. До свидания, Дэн. А теперь уходи. Увидимся, когда я буду в лучшем настроении.

Роберт снова наполнил свой стакан.

Я почувствовал себя одиноким и отвергнутым. Поднялся и вышел на свежий воздух, обуреваемый мыслями. Что-то случилось, я знал, и никакие возражения Роберта не могли переубедить меня. Но почему я решил, что он солгал? Зачем ему понадобилось лгать?

Розмари. Опять Розмари. В ней корень всего, это она изменила Роберта и разлучила нас. Может быть, она мне ответит и все объяснит? Я остановился на Милл-роуд и задумался.

Затем вернулся в погребок.

Женщина за стойкой сообщила все, что мне требовалось. Она запомнила Розмари, хотя не знала ее по имени. Да, девушка часто появляется вместе с Робертом, а живет в одном из тех убогих домиков за городской чертой, у реки.

Было чуть больше десяти – если повезет, успею до того, как Розмари ляжет спать. Я пошел быстрее, убеждая себя, что сердце забилось чаще лишь от непривычных усилий. В двадцать минут одиннадцатого я добрался до нужного места. Эти дома некогда принадлежали одному из колледжей, а теперь перешли в частное владение. Большинство окон были темны, но кое-где горел свет – красный, синий или пурпурный, в зависимости от занавесок. У каждого подъезда висели почтовые ящики с именами жильцов.

Я обошел шесть лестниц, прежде чем увидел табличку с надписью «Эшли 2», и поднялся до квартиры. Постучал – никто не ответил. Снова постучал и прислушался, но за дверью было тихо и темно. Розмари отсутствовала. Я посмотрел на часы и нахмурился: двадцать пять минут одиннадцатого, слишком поздний час, чтобы молодая женщина ходила куда-то одна. А может быть, не одна? Я задумался. Вдруг она снова работает в каком-нибудь баре?

Или нашла другого мужчину.

Неужели я угадал? Если так, подавленность и агрессивность Роберта вполне понятны. Поэтому он не хотел меня видеть – может быть, считал, что я все еще обижен на него за уход Розмари. Я решительно выбросил из головы эпизод на мосту, удовлетворившись полученным объяснением.

Я стал спускаться по лестнице, заинтригованный, но удовлетворенный тем, что тайна моего друга раскрылась. Бедный Роберт. Поэтому он и набросился на меня после вопроса о Розмари. Ведь он впервые увлекся женщиной до такой степени, что сделал ей предложение. Нельзя сказать, что это невероятный поворот событий – ведь мне Розмари тоже изменила. Я размышлял, остановившись у окна на нижней площадке, и вдруг уловил движение снаружи. Не было никаких причин думать, что там Розмари, но все же я был уверен. Может, узнал ее походку, посадку головы? Как я сумел заметить это, бросив единственный взгляд в окно, до сих пор не понимаю. А может быть, все просто: стоит раз увидеть Розмари – уже не забудешь.

Я не стал тратить время и высматривать ее сквозь мутное стекло. Вместо этого я стремительно сбежал по лестнице, чуть не врезавшись в стену на нижней площадке. Распахнул дверь и выскочил в ночь с именем Розмари на устах, с пылающим лицом. Мой голос безответно разнесся в холодном воздухе. Она исчезла.

Я бросился за ней, заглядывая в каждый переулок, каждый подъезд, каждую подворотню. Вернулся обратно, обошел дом и улицу за ним, где выстроились в ряд мусорные баки. Безуспешно. Розмари исчезла.

Выругавшись, я вернулся в тот грязный бар, где разговаривал с

Робертом. Но заведение закрылось, а мой друг, разумеется, ушел.

Тогда я вернулся к квартире Розмари и стал ждать ее возвращения. Ждал долго, но она не пришла.

После той ночи под ее дверью меня словно выбросили из жизни – и моей собственной, и обычной человеческой. Вернулись сны о Розмари, и чем дальше, тем больше грезы становились реальностью, а реальность бессмысленно закручивалась и куда-то утекала, как вода в водостоке. Каждую ночь Розмари являлась мне, внушая страсть и ужас. Ведьма моих тайных желаний, моя небесная подруга – я видел эти сны сквозь кроваво-красную вуаль ее волос. Я был болен от возродившейся страсти к Розмари, от тревоги за Роберта, от чувства вины перед ним. Забыв о еде и работе, я проводил дни в праздности и болезненных мечтах. Сидел в кофейнях, надеясь мельком увидеть ее, как будто это могло мне помочь. Вокруг цвело лето, а Кембридж становился все мрачнее и беспокойнее. Что-то витало в воздухе, газеты были полны сообщений о преступлениях. Расследование дела о «мертвом теле в заводи» (его квалифицировали как убийство и призывали горожан держаться по ночам подальше от реки и пустынных мест) продолжалось, но я едва замечал это.

Дважды я видел Розмари – один раз издалека, когда она была одна, и еще раз – вместе с Робертом. Я поздоровался, они остановились. В ярком солнечном свете лицо Розмари утратило все краски, она была болезненно-бледной, но по-прежнему прекрасной. Светлые лиловые глаза на узком лице казались бездонными, рыжие волосы убраны назад и прикрыты темно-зеленым платком. К моему удивлению, Роберт выглядел хорошо – отдохнувший и спокойный, без следа прежней загнанности. На мои осторожные расспросы он отвечал терпеливо и дружелюбно, как в прежние дни нашей дружбы, до Розмари. Она же говорила мало. В последнее время ей нездоровилось – это всего лишь грипп, заверил меня Роберт, но здоровье у нее слабое, она хрупкая, и ей необходим отдых.

Роберт говорил непрерывно, в то время как Розмари молчала, а я произносил какие-то банальности. Никогда еще мы не были так далеки друг от друга – он превратился во второстепенного персонажа на заднем плане моей жизни. Легкость речи, некогда восхищавшая меня, производила впечатление пустой претенциозной болтовни, за внешним очарованием Роберта я уже не видел подлинного интеллекта и стыдился того, что когда-то с пылом старшеклассника боготворил этого человека. То, что я ощущал, знаменовало первую попытку Розмари подавить меня: я начал завидовать моему другу.

Меня обуревали смешанные чувства, но прежде всего я думал о том,

что в августе Розмари и Роберт поженятся, и если я хочу помешать этому, надо спешить. Понимаете, я долго боролся с собой, устал от борьбы и вообразил, будто Розмари не слишком счастлива с Робертом. Цепляясь за соломинку, я надеялся, что она против желания согласилась на брак с человеком ненадежным и неуравновешенным. Представлял себе, что она извелась и заболела от тревоги за того, кто вытащил ее из реки, но не смог окружить заботой... Я вел себя, как и положено безумно влюбленному юнцу. Правда была слишком проста, чтобы осознать: новая героическая роль пришлось мне по вкусу, хотелось снова сыграть ее.

Однажды ночью, недели через две – кажется, в конце мая, – я пришел к дому Розмари. С тех пор я живу в аду. Разноцветный поток реальности течет мимо, а я стал тенью среди теней. Везде вижу чудовищ и знаю, что они настоящие, ведь Розмари сделала чудовище из меня самого, позволив узнать сокровенные тайны. Она смеялась надо мной, понимая, что я ничего не смогу сделать – никто мне не поверит. Ей нечего бояться.

В тот вечер я выпил для храбрости и отправился искать Розмари в ночной тьме. Кажется, мне хотелось застать ее одну. Моя фантазия так возвысила ее, что я поверил: стоит сказать слово, и она покинет Роберта, чтобы вернуться ко мне. Я отчаянно верил в это, и, пока шел к ее двери, меня бросало в жар, очки сползали, а сердце билось как птица, совсем не от подъема по крутой лестнице.

Меня ждал удар – Розмари дома не оказалось. Дверь была заперта, свет не горел. Я постучал – никто не ответил.

Разочарование сломило меня. Я без сил опустился на площадку перед дверью, понимая: если уйду сейчас, никогда не наберусь храбрости прийти снова. В глубине души я знал, что это безумие, что я предаю друга и выставлю себя на посмеище. Но я отказывался это признать и оставался на месте, скорчившись под дверью и закрыв глаза. Несмотря на неудобную позу, я задремал.

Как уже сказано, было темно. Я долго сидел в туманном оцепенении. То ли во сне, то ли наяву кто-то тихо прошел мимо, потом раздались призрачные голоса со стороны лестницы. Не знаю, много ли времени я там провел. Темнота угнетала, пахло пылью, мастикой и скипидаром. Возможно, я видел сон. Надеюсь, это был сон.

Мне приснилось, что я проснулся в крошечной тьме – даже фонари внизу погасли. Царил ночной холод. Я заерзал на деревянном полу, кутаясь в пальто, и обдумал ситуацию. То ли я расхотел искать Розмари, то ли испугался странного влечения, приведшего меня к ее двери, но пыл угас, и я решил вернуться домой.

Размяв онемевшие от холода ноги, я встал и почувствовал себя дураком. Я потерпел поражение на всех фронтах – как друг, как ученый, как любовник. С появлением Розмари разрушилось все, что было мне дорого, – а я сам? Тоже медленно разваливался на части, как старая кукла, пока не приполз помирать под дверь этой женщины, ей на потеху. На что я надеялся? Меня охватила ярость, и ее целью вдруг стала Розмари. Да, Розмари с ее прелестным личиком и ее странностями; Розмари, которой не было дома всю ночь; Розмари, ради которой я пришел сюда. Охваченный гневом, я развернулся и резко ударил в дверь плечом. Я далеко не силач – близорукий, слабогрудый; скорее всего, замок просто открыли, пока я спал. Так или иначе, дверь распахнулась, и я влетел в комнату, приземлившись в кресло у противоположной стены. Очки упали, и мне пришлось нашаривать их, прежде чем оглядеться.

Небольшую комнату едва освещала лампа, прикрытая зеленым шелковым платком. Мебели было немного – два кресла с вышитыми подушками, туалетный столик, заставленный склянками и коробочками с косметикой, кровать. На стенах висели картины, на полу лежал меховой коврик. В воздухе стоял странный запах – очень сладкий, вроде ладана, от него кружилась голова. Все это я вспомнил позже, а тогда я мало что заметил, кроме двух человек, сидевших у двери – один в кресле, другой на полу. Оба глядели на меня с любопытством, граничащим с невоспитанностью.

Сначала я испугался – должно быть, не та комната? В крайнем смущении я отступил.

– Извините, ошибся... Прощу прощения...

Однако не успел добраться до двери, все еще распахнутой настежь, и замер: меня поразила странная сцена, открывшаяся передо мной.

Юноша, лежавший на полу, был болен, причем тяжело: его лицо поражало бледностью даже в этом зеленоватом свете, так что глаза и рот казались темными провалами. Более того – похоже, он был ранен. Тонкая темная струйка крови из уголка его рта стекала по горлу под воротник рубашки. Я заметил, что он совсем юный – белокурый растрепанный подросток. Судя по безвольной позе, мальчик почти потерял сознание. Второй мужчина в тяжелом темном пальто был гораздо старше, лет за сорок, с длинными черными волосами. Его лицо с тонкими чертами казалось странно женственным. Он тоже был бледен, как чахоточный, и выглядел так, словно до предела истощил себя пороками. Однако, несмотря на возраст, этот человек излучал какую-то первобытную энергию юности, которая преображала его. Он покровительственно приобнял подростка и

молча смотрел на меня.

Наверное, мне показалось, что это он ударил мальчика. Я решил вступить (не забудьте, что я выпил, а для опьянения в те дни мне требовалось не много) и шагнул вперед.

– Что происходит? – спросил я. – Кто вы такие?

– Друзья, – тихо произнес темноволосый.

– Чьи друзья? – потребовал ответа я, хотя мой голос срывался.

– Друзья Розмари, конечно же. – Мужчина сделал паузу. – А вы, разумеется, Дэниел Холмс.

Я опешил.

– Откуда вы меня знаете?

– Мы знаем всех друзей Розмари, – с улыбкой сказал темноволосый. – Верно, Рэйф?

Он улыбнулся белокурому юноше и погладил его по лицу длинным белым пальцем. Мальчик не ответил, но повернул голову ко мне, и я увидел длинные ресницы, отбрасывающие тень на высокие скулы; он тоже выглядел андрогинным, а его поза вдруг остро напомнила мне Розмари. Я подумал, что мальчик может оказаться ее братом, и сделал еще шаг в сторону этой пары.

– Что вы здесь делаете? – спросил я. – И где Розмари?

– Розмари? Она скоро придет. Мы ждем ее.

Темноволосый коротко хохотнул, будто сказал что-то забавное.

Сейчас другое время, другая мораль, и вам трудно понять негодование, охватившее меня, когда я услышал его небрежный ответ. Иногда мне самому трудно вспомнить, что это такое – быть молодым и принципиальным.

– В августе Розмари выходит замуж, – холодно сказал я. – Не думаю, что ей следует принимать друзей в столь поздний час. Она знает, что вы здесь?

Темноволосый пожал плечами, как будто это не имело значения. Я снова посмотрел на юношу, скорчившегося на полу.

– Этот юноша болен? Он ранен?

– Нет.

Пренебрежительный тон «друга» Розмари разозлил меня.

– Он истекает кровью. Если не объясните, что происходит, я сообщу в полицию. Мальчику нужно быть дома, в постели. А вы... Вам нельзя сидеть в комнате Розмари без ее ведома!

Он ответил тем же небрежным, почти скучающим тоном:

– С Рэйфом все в порядке. Он кое-что выпил, но еще не привык к

такому питью.

И мужчина стер кровь со щеки мальчика бледным длинным пальцем, а затем, не сводя с меня взгляда зеленых глаз, облизнул палец. Этот жест был непристойен, как порнография, и я вспыхнул от гнева.

– Мальчик его возраста вообще не должен пить! – воскликнул я, отчасти для того, чтобы скрыть неловкость, и подошел к самому Рэйфу. – Эй, вставай! Где ты живешь? Я отведу тебя домой, если хочешь. Что с тобой?

Я покосился на темноволосого – тот опять улыбался. Рэйф не ответил, только издал тихий стон да недовольно отвернулся, как больной ребенок.

– Где ты живешь? – Я тронул его за плечо и сквозь тонкую рубашку ощутил ледяной холод. Меня пронзила другая мысль, и я настойчиво спросил темноволосого: – О чем вы говорили? Что он пил? Что это было?

Мне показалось, что мальчик едва дышит, лицо у него слишком бледное, а кожа слишком холодная.

– Ради бога, скажите, что это было? – вскричал я. – Вы не видите – он умирает!

Но темноволосый не успел ответить, потому что приоткрытая дверь распахнулась и вошла Розмари, стройная как тростинка, с разметавшимися по плечам чудесными волосами. Длинное платье из черного муслина вилось вокруг ее тонких лодыжек, словно дым. Она не обратила на меня никакого внимания и повернулась к своему «другу»:

– Джава, как он сюда попал? Я велела никого не пускать, особенно Дэниела. Почему ты позволил ему войти?

Он что-то неразборчиво пробормотал в ответ. Розмари нетерпеливо встряхнула влажными кудрями.

– Ты способен думать о чем-то другом?

Затем она обратилась ко мне и произнесла:

– Бедный Дэниел.

Поверьте мне, в ее улыбке было все, о чем только может мечтать мужчина: ангельская любовь, нежность и ласка.

– Бедный глупый Дэниел.

Я не успел вымолвить ни слова, как она открыла дверь за моей спиной и втокнула меня в ванную. Я едва удержался на ногах и жалобно вскрикнул, когда Розмари захлопнула дверь прямо перед моим носом. Дернул за ручку и обнаружил, что меня заперли снаружи. Опять поскользнулся, уронил очки (они ударились о кафельный пол), стал искать выключатель... Я метался в панике. Прошло несколько минут, прежде чем я сумел включить свет и осознать, что находится рядом со мной.

В ванне лежало тело. Точнее, то, что от него осталось. Белую эмаль покрывали пятна крови, отпечатки рук и длинные размазанные полосы там, где труп тянули и переворачивали. Останки были расчленены, руки и ноги отделены от туловища, как у забитой свиньи. Омерзительно бледная истерзанная плоть, неизвестно чья – потому что головы не было, на обрубке шеи запекшаяся кровь чернела вокруг белой кости. Кувшин рядом с раковиной до краев наполняла густая темная жидкость. Тут я понял, откуда взялась кровь на губах юноши по имени Рэйф, понял, какого ужасного вина он напился. Дикий ужас охватил меня. Я попытался закричать, попытался что-то понять, упал, заметался, отвернулся от света. Скрылся от всего – в ничто.

Часть третья

Смерть и дева

Один

Может, это был сон? В мрачные дни, когда я не отличу человека от чудовища, порой приходит сомнение – не приснилось ли мне все. Я ищу ответы в бутылке, но вместо утешения вижу лишь зверя, который скалится со дна стакана. В глазах его смерть. Мне не на что жаловаться, ко мне здесь добры – насколько могут быть добры люди, не замечающие живущего среди них демона.

Добрые сиделки в чистых белых халатах приходят и уходят. Некоторые уделяют немного времени бедному старому пьянице из девятой палаты, а в прошлый вторник одна из них – совсем девочка, наверняка собравшаяся на свидание, – подарила мне гардению, украшавшую ее прическу. Она поставила цветок в стакан с водой у моей кровати. Вы и представить себе не можете, как драгоценна была для меня эта гардения, какой нежный и свежий аромат она источала – словно глоток душевного здоровья в темном коконе безумия. Весь вечер я был преисполнен надежд и уверен в том, что я не один, что в свете нового утра я увижу Господа, если сумею дождаться зари. Но когда пришла ночь, из углов палаты выползли тени. Они собрались вокруг моей постели, как голодные демоны, и я не выдержал, потянулся за бутылкой, чтобы найти забвение в горькой влаге, а потом уснул и вновь увидел сны.

Я очнулся от тупого животного оцепенения. Смрад заполнял мои ноздри, словно меня похоронили заживо.

Несколько мгновений не удавалось ничего вспомнить, затем память вернулась, я вскрикнул и дернулся, стоя на коленях во тьме. Я был слеп; мои ладони осязали камни и землю, смертный пот выступил на лбу. Я чувствовал запах грязи, крови, дешевого виски и понятия не имел, где нахожусь.

Когда мир восстал из хаоса, я пополз вперед. Это не улица, нет сомнений. Зрение прояснилось, и я различил узор теней на неровной поверхности. То, что я принял за фонарь, оказалось сиянием, проникавшим сквозь щель в темноте. Похоже, я был внутри какого-то строения. Лачуга, подумал я, или заброшенная ферма. Может быть, хлев. Должно быть, я забрел сюда в пьяном беспомоществе, чтобы укрыться от холода, и уснул, никем не замеченный. Вероятно, я очень напился – только этим можно объяснить ужасающую яркость кошмарных образов, всплывших из глубин подсознания и терзавших мой мозг. Я дотянулся до стены слева, чтобы

опереться на нее и подняться на ноги, но камень был омерзительно влажным, и я отдернул руку, словно дотронулся до разлагающейся плоти. Здесь было светлее – я разглядел дверной проем, груды камней с одной стороны, отсыревшую стену у входа. За дверью виднелось что-то вроде ворот – металлические прутья с острыми наконечниками, чугунные завитушки... Желудок скрутило, и остатки мерзкого виски изверглись наружу вместе с горькой желчью. Я понял, что это за место и почему мне снились столь жуткие сны.

Это была гробница.

В тот же миг я рассмотрел множество незамеченных прежде подробностей: свет, падающий из окна церкви снаружи, ряды табличек на сырой стене, в которую, как ящики комода, были задвинуты гробы, остатки венка, свисающие с металлических прутьев. Я застонал. Меня пугало не то, что я оказался здесь, а состояние моего рассудка. Зачем я пришел на кладбище? Откуда эти фантазии о Розмари и ее друзьях? Неужели меня так потряс случай с утопленницей, что я испытываю потребность снова пережить нечто подобное? Почти протрезвев, я побрел к выходу из склепа, хотя меня еще пошатывало. Споткнулся о камень, упал на одно колено, попытался встать, поскользнулся...

Руки коснулись чего-то мягкого, мокрого и холодного, как глина. Я глянул вниз. Нет, это не глина – с таким радужным отблеском, такой ужасной, упругой мягкостью... И пока я смотрел вниз, не в силах закричать, отвести взгляд и даже шевельнуться, замурованный в адском безвременье бесконечного мгновения, я понял: если это происходит на самом деле, то и остальное мне не приснилось. Значит, все произошло на самом деле – не рождено моим подсознанием, а создано чем-то иным, смертоносным и ужасающим. Может быть, я знал это и раньше, но пытался укрыться от истины.

Сейчас истина находилась в двенадцати дюймах от моего лица, и я уже не мог ее отрицать. Там лежал труп, который я видел в ванной у Розмари: расчлененный, окровавленный, безголовый. Я стоял над этим трупом на коленях, касаясь его обеими руками. Более того – мои руки были по локоть погружены в растерзанную грудную клетку, словно руки прачки, склонившейся над корытом.

Что-то большее, чем простое любопытство, заставило Элис снова подняться в комнату Джинни. Было почти три часа ночи; девушка еще не вернулась, а Элис, несмотря на усталость, совсем не хотела спать и не понимала, что с ней происходит. Она распахнула дверь, включила свет, заглянула внутрь: постель по-прежнему не тронута, все аккуратно и безлико, будто здесь никто не живет. Элис внезапно разозлилась, прошла напрямик к гардеробу, открыла его и стала вынимать вещи Джинни, разглядывать их и бросать на кровать. «Черт бы тебя побрал!» – мысленно выругалась она. Подруга Джо что-то скрывала, и Элис должна была с этим разобраться, пока гнев, загнанный внутрь и подавленный страхом, не удушил ее. Она перебрала всю одежду из шкафа, несколько мгновений разглядывала пару шприцов и ампулы, потом отшвырнула и их. Все не то. Элис чуть не плакала от разочарования. У нее была необъяснимая, иррациональная уверенность в том, что где-то здесь находится ключ к тайне. Она занялась уборкой: сворачивала свитера и вешала на плечики платья, и тут ее внимание привлек чемодан, задвинутый под кровать. Элис вытащила его и распахнула с торжествующим возгласом. Внутри, небрежно завернутый в старые газеты, лежал ящик.

Размером почти с церковную Библию, он был сделан из твердого дерева с металлическими скрепами, а сверху приделана ручка, за которую его можно поднимать. Крышка была изрядно обшарпана, однако на ней легко читалась надпись: «СПАСИ И СОХРАНИ».

Элис несколько секунд вспоминала, где она видела эту надпись. Когда вспомнила, ее ужас усилился вдвое. Ловушка захлопнулась.

Замок был крепкий, но дерево в конце концов подалось, и металлические накладки отломились, словно картонные, когда Элис приложила усилие. Она помедлила несколько мгновений.

Совершенно очевидно: этот ящик – открытая дверь в неизвестное, выход в мир тайн. Но Элис была совершенно уверена, что на сегодня с нее хватит и тайн, и дверей. Хотелось забыть все, что случилось в последние дни, спокойно лечь в постель и уснуть, а секреты пусть остаются там, где они спрятаны.

Но было слишком поздно – она уже отнесла ящик в студию, где никто не мог ей помешать. Она сломала замок. Даже если не заглядывать внутрь, Джинни поймет, что Элис следила за ней. Война объявлена, пути назад нет.

Она откинула крышку, заглянула внутрь – и провалилась в Зазеркалье.

Первой реакцией было изумление. Первая мысль: «Боже мой! Неужели Россетти!» Дрожащими руками Элис извлекла из ящичка рукопись и рисунки. Радость переполняла ее, когда она раскладывала рисунки по полу студии, переводила взгляд с одного на другой, не зная, за какой взяться первым.

Они были прекрасны, но их создал не Россетти. Двадцать листов – этюды акварелью, тушью и углем, каждый размером примерно двадцать на пятнадцать дюймов, с неровными краями, словно небрежно подрезанными ножом для бумаг. Сама бумага, плотная и мягкая, пожелтела от времени. И на всех этих прекрасных старых рисунках были изображены женщины – точнее, одна женщина. Вот ее лицо, ее портреты в полный рост в разных позах, ее обнаженное тело на кушетке; вот она наряжена в роскошный синий бархат; вот прислонилась к стене с музыкальным инструментом в руках; вот закрыла глаза, теребит прядь волос, откидывает голову назад, наклоняется вперед...

Прошло немало времени, прежде чем Элис смогла объективно оценить эти работы, а затем она начала мыслить рационально. И сразу же подумала: «Старый болван. Он не имел права замуровывать это в гранчестерской церкви. Такие рисунки должны стоить целое состояние».

Элис выбрала наугад изящную пастель в красно-коричневой гамме. Она вспомнила свою первую реакцию – что ж, набросок действительно походил на работы Россетти. Правда, вблизи стало видно, что здесь нет присущего Россетти акцента на чрезмерно выразительной линии губ. Это был погрудный портрет молодой женщины – она наклонила голову под странным, слегка тревожным углом, как будто оглядывалась на кого-то. Роскошные волосы были тщательно выписаны разными оттенками красного и зачесаны на одну сторону, открывая идеальную округлость обнаженного плеча. Рисунок был датирован 1869 годом и подписан монограммой: аккуратно выведенные переплетенные буквы WNC. Эти буквы ни о чем не говорили Элис, в отличие от стиля и даты. Она перевернула листок, но увидела лишь небрежно выполненный набросок. Больше никаких зацепок. Взяла другой этюд – рисунок карандашом, глаза и губы женщины обведены коричневой тушью. Внизу стояла та же монограмма и был обозначен год, на этот раз 1868-й. Рисунки озадачили Элис: они выглядели как подлинные шедевры прерафаэлиты, но инициалы не подходили никому из известных живописцев. Манера напоминала отчасти Россетти, отчасти Бёрн-Джонса, отчасти Уотерхауса, и все же это сотворил другой художник. В его линиях, в чертах натурщицы сквозили

сила и энергия. Бледные и вялые красавицы Россетти или ангелоподобные, но безвольные героини легенд, изображенные Бёрн-Джонсом, на этом фоне выглядели чуть-чуть нелепо. Найденные рисунки были другими. С каждого пожелтевшего листа на Элис смотрела эта женщина – насмешливая, надменная, манящая и смутно знакомая, как образ настоящего классического искусства...

Элис резко очнулась от созерцательного раздумья. Ее осенила мысль, в равной степени нелепая и ужасная: конечно, она знает это лицо! Она сама рисовала его: большие глаза, губы, в чувственном изгибе которых таится насмешка... Элис потянулась за папкой со своими рисунками, нетерпеливо раскрыла ее... Бумаги рассыпались по полу. Везде повторялось одно и то же лицо, как в бреду; образы накладывались друг на друга, словно отражения в зеркальном зале. Элис долго смотрела на них, переводила взгляд с собственных работ на те, что были помечены инициалами WNC, тщетно подыскивая логическое объяснение. Листы, которые умерший человек счел необходимым замуровать навечно в стене церкви, предъявляли ей неоспоримый факт. Уверенность Элис росла, и это отчасти напоминало истерию, отчасти – безумие: Джинни и неизвестная натурщица Викторианской эпохи – несомненно, давно умершая – были похожи как близнецы.

Один

Не могу сказать, долго ли я стоял на коленях рядом с трупом, сжимая его в нечестивых объятиях, словно хищник – свою жертву. Пары алкоголя развеялись в холодном предрассветном сумраке, как туман, оставив во мне пустоту, ощущение безвременья и трепет безумия, терзавшего мой рассудок чудовищными тенями. Наверное, я плакал. Я не мог пошевелиться – некуда было двигаться, не на что надеяться. Мне показали то, чего не должен видеть человек, и позволили остаться в живых – издевательски, презрительно. Они знали, что я не опасен. Они сделали из меня чудовище, но не убили. Быть может, это доставило им удовольствие. Мне хотелось уползти обратно в склеп и спрятаться там, как улитка прячется в раковину, в уютную тьму. Отчаяние переполняло мою душу, тьма манила, подобно материнскому чреву, обещая забвение. Я почти поддался... Встал. Мои руки были почти по плечи в крови. Пошатываясь, я отвернулся от света... И вспомнил Роберта.

Эта мысль подействовала как холодный душ. Задышавшись, я прижал руки ко рту, и холодная кровь размазалась по губам. За собственными страхами и жалостью к себе я забыл про друга. Ведь Роберт собирался жениться на Розмари.

Розмари. Одно имя заставило меня покрыться холодным потом. Все вертелось вокруг нее, моей небесной подруги. Даже в тот миг от меня ускользало понимание ее природы – в нашем мире для этого не было ни слов, ни идей. Постепенно я выходил из ступора и пытался рассуждать здраво: подумал о полиции, отбросив воспоминание о тонкой струйке крови, стекавшей из рта белокурого мальчика. Я считал себя разумным человеком, так что мог поверить в убийство, а остальное решил игнорировать. Таким образом я закрыл глаза на истину и начал подбирать приемлемые факты. Розмари была убийцей. Злодеяние, вероятно, совершили ее друзья, но труп находился в ее квартире – значит, она тоже замешана. Может быть, они втроем сошли с ума? Только сумасшедший будет пить кровь... если мальчик пил кровь. Я предпочел бы поверить, что эта картина – плод моего воспаленного воображения. Преступники запаниковали, когда я появился, но побоялись убить свидетеля и отволокли вместе с трупом на кладбище. Видимо, надеялись, что утром меня обнаружат, бесчувственного и пахнущего алкоголем, и сочтут виновником происшествия. Вполне разумно.

Наконец я успокоился и обдумал свое положение. Любой, кто взглянет на меня, сразу заподозрит убийство: руки по локоть в крови, кровь на лице и коленях, одежда изорвана и испачкана. К тому же глаза у меня наверняка безумные после того, что им пришлось увидеть.

Я переступил через труп и дошел до ворот склепа; много драгоценного времени потрачено впустую. На горизонте разгорался бледный рассвет, хотя небо оставалось темным. Я решил, что сейчас около четырех часов – слишком поздно, чтобы пройти по улицам Кембриджа незамеченным. Меня может увидеть, например, молочник, разносящий спозаранку молоко. Я пригладил волосы, поправил очки рукой, которую вытер о штанину, осторожно выбрался с кладбища и направился в сторону Гранчестер-роуд. Я шел вдоль нее через поля, пригибаясь, скрываясь за деревьями, иногда проползал сквозь редкие заросли, лишь бы никого не встретить. Только один раз появились люди, но так далеко, что нельзя было понять, женщины это или мужчины, трое их или четверо. Они медленно брели по дороге. Я знал, что им меня не разглядеть, но страх оказался сильнее рассудка, и язык прилип к нёбу. Добрых десять минут я прятался в канаве, прежде чем набрался храбрости и продолжил путь.

Почти час я добирался до дома. Небо уже окрасилось алым, и в окнах отразились кровавые блики восходящего солнца. Подстегиваемый ужасом, я добежал до двери, сжимая в руке ключ, и сунул его в замочную скважину. На один бесконечный миг мне показалось, что ключ застрял... Потом замок открылся, и я ввалился в дом, как едва не утонувший человек переваливается через борт спасательной шлюпки. Две, четыре, шесть ступеней – и я в своей комнате. Воздух сгустился, как кровь, вызывая удушье; паника сжимала горло.

Увидев отражение в зеркале, я едва не закричал. Затем подошел ближе и узнал себя под кровавой маской. Волосы стояли дыбом, стекла очков были заляпаны кровью, лоб пересекала длинная царапина, на шее виднелись кровоподтеки. Только взгляд за толстыми линзами был ясным, здоровым. Глядя в глаза своему отражению, я осознал, что не стал чудовищем.

Я полностью разделся и положил одежду в камин. При помощи бумаги и дерева разжег огонь и до последнего лоскутка спалил все свидетельства своего пребывания в том склепе. Тщательно вымылся, воспользовавшись антикварной ванной миссис Браун. Я поливал себя холодной водой из кувшина и даже помыл очки, так что не осталось ни единого пятна, ни чешуйки засохшей крови. Затем вымыл ванну и кувшин, перемешал кочергой угли в камине, оделся в чистое и мокрой тряпкой тщательно

протер дверные ручки, перила и ключи; после чего решил, что ни один след мрачных деяний Розмари больше не ведет ко мне.

Часы в прихожей показывали без четверти шесть утра. Из кухни доносились звуки – миссис Браун готовила себе завтрак (она была ранней пташкой, а я почти никогда не просыпался раньше девяти). Я прокрался наверх, не дожидаясь, пока она выйдет и заговорит со мной. Хотелось лечь, заснуть и все забыть; я обессилен. Запер свою дверь, разделся, задернул шторы, глубоко вздохнул от изнеможения, заполз в пахнущую лавандой постель и погрузился в забвение.

Меня разбудил стук в дверь. Я сел в кровати. Глаза не открывались, голова болела. Стук повторился.

– С вами все в порядке? – раздался голос миссис Браун. – Не хотите позавтракать?

– Который час? – спросил я, держась за голову, словно это могло унять боль. Глаза болели, словно в них насыпали песка.

– Почти десять. Не желаете чашечку чая?

Я покачал головой.

– Нет. Я... не очень хорошо себя чувствую. Дайте мне поспать, миссис Браун. Не будите меня.

Из-за двери слышалось что-то вроде кудахтанья.

– Вчера вернулись поздно, да? Ну ладно, если захотите перекусить, позовите меня. Хорошо?

– Спасибо.

Я услышал удаляющиеся шаги и снова забрался под одеяло, в блаженную полутьму. Простыни больше не были прохладными и свежими, они противно липли к вспотевшему телу. Ворочаясь, я инстинктивно отворачивался от света. Лучше бы шторы были поплотнее – сквозь багряную ткань проникал солнечный свет, пусть и ослабленный, а по краям занавесей сиял радужный ореол, от чего мои усталые глаза болели еще сильнее. Распухшее горло тоже болело, лицо отекло. Я натянул одеяло на голову и уснул в этой неверной темноте, подобной сумраку склепа. И мне приснился сон.

Я снова был в склепе. Влажная ползучая тьма обнимала меня, запах могильной земли забивал ноздри; я обливался холодным потом и чувствовал голод, болезненными спазмами сжимавший мой пустой желудок, рождавший головокружительные безумные видения в мозгу. Этот голод был острее паники, сильнее вождения, непреодолимее наркотической ломки. От него звенело в ушах и пересыхало во рту, а я ослабел. Повернувшись к свету в дальнем углу, я отпрянул, хотя тонкие

лучи, проникавшие внутрь, были едва заметны. Голод гнал меня вперед. Я покинул прохладный уютный мрак, положил руку на ворота и остановился. Возле одной из могил спиной ко мне стояла на коленях девушка. Ее тонкие плечи окутывала шаль, пряди светлых волос выбивались из-под платка и трепетали от дуновения ветерка.

Голод навалился на меня, как огромный зверь; я зашатался. Невольно облизнул пересохшие губы. Вытер о штаны вспотевшие ладони и подошел ближе. Девушка молилась; она не обернулась, когда я встал позади нее, не шевельнулась, когда я протянул руку, едва не коснувшись ее лица. Я ощущал ее тепло; шея, видневшаяся в узком просвете между платком и шалью на плечах, была бледной, сквозь прозрачную кожу я видел тонкий узор вен – живые реки и ручьи инопланетного пейзажа. Я потянулся к ней, развернул к себе, воображая, что она вскинет голову, распахнет глаза, откроет рот, готовая закричать... но ничего подобного не произошло.

Девушка улыбалась, раскрыв мне объятия. В огромных лиловых глазах на бледном изящном лице я узрел голод, подобный моему. Это была Розмари.

Я медлил. Во сне я не ведал страха, только голод. Я поймал ее за запястье, и мой взгляд скользнул по обнаженной руке, по чувственным рекам вен.

– Дэниел! – Голос Розмари был хриплым и сладострастным.

При взгляде на нее у меня перехватило дыхание. Никогда, никогда я не видел такой красоты. Розмари снова улыбнулась, подняла тонкую руку и прижала ладонь к моей щеке.

– Что со мной происходит? – Я спрашивал самого себя, но смотрел в глубь ее глаз.

– Люби меня, – прошептала Розмари.

Я чувствовал на губах ее теплые пальцы, вдыхал странный возбуждающий аромат: сладкая смесь лаванды и густой горячей крови.

– Боже мой! – воскликнул я невнятно, потому что запястье Розмари было прижато к моим губам.

Я обнял ее. Рыжие волосы закрывали мне лицо, стройное тело казалось таким легким, пульс бился у самых губ...

– Люби меня.

Резким рывком я выкрутил ее руку, повернул тыльной стороной к себе: кожа была гладкой и солоноватой. Я глубоко вгрызся в упругую, как кожа, плоть, а потом хлынула кровь, чистая и соленая. Я захлебывался от нетерпения, припадал к ране, по-собачьи вылизывал ее. Кровь тонкой струйкой стекала из угла моего рта, пробуждая воспоминание... я не мог до

конца понять о чем. Неровные края раны имели металлический привкус, и я просовывал между ними язык, чтобы ощутить живую пульсацию крови, задыхался от неимоверного наслаждения и жажды. Я помню этот вкус. Помню узор каждой линии и вены на этом запястье. Могло ли мне присниться такое? Или я сошел с ума? Кровь была силой, самой жизнью. Я лихорадочно и опасливо лакал ее, зная, что в любой момент Розмари может лишить меня милости, оставить без утешения и надежды.

Насыщаясь, я смотрел в ее чистые бездонные глаза.

И видел «семь звезд на волосах»^[17].

Так я беспокойно спал – стонал и метался на влажной, смятой простыне, а Розмари во славе шествовала по моим грезам. Теперь, когда я постоянно живу среди таких снов, мне странно вспоминать, насколько ново и жутко это было для меня – впервые войти в склеп собственного подсознания. Меня терзали похоть и ужас, я совсем обессилел, в голове пульсировала боль. Не помню, чтобы миссис Браун стучалась в дверь, хотя она должна была слышать мои стоны. Дважды я сумел доползти до умывальника, чтобы извергнуть в фаянсовую раковину темную слизь... Я принял ее за желчь. Царапины на лице отчаянно саднили; коснувшись их немеющими пальцами, я обнаружил, что они превратились в кошмарные вздутые рубцы, тянущиеся со лба через щеку и вниз по шее; рубашка отчасти защитила мою кожу. На внутренней стороне запястий виднелись отметины, словно от иглы. Должно быть, мне ввели какое-то зелье. Горло распухло, и я подумал: не пытался ли кто-нибудь из дружков Розмари задушить меня? Однако я был слишком слаб и болен, чтобы исследовать свои раны подробнее.

Когда я окончательно проснулся, почти стемнело. Я посмотрел на часы и с изумлением увидел, что уже половина восьмого. Никогда в жизни, даже после ночных вечеринок, мне не доводилось проспать целый день. Откинув одеяло, я поднялся, чувствуя себя отдохнувшим, но все еще нездоровым. Голова кружилась. Накинув халат, я пошел в ванную. Включил свет, умылся, принял две таблетки аспирина и взглянул на себя в зеркало.

Нельзя сказать, что я хорошо выглядел: бледный, небритый, с красными, лихорадочно блестящими глазами. Я не из тех, кого украшает щетина, поэтому выглядел просто неопрятно, а царапина на щеке превратилась в уродливый рубец, усеянный выступившими капельками гноя. Синяки на горле явно были оставлены пальцами: четыре округлые отметины, каждая с кровавым полумесяцем в том месте, где ноготь пронзил кожу, а под яремой веной расплывался синяк пошире – от большого

пальца. Чуть выше его я заметил порез – тоже в форме полумесяца, но около трех дюймов длиной, слегка припухший. Я нахмурился. Это не след от ногтя и не случайная царапина. Рана нанесена намеренно. Но зачем? И как? Судя по размеру и форме, по легкой неровности пореза, она походила на отпечаток... я раздраженно затряс гудящей головой. Слишком много кошмаров. Зачем и кто стал бы это делать? И все же это очень похоже на отпечаток зубов. Разозлившись на себя за такие фантазии, я решительно отвернулся. Царапины надо продезинфицировать, иначе придется беспокоиться кое о чем похуже дурных снов. Я нашел пузырек с йодом и, стоя перед зеркалом, смазал все повреждения на лице и шее. Так-то лучше. Теперь надо что-нибудь съесть – я чувствовал слабость и головокружение, к тому же вспомнил, что не ел с прошлого утра. Пошел в свою комнату переодеваться, но остановился, увидев записку на двери. Раньше я в спешке не заметил ее, а теперь предположил, что это записка от миссис Браун. И не ошибся.

Дорогой мистер Дэниел!

Мне надо ненадолго уйти, чтобы навестить мою сестру. Я вернусь сегодня вечером. Жалко, что Вам нехорошо. Если захотите перекусить, я оставила чайник на плите и хороший кусок трески в духовке Вам на ужин. И возьмите сами, что захотите, в кладовке.

Искренне Ваша

В. Браун.

Я улыбнулся. Значит, дом в моем полном распоряжении до вечера. Слава богу, не придется отвечать на неловкие вопросы, поскольку миссис Браун не только добра, но и старается всех защитить, как наседка – своих цыплят, и это стремление порой казалось мне чрезмерным. Оставшись в одиночестве, я не стал утруждать себя переодеванием и спустился на кухню. Как и было обещано, в духовке нашлась еда, на плите – чайник с чаем, и я уселся за кухонный стол, намереваясь поужинать. Однако едва сделал глоток, как меня снова затошнило, голова закружилась, желудок сжался, и я отодвинул почти полную тарелку. Борясь с тошнотой, выпил залпом два стакана воды и некоторое время сидел у камина, дрожа как в лихорадке. События предыдущей ночи действовали на меня сильнее, чем я думал. Протянув руки к огню, я впервые попытался проанализировать кошмарное происшествие. Приверженность логике и склонность к

исследовательской деятельности были моими лучшими качествами, и теперь, после ванны и долгого сна, ко мне возвращался природный прагматизм. Нужно это подчеркнуть: я не был и не стал невротиком; заключения, к которым я пришел, основаны на собственном опыте и его анализе. Даже тогда, вынырнув из пучины кошмара, я пытался рассматривать ситуацию объективно.

И сразу же поблагодарил судьбу за то, что остался жив. Несомненно, я стал свидетелем преступления, совершенного Розмари и ее бандой; они пытались избавиться от меня, но допустили какой-то просчет. Возможно, намеревались обвинить в убийстве или придушили, ввели наркотик и бросили умирать. Нужно обратиться в полицию – и ради собственной безопасности, и ради Роберта. Я отказывался допустить, что мой друг хотя бы косвенно причастен к этому делу, и ломал голову в поисках наилучшего выхода.

Они уже избавились от улики. Труп спрятан в склепе при кладбище, рано или поздно его обязательно найдут. Без убедительных доказательств квартиру Розмари обыскивать не будут, да и вряд ли там что-то осталось. Рэйф и Джава... Если навести на них полицию, есть шанс, что мне поверят. Но я понятия не имел, кто эти люди и где их искать. А что будет со мной? Даже если сам обращаюсь в полицию, на меня падет подозрение: ведь я уже нашел труп в заводи, и теперешние обстоятельства можно расценить как весьма сомнительные. Мне не хотелось попадать в такую ситуацию, где слово Розмари будет против моего слова, – к чему это приведет?

Я так старался сосредоточиться, что опять заболела голова. Я помнил, что это не первая насильственная смерть, случившаяся в Кембридже за последние несколько месяцев. Причастна ли Розмари к гибели той женщины? Или это лишь стечение обстоятельств? Вспоминая лицо девушки, нежные черты, невинность, сияющую в лиловых глазах, я хотел верить в ее чистоту, потому что любил Розмари всем сердцем. Она не могла быть причастна к злодеяниям. В моей голове выстраивались нелепые утешительные гипотезы. Розмари не виновата, она пешка в руках Джавы и Рэйфа, каким-то образом оказавшись в их власти. Они загипнотизировали ее. Посадили на наркотики. Шантажируют. Прежние подозрения и страх перед Розмари сменились убеждением: она жертва и нуждается в помощи, а кошмарные сны порождены ревностью и потрясением от того, что я увидел прошлой ночью. Я уже сказал, Розмари всех превращала в глупых, доверчивых детей.

Связаться с полицией? Я не осмеливался, потому что боялся подставить под удар Розмари. А вдруг ее заподозрят? В газетах писали, что

к расследованию дела о «трупe в заводи» привлечен Скотленд-Ярд. В любой момент меня могли вызвать на допрос. Очень не хотелось привлекать внимание сыщиков к себе или Розмари. Придется действовать самостоятельно, и как можно быстрее. Я поднялся к себе в комнату, надел простой темный костюм, легкое пальто и шляпу, вернулся в кухню и открыл ящик с ножами. Выбрал маленький нож для мяса, острый, но достаточно короткий, чтобы спрятать его в рукаве, и покинул дом, чувствуя себя немного нелепо, но преисполнившись энтузиазма. Человек действия вполне способен выйти в ночь, замышляя убийство ради спасения дамы; однако я не был человеком действия.

Судя по часам, было около восьми вечера; вечер после жаркого дня выдался душный, облачный. Однако я по-прежнему дрожал и кутался в пальто, хотя большинство прохожих были одеты куда легче. Я решительно шагнул вперед, почти не двигая левой рукой – в рукаве скрывался нож. Куда я направлялся? Конечно к Розмари, но на этот раз тайно, осторожно, осознанно. Я проделал примерно половину пути до центра города, когда ощутил судороги. Это было неожиданно, но поначалу переносимо, как внезапная боль в боку; но в следующую секунду я уже скорчился на обочине дороги. Холодный пот стекал по лицу, зубы сжались от боли. Вокруг было пусто, никто не пришел мне на помощь. Я рухнул на колени, едва способный дышать, и ждал окончания приступа. Долгий медленный вдох, жжение в животе, в груди... еще один вдох. Боль угасала, слабела. Я осторожно встал, стараясь не делать резких движений, чтобы боль не вернулась. Выпрямился, еще несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул.

Удостоверившись, что спазмы, чем бы ни были они вызваны, прошли, я с осторожностью продолжил путь. Не прошел и сотни ярдов, как судорога снова скрутила меня, на сей раз мгновенно парализовав все тело. Мир завертелся, словно карусель, от боли меня вырвало, я изверг на землю черную жижу. Кажется, я закричал, а может быть, мне только показалось. Очки соскользнули в траву, я потянулся за ними, но не нашел, попытался встать, поскользнулся, упал на бок. Заподозрив, что это сердечный приступ, я прижал руки к груди и сумел выползти на мостовую, в круг неверного света под фонарем. И потерял сознание.

Когда я пришел в себя (судя по всему, через несколько минут), боль ушла, а улица по-прежнему была пуста. Я осторожно поднялся, не обнаружив ни малейших последствий приступа, выпрямился в полный рост и отряхнул одежду. Мне было очень неловко; но раз уж недомогание прошло... Я был настроен скептически и объяснил случившееся голодом – ведь я ничего не ел, а может быть, это последствия того яда, который мне

ввели. Уже казалось, что я полностью оправился, у меня даже проснулся здоровый аппетит. Я нашел очки, протер их и сразу почувствовал себя увереннее. Потом отряхнул и надел шляпу, после чего пошел дальше. Я ощущал настоящий голод и думал, не перекусить ли где-нибудь, прежде чем явиться к Розмари. Не хотелось бы снова падать в обморок, особенно в ее квартире. Компания незнакомых студентов поравнялась со мной, когда я вышел на главную дорогу в Кембридж. До моего слуха донеслись отзвуки смеха и веселый выкрик: «Добрый вечер!»

Наверное, меня застали врасплох, потому что я вздрогнул, услышав голоса, и моя походка вновь стала шаткой. Вдруг я остро осознал, что мне холодно, а пустой желудок вновь скрутила тошнота. Когда я поднял руку, чтобы коснуться шляпы в знак приветствия, закружилась голова. Улыбка застыла на моих губах, я замер. Голоса вдруг зазвучали невыносимо громко. Студенты прошли мимо, не прекращая болтать, только один парень удивленно оглянулся, должно быть гадая, не пьян ли я. Он был ближе всех, к тому же задержался, чтобы взглянуть на меня; свет фонаря выхватывал из темноты его широкое простоватое лицо. На мгновение зрение сыграло со мной шутку, искажая перспективу: показалось, что это лицо стремительно приближается, как некая гротескная картинка, которую я рассматриваю в лупу, и я отшатнулся. Бессмысленные голубые глаза, широко ухмыляющийся рот, капли пота, выступившие из расширенных пор на бритом лице, – все это предстало перед моим внутренним взором, словно я смотрел через жуткое увеличительное стекло. Идущий от парня жар ошеломлял. Я чувствовал его запах – отчетливый, словно дух парного мяса в холодный вечер, и привкус бриолина был лишь приправой к первобытной пульсации юной крови. Сам того не сознавая, я протянул руку, чтобы коснуться его... но компания уже ушла в темноту, весело смеясь, а я остался у фонаря, дрожащий, напуганный собственными мыслями. Ведь я не мог?..

Шепотом выругавшись, я продолжил путь. Похоже, после всего, что случилось в эти сутки, у меня начались галлюцинации. Я шел вперед, а голод подталкивал меня возобновить охоту.

Элис быстрыми точными линиями набрасывала рисунок, раздумывая о том, что прочитала в дневнике Дэниела Холмса.

Его слова теперь кружили над головой, как апокалипсические птицы, принесшие гибельные вести из туманного прошлого. Элис боролась с искушением пойти дальше, истолковать странные тревожные факты, вообразить все, что могло за ними стоять. Она хмурилась, глядя на холст, брала кисть, аэрограф, защитную пленку, растворитель, но снова и снова вспоминала эти фразы, чей ритм соответствовал сбивчивому ходу мыслей автора дневника.

Она рисовала рассеяннo, почти бессознательно – руки двигались, а разум блуждал далеко. Картина была заранее обдумана, сделан эскиз, подготовлены краски и кисти, но несколько часов спустя Элис увидела на холсте нечто совершенно неожиданное. Во время работы она обращала внимание только на отдельные детали – руку, островок травы, кусочек неба – и эффекты, создаваемые цветом и формой. Теперь перед ней было законченное произведение, приковывающее взор. Отступив на шаг, Элис долго и бесстрастно созерцала его, слушая обманчиво ровный стук собственного сердца, и понимание приходило постепенно, с неотвратимостью раскачивающегося маятника.

Снова берег реки, как на предыдущей картине; Элис узнала излучину, нависающие ветки деревьев, смутные отражения в темной воде. Снова тщательно прописаны мельчайшие детали. Четкие контуры и игра света создают иллюзию абсолютной реальности. На переднем плане видны два человека: один стоит на том берегу лицом к зрителю, склонив голову и глядя в воду, второй повернулся в профиль, зайдя по колено в реку, и его закатанные штанины открывают бледные тонкие ноги, забавно укороченные из-за преломления света. Оба молоды и довольно строго одеты: на них костюмы с широкими лацканами, а у того, кто стоит на другом берегу, очки и шляпа.

Элис не могла подробно рассмотреть лица, однако позы были весьма выразительны: молодые люди тянулись вперед, будто в порыве любопытства, и одновременно отшатывались от некоего объекта, который плыл между ними по реке. Когда Элис разглядела, что это, она невольно поморщилась. Боже! Что на нее нашло?

Детали на небольшом холсте должны быть милосердно размыты,

однако... Элис придвинулась к картине, и плывущий по реке труп словно попал под увеличительное стекло – художница разглядела его яснее, чем хотелось бы. Наполовину погруженное в воду тело безвольно качалось на зеленоватой волне, вокруг расходилась мелкая рябь. Лицо оставалось на поверхности, обращенное к зрителю, бледное и раздувшееся. Элис тотчас поняла, кто это, узнала копну рыжих волос. Нагнулась еще ближе, и ей показалось – нет, не показалось! – что она различает выражение мертвого лица. Утопленница так распухла, что глаза заплыли, раскрытый рот походил на черную дыру, обрамленную желтыми хищными зубами... но все равно это была маска жуткого, извращенного ликования, триумфа и восторга.

Элис словно заколдовали: чем ближе она подступала к холсту, тем больше подробностей замечала. Каждая веточка, каждая травинка представляли во всем их бесконечном разнообразии. Возможно, эта была иллюзия, рожденная подсознанием и помогающая признать то, что рассудок поначалу отвергал. Пока разум пытался истолковать записки Дэниела, подсознание просеивало информацию и рисовало – буквально – картину собственных выводов.

Так или иначе, Элис наконец поверила.

Ей стало немного легче: стоит принять иррациональное, непоследовательно подумала она, как все становится возможным. Даже в Зазеркалье есть законы, если знать, куда смотреть. Элис продолжала изучать картину, рассматривая две фигуры у воды. По крайней мере один из этих людей – тот, который в шляпе, – был ей знаком. Осанка, сутулые плечи, блики света в стеклах очков...

Джо.

Джо и Дэниел?

Да, Дэниел и Джо.

Последняя важная часть пазла встала на место, словно захлопнулась дверь в мир здравого смысла. Элис в последний раз взяла кисть и вывела название картины в нижней части холста – не рассуждая, не сопротивляясь порыву, как совершала все действия, приведшие ее к этому моменту.

Бедный Дэниел, думала она, аккуратно выписывая буквы: «ВОЗДАЯНИЕ. ИЗБРАННИКИ ОФЕЛИИ».

Один

В страшном сне я шел вдоль дороги, и голод следовал за мной по пятам. Разум, которым я столь несправедливо гордился, пребывал в непривычном смятении. Обоняние забивал запах крови, и хотя я сопротивлялся осознанию фактов, перед лицом голода я слабел – как любой нормальный человек. Я всегда считал себя христианином, не лгал и не крал; если и думал о прелюбодеянии, то скрывал эти помыслы. Грехи мои были мелкими, рядовыми, душу не затрагивало ни отчаяние, ни высокомерие. Но неожиданно, за один день и одну ночь, все перевернулось. Я больше не похож на обычного человека – мысль об этом жила во мне как проклятие. Как выразить всю глубину ужаса, охватившего меня, когда я впервые увидел зверя в оболочке моего тела? Позднее я наблюдал подобное достаточно часто, чтобы сломаться, и привык смотреть на это бесстрастно, почти как исследователь, однако до той поры пришлось разбить множество зеркал и икон, перевернуть множество запретных страниц.

Так я шел, терзаясь голодом и скрывая лицо в тени, чтобы прохожие не могли увидеть в моих глазах жажду убийства.

Убийство. Это слово утратило смысл, пока я слепо брел по улицам, спрятав руки в карманы, чтобы никто не заметил их дрожи. Просто провал, головокружительный спуск в небытие, необозримый, как судьба. От одного слова, как на фотопластинке от одного луча света, изменилась вся моя жизнь. Поверьте, я сопротивлялся как мог, но мысль об убийстве была коварна, она вертелась в голове, рождала галлюцинации, рисовала, словно в театре теней, причудливые силуэты на экране моего истерзанного разума. Порой я выпадал из реальности, терялся, как ребенок в ярмарочной толпе, и голод овладевал моим сознанием. Несколько раз я нырял в переулки или проемы арок, чтобы извергнуть содержимое желудка, вроде бы давно пустого, и боль запускала острые пальцы мне под ребра. В итоге оказалось, что я терпел эти муки зря. Странно, но меня до сих пор охватывает гордость при мысли о том, как долго я продержался. Будьте ко мне снисходительны – я сдался не сразу.

Я так и не дошел до квартиры Розмари – и не надеялся дойти, – хотя сумел добраться до реки. Народу на улицах было меньше, чем я опасался. У дверей забегаловок толпились студенты, но мне, к счастью, не пришлось касаться их или подходить слишком близко – от одного запаха кружилась голова. Мимо прошли несколько полицейских, бросивших настороженные

взгляды в мою сторону. Паранойя заставила ускорить шаг – почудилось, что они заметили мое странное состояние. Руки дрожали. У моста Магдалины (ирония этого совпадения от меня не ускользнула) случился особенно сильный спазм, так что некоторое время я не мог дышать, только дрожал всем телом. Кое-как спустился на берег, оттуда под мост, где было темно и прохладно. Я решил отдохнуть там, где меня никто не увидит, не будет задавать вопросы.

Я устроился на узком бортике под мостом. Было холодно и сыро, каменный свод позеленел от плесени, но здесь я хотя бы чувствовал себя в безопасности. Над головой проходили люди. Я ощущал их тепло и как будто видел его: словно факел сиял сквозь плотную ткань, слабым отблеском отражаясь в воде. Я закрыл глаза. Совсем ненадолго, убеждал я себя; несколько минут отдохну и приду в себя. Прохлада воды и сырое безмолвие камня помогут остановить поселившийся во мне ужас. Я ждал.

– Дэниел.

Я открыл глаза, машинально протянул руку, чтобы поправить очки. На миг показалось, что голос пришел от воды, и меня объял сверхъестественный ужас. Это она, мертвая женщина, ее грудная клетка вскрыта, как тюк с грязным бельем, глаза смотрят обвиняюще... Или того хуже: распухшее лицо расплывается в широкой злобной ухмылке, а руки тянутся, чтобы обнять меня...

– Дэнни.

Я повернулся так резко, что едва не упал с бортика.

– Я так рад, что нашел тебя, Дэнни.

Это был Рэйф.

Несколько мгновений я не понимал, почему он здесь, и молча глядел на него. Он опирался на бортик в двух-трех футах от меня, и зыбкий свет, отражавшийся от воды, падал на его лицо. Увидев Рэйфа в квартире Розмари, я сразу отметил его тревожную красоту. А сейчас он был прекрасен – призрачное, эфирное создание. Светлые глаза смотрели невинно и порочно. Я не боялся; ужас перед тем, что я открывал в самом себе, вытеснял страх, который нормальный человек должен чувствовать рядом с безжалостным убийцей.

– Господи, – прошептал я, – что вы со мной сделали? Что вы мне дали? Рэйф улыбнулся.

– Не волнуйся, Дэнни. Так со всеми бывает вначале. Скоро все пройдет.

– Пройдет – что? – Мой голос зазвучал громче. – Во что я превратился?

Я протянул руку, схватил его за грудки и встряхнул. Рэйф только улыбнулся.

– Скоро ты станешь одним из нас, – сказал он. – Ты ведь хотел этого? Быть одним из нас.

Я покачал головой.

– Нет, ты хотел, – настаивал Рэйф. – Все хотят стать особенными. Теперь ты один из нас. Тебе это не нравится, ты пока не привык к этой мысли, но скоро привыкнешь. Ты будешь жить вечно, Дэнни. Ты будешь сильнее обычных людей, ты столько всего узнаешь! Все этого хотят, Дэнни, поверь.

– Что вы мне дали?

– Сам знаешь.

Я действительно знал больше, чем хотелось, и это привело меня в ярость. Снова встряхнув мальчишку, я наотмашь ударил его по губам.

– Мерзавец! Я ничего не знаю! Только то, что вы убийцы! Вы меня отравили, боже! И я чувствую... Я хочу...

В панике я до предела повысил голос, почти перешел на визг, и такая потеря контроля ужаснула меня еще сильнее. Я разжал хватку и оттолкнул мальчишку.

– Я ничего не знаю.

Тонкая струйка крови стекала из уголка губ Рэйфа. По-прежнему улыбаясь, он стер ее кончиком большого пальца, затем аккуратно облизнул палец.

– Знаешь.

Я прислонился к опоре моста. Взгляд светлых глаз пригвоздил меня к камню, а его улыбка... Я не мог этого вынести. Спрятав лицо в ладонях, я заплакал. Слезы сочились сквозь пальцы, как потерянные слова. Мне хотелось умереть.

Рэйф долго смотрел на меня, потом встал. Огни, отраженные в реке, окружили его голову ореолом бликов, и подросток казался светлым ангелом. Я запаниковал при мысли, что он сейчас уйдет, и судорожно схватился за рукав его куртки.

– Не бросай меня.

– Тогда пойдем со мной. Если посмеешь, конечно.

– Останься. Помоги мне.

Рэйф кивнул.

– Для этого я и пришел. Меня послали помочь.

– Кто послал?

– Друзья. Розмари. Теперь ты наш, Дэнни. Тебе нечего бояться,

обещаю. Теперь должны бояться тебя, как всех нас. Ты – один из нас.

– Но кто вы? – спросил я, по-прежнему цепляясь за него, как потерявшийся ребенок.

Рэйф вскинул голову, рассмеялся, и первобытная вольность этого движения вдруг внушила мне благодарность и любовь. На миг я отчаянно пожелал стать таким же свободным и прекрасным, жестоким и юным, не скованным узами низменного мира. Я захотел жить по собственным законам; да, я захотел войти в их братство, кормиться, как они, и провести с ними вечность. Прости меня, Господи, я действительно пожелал этого.

Рэйф улыбался, а я грелся в отраженных лучах его триумфа.

– Мы господа, Дэнни, – негромко произнес он. – Избранные. Владыки творения. Хищники.

Я задрожал от восторга. Как ребенок, дождавшийся самого долгого и восхитительного праздника в жизни, я чувствовал запах попкорна, карамели и отдаленное веяние тяжкого смрада зверинца.

– О да, – пробормотал я, едва сознавая, что говорю. – О да.

Один

Землю укрыла ночная тьма, и я бежал в этой ночи. Вместе с Рэйфом, скрываясь в тени, мы пробирались через город тайными путями, и к нам присоединялись Джава, Розмари и другие. Я знал их имена, хоть и не спрашивал: Элейн с длинными спутанными волосами и огромными глазами; доверчиво сжимавший ее руку Антон – совсем маленький мальчик, пародия на настоящее дитя; рыжий, как Розмари, Зак с татуировкой в виде птицы на щеке. Мой народ, думал я с мрачной гордостью. Мой народ. Помогите мне, Господи! В ту ночь я любил их, мне нравилось ощущать их рядом, вдыхать их запах, испытывать голод, который был нашим другом и единственным союзником. А больше всего я любил Розмари: и пряди волос, падающие ей на плечи, и разворот головы, и белизну обнаженных ног под черным плащом. В том сне я – простите меня – впадал в экстаз, чувствовал восторг, и по этому счастью я тоскую больше всего теперь, когда она ушла. Счастье зарыто в землю на гранчестерском кладбище и никогда уже не расцветет.

Попробуйте понять: я провел детство среди взрослых, занятых собственными проблемами, и вырос одиноким. Погрузился в науку, чтобы сделать свою жизнь осмысленной. Увлёкся искусством, чтобы удовлетворить потребность в чувственных переживаниях.

Какой ребенок не желает найти компанию сверстников, испытать восторг пребывания в стае, радостное ощущение бесконечного бега? Той ночью я и был ребенком: мальчишка, которого вечно бросают в одиночестве или дразнят, умник, ищущий в книгах замену отсутствующим друзьям. Поверьте мне – вопреки всему я был счастлив. Думаю, я испытал бы тот же восторг, даже если бы Рэйф не вколол мне в руку свое зелье, прежде чем мы ушли из-под моста. Никакие наркотики не заставят почувствовать такую эйфорию и полноту жизни. Поезд, бегавший по кругу под прозрачным колпаком юлы, наконец-то вырвался на волю, и я летел на нем в дивную ночь, с ликующим криком разрывая оковы судьбы.

Я больше не спрашивал ни о чем. Мне было довольно очарования ночи, и я следовал за стаями по переулкам, под темными арками, через мосты и обратно на другую сторону реки, пока мы не оказались в самой бедной части города. Пару раз нас замечал какой-нибудь прохожий; мы отвечали на его взгляд криками и воем. Джава держал в руке нож. Свет уличных фонарей стекал с лезвия, как ртуть, но я не боялся. Голод был

сильнейшим наркотиком, он пел, как призывная музыка, под сводами моего черепа. Этот дикарский ритм толкал меня вперед. Не знаю, долгий ли путь мы проделали; наверное, нет, но я мог бы бежать вечно. Мне казалось, что я, подобно Питеру Пэну, ступаю по волшебной пыли без малейших усилий, как и остальные. Элейн тихо пела, тонкая трель ее голоса звенела в темноте. Лишь Розмари не коснулось это очарование; невозмутимая, она вела стаю к избранному месту, и голод подгонял нас, словно ураганный ветер.

Место было мне смутно знакомо: грязная пивнушка, где подавали дешевую выпивку в неположенное время. Я решил, что забегаловка закрыта, поскольку она выглядела пустой, свет за окнами был желтым и тусклым. Но мои новые друзья шли так уверенно, что я последовал за ними, отыскивая в кармане деньги. Видите ли, даже тогда я не совсем понимал, что произошло. Может быть, я по-прежнему думал, что это сон. Так или иначе, я рылся в карманах, будто мне предстояла обычная ночная попойка. Было бы смешно, не будь так ужасно.

Розмари первой вошла внутрь. Дверь открылась, и я тоже оказался в полутемном помещении бара. Два человека, мужчина и женщина, убирали со стойки бутылки. Пол был усыпан опилками, в воздухе висел дым, заглушая запахи плесени, алкоголя и рвоты.

Мужчина протирал стойку мокрой тряпкой и даже не поднял взгляд, когда мы вошли.

– Закрыто! – рявкнул он. – Ева! Запри дверь, чтобы никто не ломился.

Женщина, которую он называл Евой, оторвалась от работы – она подметала пол, дымя сигаретой. Я успел отметить, что она молода и при других обстоятельствах могла бы показаться симпатичной. Но сейчас вид у нее был угрюмый и усталый, волосы, высветленные добела дешевой краской, стянуты сзади грязной лентой.

– Вы же слышали, – произнесла она, не вынимая изо рта сигарету. – Закрыто. Извините.

Повисло молчание. Я видел, как Джава глянул на Рэйфа, как Антон шагнул вперед, отпустив руку Элейн. Женщина уставилась на них.

– Вообще-то мальчику давно пора спать, – продолжила она. – Вы знаете, который час?

Я беспокойно переступил с ноги на ногу, вспомнив собственные слова, обращенные к Рэйфу и Джаве всего лишь сутки назад. Они были слишком похожи на то, что говорила эта женщина, и мне стало тревожно.

Пару секунд никто не шевелился, потом Розмари вышла вперед.

– Мы ненадолго, – промолвила она.

Ева не обратила на нее внимание.

– Я запираю.

Она направилась к двери.

Джава шагнул вперед и преградил ей путь.

– Что вы делаете? – спросила она, и страх немного оживил ее голос.

Джава проигнорировал вопрос.

– Тони!

На этот раз страх в ее голосе был отчетливым, и мужчина, протиравший стойку, впервые поднял взгляд. И встретился глазами с Джавой.

Я забыл, что случилось потом. Дикость происходящего обрушилась на меня, подобно штормовой волне, искажая реальность, а когда несколько мгновений спустя мир встал на свои места, все было кончено. Кажется, Джава метнул нож; нет, нож выпрыгнул у него из пальцев, как живой, и одним плавным движением достиг горла женщины. Прикосновение лезвия к коже, изумленный крик, и кровь хлынула на блузку. Женщина схватилась за рану, глаза ее становились все круглее, кровь лилась ручьем. Джава так и смотрел в глаза мужчине за стойкой. Не помню, кто первым подошел к этому человеку. Кажется, Зак и Элейн.

Антон подбирался к телу женщины, кровь брызнула ему в лицо, и я заметил в его глазах такой голод, такую алчность... Эти глаза были гораздо старше и порочнее, чем должны быть у столь юного существа. Но тот же голод, ужасный и необузданный, завладел вдруг мной. Не осознавая, что делаю, я оттолкнул Антона и бросился на жертву. Кровь залила стекла моих очков, весь мир окрасился в оттенки алого. Я ел неряшливо, не думая ни о чем, кроме насыщения кровожадного божества, живущего внутри меня; я впивался в горло женщины, чувствуя, как содрогается ее тело. Антон скулил, словно щенок, пытаясь отпихнуть меня, и цеплялся за труп маленькими ручками; кое-как нам обоим удалось утолить голод. Когда я откатился прочь, сытый и удовлетворенный, я увидел мужчину у стойки – или то, что от него осталось. Они растерзали его, разодрали тело от горла до живота. Элейн вскрыла кассу, чтобы набить карманы монетами и банкнотами. Джава нашел бутылку жидкости для разжигания печи и теперь плескал из нее на пол и мебель. Розмари слизывала с лица Рэйфа кровь, крошечные красные капельки окружали ее глаза, словно маска. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

– Мы избранные, – сказала она. – Вот кто мы. И я избрала тебя. Помни это и будь верен. Будь моим, Дэниел.

Два

Элис заснула почти в шесть утра. Джинни вернулась в половине шестого, постучала в дверь и, не говоря ни слова, прошла прямо в свою комнату. Элис пропустила ее с замиранием сердца, вспомнив об украденном ящичке. Перед глазами прыгали точки после слишком долгой расшифровки корявого невротического почерка Дэниела Холмса, голова отяжелела. Быть может, после нескольких часов сна удастся осмыслить то, что сегодня произошло? А может быть, она проснется и обнаружит, что все было сном.

Элис проснулась в восемь утра, натянула халат и на цыпочках прошла в студию. Долгое время она спокойно рассматривала ящик Холмса и собственную картину. Она знала, что это ложное спокойствие, но все равно радовалась ему: оно позволяло посмотреть на ситуацию с другой стороны, сложить новый узор.

Надо напрямую поговорить с Джинни. Может быть, девушка откроется, как только Элис расскажет ей все, что узнала? Может быть, Джинни нуждается в помощи?

Элис взглянула на часы: двадцать минут девятого. Скоро должен прийти Джо. Нужно поговорить с Джинни до его появления.

– Джинни, выпьешь чаю? – Голос Элис был ровным, улыбка – уверенной.

Джинни сидела у камина, по-прежнему босиком. Теперь на ней были джинсы и темный свитер, на фоне которого выделялись блестящие рыжие волосы. Она покачала головой и заметила:

– Ты плохо выглядишь.

– Мало спала. Не могла уснуть после вчерашней ночи.

Джинни смотрела на Элис ничего не выражающим взглядом.

– Давай поговорим, – предложила Элис. – Мне известно больше, чем ты думаешь. У тебя неприятности, и вряд ли ты сама с ними разберешься.

Джинни так же бесстрастно смотрела на нее, будто не понимала, о чем речь.

– Рэйф и Джава, – пояснила Элис, подходя ближе. – Они живут в том старом доме?

Джинни пожала плечами.

– Ты не знаешь?

Девушка покачала головой.

– Но они же твои друзья.

– Иногда.

Джинни начала тихо раскачиваться в кресле, взгляд у нее стал отстраненным, как у упрямого ребенка. Элис взяла ее за руку.

– Джинни, посмотри на меня.

Взгляд лилово-серых глаз остановился на Элис, и эти глаза были спокойны и пусты, как зеркала без отражений.

– Я нашла в твоём шкафу шприцы. Я видела, как ты ушла с Джавой. Он продает наркотики? А чем еще он занимается? В церкви... что он там делал?

Джинни молча смотрела на нее.

– Джинни, ты должна довериться кому-нибудь. Тебе нужна помощь, пока ты не втянулась. Если бы дело касалось только наркотиков, можно было бы не вмешиваться, но я видела вас в Гранчестере в ту ночь. На кладбище. А ящик в твоём чемодане? Я знаю, откуда он. Он был замурован в стене церкви, за медной табличкой. Зачем они взяли его, Джинни? Чем они занимаются?

Но Джинни снова ушла в себя. Через полчаса, когда Джо постучался в дверь, девушка все еще сидела у камина, глядя в огонь и тихонько покачиваясь, как зачарованная принцесса из сказки.

Наверное, они думают, что здесь я в безопасности – от себя самого и своих фантазий. Перед сном сиделка приносит успокоительный ромашковый чай. Я бы предпочел виски, но мне сказали, что он вызывает нервное возбуждение. В солнечные дни меня отпускают на прогулку, однако я предпочитаю сидеть в библиотеке. Иногда приходит доктор, чтобы составить мне компанию; я обыгрываю его в шахматы. Он нравится мне, этот доктор Прайс, как и все здесь, и я разговариваю с ним, хотя знаю, что он мне не верит. Мои доказательства – книги и картины – ничего не значат для него. Доктор беспокоится за мой рассудок, сколько бы я ни твердил ему, что спасать нужно мою душу. Он молод и силен, он любит посмеяться, совсем как Роберт до встречи с Розмари.

Он пытается помочь. Он даже приносит мне книги, которые я заказываю. Качает головой, улыбается и говорит: «Мне оторвут голову, если узнают, что я вас поощряю». Но он приносит книги: Фрэзера, Кроули, апокриф об Ахиахаре, даже таких сочинителей, как Лавкрафт и По, и современных писателей, чьи имена я забыл. Названия книг вытиснены красным на дешевых бумажных обложках черного цвета. Все они могли встречать Розмари в том или ином облике. Родственные души – вдруг подскажут, как сбежать от нее? Но я не нашел того, что искал. Доктор молча сидит рядом, пока я занимаюсь своими исследованиями; иногда я зачитываю ему фразы из книг на латыни, по-французски или по-немецки. К сожалению, я не знаю румынского языка, а многие нужные тексты не переведены. Я передаю деньги в местный университет, чтобы небогатые и не слишком любопытные студенты помогли мне с этим, однако дело продвигается медленно, а поиски не терпят отлагательств. Молодой доктор кивает и вроде бы слушает; иногда мне хочется предостеречь его. «Все ваши знания, – мог бы я сказать, – ничтожны перед лицом ее всеведения и ее голода. Один взгляд Розмари, и вы станете тем, чем стал я, со всем вашим интеллектом и уверенностью».

Потому что Розмари все помнит. Помнит и ждет.

Я знаю, что мои исследования бесплодны. Нет способа остановить ее. Однажды я попытался это сделать. Наверное, она была беспечна. Ей нужно тридцать лет, чтобы вернуться, и она уже родилась заново. Может быть, когда вы будете читать эти страницы, она уже вырастет. Я уверен лишь в одном: к тому моменту я буду мертв – убью себя сам или она убьет меня.

Она не позволит мне снова помешать ей.

Молодой доктор привержен логике, он пытается использовать мои выкладки, чтобы доказать мою же неправоту.

Как она может быть вампиром, спрашивает он, если средневековые свидетельства о вампиризме в Румынии ни в малейшей степени не совпадают с тем, что вы, как вам кажется, знаете о ней? Ни в одном историческом или фольклорном источнике не упоминается о существах, подобных тому, что вы описали.

Ни одно имя не подходит ей, отвечаю я, и точно так же подходят все имена. Она стара, как порок, от которого произошла, и в то же время чудовищно юна. Она превыше легенд, как Бог превыше наивных рассказов о хлебах и рыбах. Я полагаю, Юнг назвал бы ее злой анимой. Вот видите, я могу разговаривать и на вашем языке тоже, я могу использовать ваши аргументы не хуже, чем вы сами, но не могу изгнать демоницу, заполонившую мои сны. Кровь окрашивает все мои мысли о ней, вызывает тошноту и возбуждение; полагаю, вы могли бы сказать, что меня отталкивает собственное представление о сексуальности. Я всегда гордился своим интеллектом и рациональным мышлением. Трудно поверить, что по ту сторону моего сознания таились подобные идеи; подавленные, они растут, словно плесень в гробнице. Часть меня, которую я не мог принять, переродилась в иную личность. Я назвал эту личность Розмари. Я вообразил, что именно она отвечает за темный остров в моей душе. Я претворил это в фантазию об оборотнях, об убийстве и пожирании в ночи, о крови, мистической реке подсознания: Розмари – вампир, неотразимая и смертоносная... Я заменил поцелуй актом агрессии, укусом (ведь любой сексуальный акт является актом агрессии, а я, в сущности, боюсь женщин), превратившим меня в подобие ее самой. Одна часть меня желает, чтобы меня хотели, любили, преследовали. Другая же часть страшится этого и еще больше отстраняется, превращая естественное стремление к красивой женщине во что-то извращенное, чудовищное, и заставляет меня поверить, будто я виновен в жесточайшем преступлении.

Вот, сказал я ему, я говорю на вашем языке. Комплекс вины включает в себя фундаментальный страх перед женщинами и, возможно, латентную гомосексуальность, проявившуюся в связи со смертью моего лучшего друга... И вот мы имеем все классические элементы невроза.

Доктор скептически улыбается – он и раньше слышал от меня подобные речи. В первый раз он обрадовался: неужели я наконец-то выказал признаки выздоровления? Он слышал мои рассуждения и был поставлен в тупик очевидной связностью аргументов, явной моей

нормальностью во всем, кроме одного.

Розмари – не фантазия.

Она не вампир и не оборотень, а подлинная личность. Фрагменты этой личности встречаются на страницах книг, но ее существование реально, как наша жизнь. Она – губительная болезнь души, не человеческое существо, но нечто более древнее, чем самые известные архетипы Юнга. Я назвал ее небесной подругой.

Они увели меня с собой после той ночи, не бросили в одиночестве. Иначе я так и остался бы в полыхающем огнем баре до приезда полиции. Но там не нашли никого, потому что меня оттащили – едва живого, в шоке от того, что мы сделали, – в убежище Розмари. Это был заброшенный склад, выгоревший во время пожара несколько лет назад, сырой... но в нем мы могли отлично укрыться. Розмари позаботилась обо мне, уложила отдыхать. Я помню руки, обвивающие мою шею, ее дыхание на щеке, когда она подносила к моим губам стакан горячего виски. Я пил, давился, кашлял, но все же ухитрился проглотить напиток.

– Не волнуйся, – сказала она; ее волосы касались моего лица. – Худшее миновало. Ты пока нездоров, тебя лихорадит, от яркого света будут болеть глаза, но через неделю-другую все пройдет. Выпей еще.

Я сглотнул и сумел приподняться на локтях, чтобы оглядеться. Рэйф и Джава сидели вместе в углу, я видел только их спины. До меня долетали обрывки их разговора, легкие, как паутинки в недвижимом воздухе. Зак уже уснул, скорчившись под грудой мешков и одеял, странно вывернув голову и уткнувшись лицом в сложенные руки; его поза была трогательно детской.

Элейн баюкала Антона, покачиваясь и тихонько напевая бессмысленную песню.

– Успокойся, – повторила Розмари. – Все будет в порядке.

Но я не мог успокоиться.

– Что произошло? Я не... мы не... Что случилось?

– Мы избранные, – сказала она. – Мы делаем то, что должны делать. Не бойся, ты привыкнешь, как привыкли остальные.

Я резко сел, отчего тело пронзила боль. Я не знал, смеяться или удариться в истерику.

– Что ты имеешь в виду? Ты хочешь сказать, что я вампир? Как Дракула?

Я выбил стакан из пальцев Розмари, потом протянул руку, намереваясь схватить ее и встряхнуть. Заметил резкое движение Джавы, сидящего в углу, уловил холодный отблеск его глаз и понял: он готов вмешаться. Меня снова невольно разобрал смех.

– Вампиры! – хихикнул я.

Розмари смотрела на меня с холодной, спокойной жалостью.

– Никто не произнес этого слова, кроме тебя, – ответила она. – Вампиров не существует. Мы – иные, и ты стал иным. У нас есть определенные преимущества. И нам нужна пища. Ты это знаешь.

Я затряс головой.

– Нет! Я не хочу. Не хочу быть избранным.

– Моисей тоже не хотел, – возразила Розмари. – Я же сказала, ты привыкнешь. Все остальные для нас – скот. Ты спрашиваешь у скотины, хочет ли она быть съеденной? В Библии сказано, что Господь дал нам владычество над всеми зверями полевыми; а люди и есть звери полевые, Дэнни. Когда ты привыкнешь к этой мысли, ты поймешь, какую возможность мы дали тебе. Нет, не возможность жить вечно, но жить больше, испытать больше, узнать больше, чем способен любой другой человек. Я подарила тебе новую жизнь.

– Ты превратила меня в чудовище, – отозвался я.

Кажется, Розмари рассердилась.

– Чудовищ не бывает. Я дала тебе силу, а вместе с силой приходит голод. Я не превращала тебя в вампира; твой голод исходит от тебя самого, не от меня. Твое подсознание отлично понимает, что тебе нужно. И позволяет тебе переложить на меня твою собственную вину. – Она улыбнулась. – Ты скоро приспособишься. Сам будешь удивляться, что сопротивлялся. Но это, в конце концов, естественно. Позже я начну тебя обучать.

Полагаю, вы видели ее изображения. Вы знаете, как она красива, и можете представить, как легко я сдался. Для меня – испачканного кровью, полупьяного, согнувшегося под гнетом религии и морали – она была сказочным существом. И она протягивала мне кубок, в котором плескалась свобода, не больше и не меньше. Свобода от всего: от одиночества, от закона, от Бога, от совести и от последствий моих действий. Отныне и впредь я был волен брать от жизни все, что захочу, и никто не остановил бы меня. Неожиданно я пожелал этой свободы так сильно, что впал в панику – вдруг Розмари пожелает отнять свой дар? И протянул к ней руки, как нищий.

– Научи меня сейчас, – взмолился я.

Я пытаюсь не вспоминать о том, чему Розмари научила меня в тот день – на груде старых мешков и одеял, в пыльном заброшенном складе, где поперек стропил, подобно шелковым нитям, тянулись солнечные лучи. Довольно сказать, что она была нежной и ласковой, ее волосы пахли

лавандой, и я любил ее неумолимо, что стало неожиданностью для меня самого. Она оказалась права: изменение моего состояния пробудило новый голод, и я полностью удовлетворил его в бесконечности Розмари, пока от меня ничего не осталось. Я инстинктивно понимал, что все они любили ее: и Зак, и Рэйф, и Джава, и Элейн, и Антон (семилетний на протяжении пяти десятилетий), отчего свобода и великолепие происходящего только преумножались. Розмари была сосудом вечной жизни; мы все жадно пили из него, а она дарила нам эту милость.

Может быть, мой рассказ покажется вам нелепым и даже святотатственным. Постарайтесь меня понять. Я пишу не ради собственной славы или очистки совести, а для того, чтобы предупредить вас. Я ничего не придумываю; пишу только о том, что пережил. Такова Розмари. И она может явиться снова.

Она зачаровала меня, поэтому я вспомнил о Роберте, только когда собрался уходить. Я застыл, и блаженство сменилось потрясением.

– Господи!

Розмари повернулась ко мне. Она сидела на груде тряпья в дверном проеме и в солнечном свете казалась сделанной из огня и слоновой кости.

– А как же Роберт? – Меня охватило чувство вины, подействовавшее, как ушат ледяной воды. – Он ведь знает об этом?

Розмари выгнула спину и потянулась.

– Нет, он не избранный.

В ее голосе звучало легкое презрение.

– Ты хочешь сказать, что он ничего не знает? – переспросил я. – Но он собирается на тебе жениться.

Она засмеялась.

– Знаю, для тебя это тяжело, ты еще не перерос нелепое представление о верности. Однако нужно смотреть на мир шире. Избранный не может хранить верность скоту; это неуместно, недостойно. Я использую Роберта по-своему, однако ему нет места в наших планах.

– Но... – попытался возразить я.

– Когда ты окончательно станешь одним из нас, я скажу тебе, для чего нужен Роберт, – продолжила Розмари с безмятежной улыбкой. – А до тех пор, Дэнни, помни, кому ты должен быть верен, и довольствуйся этим.

Я хотел сказать что-то еще, но не посмел. Упоминание о моем друге раздосадовало Розмари, а поскольку она полностью завладела мной, мне не хотелось больше рисковать. Я оставил ее, не условившись о новой встрече. («Ты узнаешь, когда понадобишься мне», – сказала Розмари, и я согласился.)

Надвинув на глаза шляпу и доверху застегнув пальто, я отправился в долгий путь домой через поля.

Два

Джо был в той же одежде, в которой выступал на концерте вчера вечером; помятый и усталый, уголки губ опущены, веки припухли. Когда Элис открыла дверь, он прикуривал сигарету, сложив ладони чашечкой, чтобы защитить пламя зажигалки от ветра.

– Как Джинни?

Элис ощутила укол раздражения – о ней самой Джо совершенно не беспокоился.

– Нормально, – ответила она.

– Где она?

– В гостиной. Послушай, Джо. – Элис взяла его за руку, когда он уже потянул за ручку дверь, ведущую в гостиную. – Нам надо поговорить.

– Это не может подождать? – спросил он напряженным тоном. – Я не спал всю ночь и не настроен болтать. Ты же знаешь, каково мне по утрам.

– Я беспокоюсь о Джинни.

– Почему? Ты же вроде сказала, что с ней все нормально.

– Это как посмотреть, – возразила Элис. – Ты знаешь, что она принимает наркотики? Я нашла шприцы у нее в шкафу.

Джо на миг замер, потом пожал плечами.

– Ну, это было раньше, – сказал он. – Что такого?

– Мне кажется, тут нечто более серьезное, – ответила Элис. – Сегодня ее не было до пяти утра. А прошлой ночью...

– Не морочь мне голову. Скажи прямо, на что ты намекаешь. – Джо затаился сигаретой.

Элис сделала над собой усилие, чтобы голос звучал ровно:

– Мне кажется, Джинни попала в дурную компанию. Два ее приятеля приходили сюда вчера вечером, спрашивали про нее, и они были... – Она помедлила. – Они меня напугали. Я пошла за ними, проследила до старого дома возле Гранчестера, там у них что-то вроде притона. Они и на концерт приходили. Джинни была с ними все это время.

Джо нахмурился.

– Ты слишком активно вмешиваешься в ее дела. Давай-ка я сам поговорю с ней. – Он отодвинул Элис и прошел в гостиную.

Элис последовала за ним.

Джинни стояла у окна и смотрела на улицу, но, услышав шаги Джо, обернулась. Ее лицо озарилось детской радостью, она бросилась к нему и

обвила руками его шею.

– Привет, Джин. Ты не слишком устала?

Элис отметила, что с Джинни он говорил мягко, но складка между его бровями не разгладилась, словно солнечный свет причинял ему боль.

Джинни покачала головой.

– Долго тебя не отпускали вчера вечером?

– Слишком долго. – Джо пожал плечами. – Тип, которого они выбрали и отправили на «скорой» в больницу, по дороге решил дать дуба. Неизвестно, кто он такой, и никто не видел, что с ним стряслось. Там же такое творилось... Все дрались и ломились в дверь – возомнили, что пожар и надо поскорее сваливать. Когда приехала полиция, свидетели уже смылись, а парень истек кровью, прежде чем кто-то что-то понял. Ну, они и решили сцапать ближайшего бас-гитариста: «Раз там был, наверняка что-то видел». А ты где стояла? Ничего не заметила?

Джинни снова покачала головой.

Элис вспомнила компанию Джинни, стоявшую прямо в дверях, нахмурилась и невольно предположила:

– Может, твои друзья что-нибудь видели?

Джинни посмотрела на нее с недоумением.

– Какие друзья?

– Рэйф, Джава и остальные, кто был там прошлым вечером. Ты стояла вместе с ними у стены.

Джинни покачала головой, сделав удивленное лицо.

– Кроме тебя и Джо, у меня нет друзей.

– Но они были с тобой прошлой ночью, – настаивала Элис. – Джинни, не дури. Все равно придется рассказать об этом. Вы пошли в дом у реки. Ты не возвращалась домой до пяти часов утра, потому что...

– Я никуда не ходила ночью, – обратилась Джинни к Джо. – Сразу легла спать.

– Ты не пришла домой после концерта! Я ждала тебя, но ты не возвращалась. Потом явились твои приятели, они искали тебя – те самые, с которыми я видела тебя на концерте. Сказали, что их зовут Рэйф и Джава. Не ври, это бессмысленно. Мы просто хотим знать...

Но Джо шагнул вперед, мрачно глядя на Элис.

– Послушай, – сказал он. – Отстань от нее. Меня это все не интересует. Какая разница, с кем она была?

Элис пыталась сохранять спокойствие. Последнее, чего она хотела, это ссориться с Джо.

– Есть разница, потому что Джинни не хочет нам говорить, где она

ходит по ночам.

– Снова здорово. Не начинай. Поговорим об этом позже.

Джо упрямо смотрел на нее исподлобья. Элис помнила этот его взгляд. На миг Джо стал ужасно похож на Джинни.

– Позже? – переспросила она.

– Хватит, Элис!

Северный акцент усилился, когда Джо повысил голос. Элис затрясло.

– Ты не понимаешь, что тебя дурачат? Не позволяй ей обманывать тебя! Я могу все доказать. Могу отвести тебя в тот дом. – Она повернулась к Джинни. – Скажи ему правду!

Слезы набежали на глаза девушки, и она отвернулась, пряча лицо. Элис схватила ее за руку.

– Прекрати! – Джо немедленно вклинился между ними. – Оставь ее в покое! Я сказал, убери от нее свои поганые лапы!

Его рука поднялась, словно для удара; страсти накалились. Сощурившись, Джо издал короткий крик и изо всех сил врезал кулаком в стену, сделав на штукатурке вмятину размером с подставку для чашки.

С тошнотворной ясностью Элис осознала: он огромным усилием воли сдержался и не тронул ее. Это было так безобразно, так не похоже на Джо... Элис попятилась. От потрясения на глаза навернулись слезы.

– Да, это по-взрослому, – выдавила она. – Надеюсь, тебе стало лучше.

Джо баюкал ушибленную руку.

– Кажется, отбил костяшки.

– Ну и хорошо.

Голос Джо снова стал тихим, взгляд – совершенно невыразительным.

– Я думал, ты изменилась, – произнес он. – Но ты все та же злобная стерва. Ко всем придираешься, всюду суешь нос. Хорошо, что я от тебя избавился.

Он взял Джинни за руку и повернулся к двери.

– Джо... – Элис попыталась успокаивающе положить руку ему на плечо, но он резко смахнул ее кисть.

– Отцепись от меня!

Тут вмешалась Джинни.

– Пожалуйста, – сказала она и потянула Джо за рукав, так что ему пришлось повернуться и взглянуть на нее. – Пожалуйста, не шуми. Я уверена, это ошибка. Может быть, какие-то знакомые из прошлого, о которых я пытаюсь забыть. Наверное, именно их видела Элис. Не надо ссориться из-за меня.

Джо уже выглядел пристыженным, ярость погасла.

– Послушай, Элис... – Он попытался улыбнуться. – Похоже, все сегодня не в себе. Я совсем не спал, мы замотались и перегнули палку, согласна? Может, ты и вправду видела кого-то вчера вечером. Кого-то из приятелей Джинни. Прежде у нее были довольно жуткие друзья.

– Не бойся, говори прямо, – произнесла Джинни, глядя в глаза Джо. – Я хочу, чтобы она узнала все. Иначе не поверит мне и не сможет дружить со мной.

Взгляд девушки быстро скользнул по лицу Элис, и та уловила мгновенную яркую вспышку, словно закрутилась ярмарочная карусель.

– Когда-то я водилась со странными людьми, – продолжала Джинни. – Наркоманы, сутенеры, проститутки, разные психи... – Она улыбнулась. – Джо все изменил. Джо – мой рыцарь на белом коне.

Он попытался вставить слово, но Джинни жестом заставила его промолчать. Элис это ни разу не удавалось.

– Я пытаюсь забыть те времена, – подвела итог Джинни и посмотрела на Элис. – Но иногда все же вспоминаю...

Она взглянула прямо в глаза Элис, и слово «вспоминаю» повисло в воздухе между ними. Элис показалось, что она получила сообщение – очень важное, пока непонятное, способное изменить весь мир.

После того как Джинни и Джо вышли из дома, Элис долго ждала, а потом прошла в студию, где оставила рукопись Дэниела Холмса. Она аккуратно сложила бумаги в ящик, спрятала его в стенной шкаф и вернулась в гостиную, чтобы подумать.

Дэниел Холмс, несомненно, был безумен.

И все же какая-то часть души Элис верила в его рассказ. Может быть, все окончательно определил разговор с Джо или странное ощущение, сразу же возникавшее в присутствии Джинни: головокружение и необычная смесь запахов – сахар, арахис, карамель, отдаленный жаркий дух зверинца. Дэниел тоже упоминал об этом. А еще подозрение и ненависть, которые внушала ей Джинни, страх перед какой-то чуждой сущностью. Точное описание Рэйфа и Джавы. Лицо Джинни на рисунках, которым больше ста лет, и то же лицо прошлой ночью. Встреча в церкви с преподобным Холмсом, племянником Дэниела. Смерть доктора Прайса, который лечил и Дэниела, и Джинни в Фулборне. Ложь и отговорки, адресованные Джо...

Даже если Дэниел Холмс безумен, подумала Элис, я готова ему поверить.

– Алло. Фулборнский госпиталь. Чем могу вам помочь?

– Я хотела бы поговорить с доктором Менезисом, если можно.

– Подождите минутку, я проверю, здесь ли он.

Снова успокаивающая музыка в режиме ожидания. Раздраженно постукивая пальцами по трубке, Элис ждала, не сводя глаз с ящичка, куда сложила бумаги Дэниела Холмса.

– Алло. Менезис слушает.

– Доброе утро. Это Элис Фаррелл. Может быть, вы помните, мы разговаривали вчера.

– Да, помню.

Элис помедлила в нерешительности.

– Я хотела бы договориться о встрече. У меня есть проблема, которую нужно обсудить.

– Понятно. Может быть, хотя бы обрисуете мне, что за проблема?

– Лучше поговорить лично.

– У меня будет свободное время в половине первого.

– Отлично. – Элис перевела дыхание. – Спасибо.

– Ладно. Тогда, если это все...

– Подождите. – Она сделала глубокий вдох, собираясь с силами. – Как, вы сказали, звали того врача, который умер недавно? Доктор Прайс?

На том конце провода наступило долгое молчание.

– Алло?

Тон Менезиса стал резким и неприязненным.

– Если вы из газеты, зря тратите время. Я не даю интервью.

– Я не из газеты. Мне просто нужна помощь, – твердо ответила Элис. – А что случилось? С доктором Прайсом?

Снова долгая пауза, потом голос врача, холодный и отстраненный:

– Увидимся в двенадцать тридцать.

Один

Я больше не мог оставаться на своей квартире, поскольку боялся, что миссис Браун, слишком хорошо знавшая меня, заметит перемены в моем поведении. Вернувшись домой, я заперся в комнате и стал готовиться к побегу. Сначала тщательно вымылся и сжег окровавленную рубашку; весьма расточительно, да, однако чувство самосохранения взяло верх и теперь хладнокровно планировало мою новую жизнь. Я отчетливо сознавал, что вступил на путь Каина.

Голова снова закружилась – ведь я почти не спал, за двадцать четыре часа увидел разом небеса и ад, и новообретенный опыт отразился на моем лице. В старом зеркале я увидел почти незнакомого человека: небритые щеки ввалились, глаза горели осознанием собственной силы. Он был жуткий и... странно красивый, этот чужак. Я улыбнулся, отмечая чувственный изгиб своих губ и дикарскую беспечность – прежде такого не было. На память пришел ангелоподобный Рэйф, представший передо мной под мостом. Похож ли я на него теперь, когда стал избранным? Отвернувшись от зеркала, я подошел к буфету, достал бутылку виски и кружку. Налил себе на добрых два дюйма неразбавленного алкоголя, выпил одним глотком, как лекарство, и начал собирать вещи.

Их было немного – сундук с одеждой и книгами, но передо мной стояла задача отбыть как можно тише, не встретившись с миссис Браун. Я боялся потерять решимость, если хозяйка вдруг воспротивится моим необъяснимым намерениям. К счастью, миссис Браун не оказалось дома. В ее отсутствие я сумел без особого труда взять такси и перевезти вещи в другую часть города. Я оставил хозяйке записку и вложил в конверт две пятифунтовые банкноты в благодарность за все, что она сделала для меня. Через пару часов после полудня я уже устроился на новом месте – на верхнем этаже трехэтажного дома у реки Кэм, в трехкомнатной квартире. Помимо меня там было еще трое жильцов, как соизволил сообщить угрюмый хозяин дома. Приглядевшись к нему, я уверился, что пока вовремя вношу плату за жилье и не нарушаю спокойствие, любые мои странные привычки останутся незамеченными. После чего улегся на кровать и заснул.

Отдохнуть почти не удалось, меня тревожили сны и воспоминания, которые были куда страшнее снов. Усталые веки тяжелели, но как только они опускались, воспоминания словно превращались в осколки стекла и

впивались в кожу. В минуты бодрствования глаза болели, и когда ранним вечером я включил свет, он показался невыносимо ярким. Я почти полчаса просидел в полумраке, прежде чем неприятное ощущение прошло.

К тому времени я проголодался и, понимая, что в такой час в новом жилище вряд ли найдется еда, решил подготовиться к выходу.

Я тщательно оделся, побрился и направился в знакомый ресторанчик на Кингс-парад. Выбрал именно его, потому что мои знакомые редко заходили туда. Я заказал выпивку и бифштекс с кровью, откинулся на спинку мягкого стула и огляделся по сторонам. Несмотря на привычную обстановку, я испытывал странное чувство нереальности, будто маленький ресторан был театральной декорацией, за которой скрывались зловещие инженерные конструкции. Я представлял, как за этими закрытыми дверями вращаются шестерни и колеса, а звуки, запахи и виды вечернего Кембриджа за окном лишь маскируют механизмы иного, темного мира. Я медленно пил спиртное, ожидая, что мир снова придет в норму, но ощущение усиливалось... оно вовсе не было неприятным и все-таки тревожило меня. Мимо окна прошла пара – юноша и девушка, чьи лица в свете уличных фонарей казались неестественно бледными. Я смотрел на них лишь миг, но образы задержались в моей памяти и после того, как эти двое скрылись. Лицо молодого человека было обращено к девушке, а она застенчиво опустила взгляд. Мне показалось, что мое новое зрение позволяет видеть кости и плоть под их кожей, внутреннее устройство тел, загадочные тихие движения мускулов и ток крови.

Эта мысль напугала меня; я вдруг ужаснулся самому себе. Я говорил вам, что никогда не был фантазером, и подобные мысли словно принадлежали не мне, а кому-то другому, какому-то демону с извращенным чувством юмора. Я решительно обратил все помыслы на заказанный бифштекс, красный, плавающий в лужице густого мясного сока. Официант подал тарелку, улыбнулся с отсутствующим видом, как это умеют только официанты, и оставил меня наедине с ужином. Я приступил к трапезе с отменным аппетитом: вдыхал густой мясной аромат, отрезал куски бифштекса и глотал их, почти не жуя. Силы возвращались в ослабевшее тело и измученный разум. «Именно то, что нужно, – удовлетворенно подумал я. – Хорошенько поесть, чтобы прийти в себя». Розмари и ее компания теперь казались далекими и ненастоящими. Неужели я и вправду столько увидел, выстрадал и испытал – больше, чем выпадает обычному человеку за всю жизнь? Я уже сомневался в реальности событий минувшей ночи и подозревал, что кровавые и радостные видения были навеяны каким-то сильным галлюциногеном, который ввел мне Рэйф.

Мир вдруг снова покачнулся, накренился. Я смотрел в тарелку, на остатки мяса и кровь, и неожиданно меня затошнило. Я вспомнил другую кровь, пахучую и обильную, вспомнил, как она пульсировала в жилах, как она лилась – безрассудно, щедро... вспомнил кислый металлический вкус открытой раны. Человеческое мясо светлее, чем говядина, неожиданно подумал я, и все же один вид скота похож на другой.

Странно, но меня ужасали отнюдь не преступления, которые я совершил. Возможно, мой смятенный разум просто не мог их вместить. Воспоминание о том, как я терзал неостывший труп убитой женщины, было отчужденным и неубедительным; я ощущал лишь смутную, отстраненную вину, словно вспоминал извращенный сексуальный сон. Но меня пугало и до сих пор пугает – сильнее, чем я могу выразить, – то, что подобные вещи существуют, таятся за прочным фасадом обыденной жизни. За сценой находится целый мир стремительного, лихорадочного бытия. Стоит увидеть его – не сможешь забыть. А я стал частью этого мира, зацепился за его колесо. Мне чудилось, что во время катания на ярмарочной карусели я взглянул вниз и узрел открытые детали механизма, который меня нес. Или заметил, как облетает краска с нарисованного неба, являя лик Бога, подобного огромному кукольнику. Окруженный шестернями и рычагами, перемещающими звезды, Бог с усмешкой смотрит вниз, на землю, и держит в руке солнце, словно мячик на резинке.

Я отодвинул тарелку, не в состоянии больше есть.

Обострившиеся чувства терзали меня новыми чудовищными ощущениями: тепло бифштекса на тарелке взывало к теплу в моем животе, где незримая машина пищеварения превращала съеденное мясо в фекалии.

На одно омерзительное мгновение я ощутил суету бактерий в кишечнике и смерть миллионов клеток мозга в процессе мышления. Я видел себя через гротескное увеличительное стекло: в один миг я был беспредельным, атомы моего тела неслись сквозь пространство со скоростью света в огромную черную топку на краю хаоса, а в следующее мгновение делался крошечным, бесконечно умирающим, ничтожной точкой во тьме, беспомощной и затерянной, невероятно далекой от Бога.

Я покачнулся, потеряв привычные ориентиры, и в тот же миг все встало на места: ресторан, тусклый свет свечи на столике, запах мяса, красное вино в бокале. Заглянув в преддверие ада, я едва мог вспомнить свою тревогу. Отрезал еще кусок бифштекса и съел, ощущая первобытную радость насыщения. Да, я был избранным.

Я заказал фрукты, пирожное, еще вина, а под конец – кофе и бренди. Попросил у официанта газету и за четверть часа прочел «Ивнинг пост», с

некоторым удовлетворением отметив, что труп в склепе еще не найден. Отчеты о «мертвом теле в водосливе» переключались на третью полосу, поскольку расследование буксовало, хотя Скотленд-Ярд продолжал над ним работать. Я поискал новости о том, что произошло прошлой ночью в пивнушке, и наконец наткнулся на сообщение – полдюжины строчек на четвертой странице под заголовком «Пламя унесло две жизни». Пожар, который разожгли мои спутники, чтобы скрыть улики, ввел полицию в заблуждение – по крайней мере, на время. Мне стало гораздо легче, я заплатил по счету, взял пальто, надел шляпу и направился на свою новую квартиру. Я шел вдоль реки, наслаждаясь беспечностью этих минут, тихим журчанием Кэм и окутывающей меня темнотой. Не ощущал ни малейшей усталости, хотя было поздно, а я не привык бодрствовать по ночам. Я решил, что дома займусь работой, но не успел переступить порог, как все мысли о книгах вылетели из головы. Едва я протянул руку и собрался включить свет, как меня остановил голос – до ужаса слабый, хриплый, но несомненно знакомый.

– Дэнни, не зажигай свет... это я.

Я моргнул, пытаюсь привыкнуть к темноте, снял очки и разглядел слева от себя бледный бесформенный силуэт.

– Роберт?

Ответа не было – лишь такой же хриплый, еле слышный вздох.

– Роберт, с тобой все в порядке?

Снова этот призрачный звук, сопровождаемый шорохом и поскрипыванием со стороны кровати. Я еще не обвыкся в этой комнате, к тому же выпил больше обычного; пытаюсь подойти к другу, впотьмах ударился о стол, потерял равновесие и чуть не упал, запнувшись о складку на ковре.

– Как ты нашел меня? У тебя неприятности?

Всхлип во тьме.

Наконец я добрался до Роберта и понял, что он полулежит на кровати, полностью одетый. Он коснулся моей руки – его ладонь была холодна как лед. Слабый запах лекарств исходил от одежды, смешиваясь с куда более сильным запахом виски. Я прижал его к себе, попытался согреть и успокоить, как ребенка; и отчаянно гадал, что же сказала ему Розмари. Это ее рук дело, я не сомневался, только она могла довести Роберта до такого состояния. Он всегда оставался жизнерадостным и практичным, твердо отстаивал собственные взгляды, но я уже понял: он не был сильным человеком. Один взгляд на то, что мне было позволено узреть в последние сутки, сокрушил бы его. А я сумел приспособиться, и впервые за все время

нашего знакомства мы с Робертом поменялись ролями. Он цеплялся за меня, его дыхание было болезненным и неровным, и я укачивал его, стараясь успокоить и подбодрить. Что бы ни случилось, сказал я себе, Роберт не должен ничего заподозрить, не должен узнать правду о Розмари. Я еще не понимал, кого защищаю, его или ее.

Я баюкал его, шептал бессмысленные слова утешения, пока Роберт не расслабился; и все это время я мысленно прикидывал, как начать разговор.

– Немного перепил? Ничего, держись. Я сварю кофе.

Я поднялся без малейшего труда (глаза уже привыкли к темноте), прошел к раковине, зажег маленькую лампочку над ней. Налил воды в чайник и открыл дверь, чтобы пройти в маленькую кухню.

– Не уходи! – Голос Роберта дрожал.

– Все в порядке, старина, сейчас вернусь, – ответил я. – Сварю кофе. Вот увидишь, это тебя взбодрит.

Когда я вернулся, он кое-как взял себя в руки и уже сидел в одном из кресел спиной к свету. Шляпа лежала рядом на полу. Роберт выглядел так, словно недавно плакал. Даже в тусклом свете на его лице выделялись пятна, а руки, сложенные на коленях, подрагивали.

– Спасибо, старина, – с усилием выговорил он. – Ты вовремя пришел на помощь. Теперь со мной все в порядке.

Я взялся разжигать камин, погасший за время моего отсутствия. Сначала надо было насыпать угля, положить растопку, чиркнуть спичкой, потом раздуть огонь ручными мехами и, наконец, добавить дров, весело затрепавших в пламени. У Роберта было время успокоиться. Когда я повернулся к нему, он почти пришел в себя и выпрямился в кресле, измученный и бледный. Я налил кофе нам обоим, понимая, что череда обыденных повседневных действий – растопить камин, положить сахар в чашку, добавить молока – успокоит моего друга больше, чем любые слова.

– Итак, – произнес я, когда кофе и тепло начали оказывать на него благотворное воздействие, – почему бы тебе не рассказать, что случилось? – Я улыбнулся и открыл банку с печеньем. – Угощайся.

Роберт покачал головой.

– Нет, спасибо.

Сделав последний глоток крепкого кофе (он пил черный, очень сладкий), Роберт поставил чашку на стол.

– Извини, Дэн, – произнес он почти нормальным голосом. – Я был глупцом. Вел себя отвратительно, и надеюсь, ты примешь мои извинения.

– Ерунда, – отозвался я. – Не нужно извиняться. Скажи мне, что стряслось?

Роберт кивнул, открыл было рот, но умолк.

– Не знаю, с чего начать, – признался он, – и не знаю, согласишься ли ты мне. Все это звучит совершенно дико.

– Ты будешь удивлен, когда поймешь, во что я готов поверить, – ответил я.

– Ладно, – согласился Роберт.

И пока прогорали угли в камине, я слушал его рассказ – отрывистый, бессвязный, но знакомый.

Я молчал, лишь время от времени подбадривал друга. Именно тогда, внимая трагической истории Роберта, я принял решение, которое определило мои последующие действия и все еще может стоять мне жизни. Избранный или нет, я не предал друга и продолжал верить ему. Я должен был защитить Роберта – даже от Розмари. В тот миг я не представлял, куда это заведет, до каких роковых пределов предстоит дойти, прежде чем я смогу вернуть собственную душу.

С самого первого взгляда, рассказывал Роберт, Розмари очаровала его. Он был классическим «мужчиной из мира мужчин»; в закрытой школе, в армии и университете он мало общался с женщинами и проявил себя на удивление неискушенным – идеальный вариант для соблазнения особого рода, в котором была так искусна Розмари. Он никогда не влюблялся и не считал себя способным на это, однако немедленно решил, что Розмари – женщина его судьбы. Мысль о том, что он похищает возлюбленную у друга (ведь он знал, как сильно я очарован), причиняла ему боль, но он надеялся, что я не затаю обиды. Играя и дразня, Розмари заставила Роберта поверить в ее любовь, и наступили несколько недель идиллического счастья. Роберт позабыл обо всем, кроме Розмари, забросил университет, перестал писать, избегал прежних друзей. Представляю себе, как ловко она отделила его от всего мира, полностью подчинила себе, убрала все, что могло помешать ее господству, заморозила Роберта, стала для него иконой. Тайны Розмари мучили моего друга; порой она не приходила на свидание; если он требовал объяснений, смотрела на него своими лиловыми глазами и отвечала: «В моей жизни есть то, чего ты никогда не сможешь понять и даже вообразить».

По мере их сближения Роберт подмечал новые особенности поведения Розмари. В определенные дни она не покидала своих комнат и не желала видеть его, а если он все же являлся к ней и отказывался уходить, он замечал, что лицо у Розмари необычайно бледное и изможденное, будто она долго не спала, а движения замедленные, как у пьяной. Она никогда не объясняла причин своего странного поведения или таинственной болезни.

Просто смотрела на него грустными немигающими глазами и повторяла, что он ничего не поймет.

Роберт ревновал и злился. Давал обещания и немедленно нарушал их, мучимый ревностью и страхом потерять любимую женщину. Когда однажды вечером он заметил ее в компании двоих мужчин, ревность перешла все границы: он потребовал у Розмари доказательств, что у нее нет любовника. Она приказала ему убираться прочь из ее дома. Целую неделю Роберта терзали вина и стыд, он пытался найти Розмари, но хозяйка квартиры сказала, что та съехала.

Роберт испугался; он заподозрил, что Розмари в отчаянии покончила с собой после того, как он ее отверг. Он слонялся вдоль реки и пил больше обычного, в забегаловках и дома, просматривал газеты в поисках хоть каких-то сведений о Розмари – все тщетно. Через шесть недель Роберт был на грани срыва. Он боялся прийти ко мне, опасаясь осуждения за историю с Розмари; когда мы встретились у моста и потом, в пивнушке, он так винил себя, что не смог ничего рассказать. Он мало спал, еще меньше ел и готов был на все, лишь бы Розмари вернулась.

Она, конечно, знала об этом.

Однажды ночью он нашел ее в дешевой рюмочной. Вид у Розмари был больной и нетрезвый, роскошные волосы растрепались, лицо стало еще бледнее и тоньше. Она была одета в серое, что подчеркивало ее хрупкость и призрачность. Запрокинув голову и закрыв глаза, она сидела у закопченной стены забегаловки. Роберт замер, пытаясь поверить в то, что наконец-то нашел ее. Его охватила паника: Розмари выглядела измученной и разбитой. Он привел ее к себе домой; девушка ни на что не реагировала, будто была в шоке или приняла слишком большую дозу галлюциногенов. Она едва могла двигаться, и Роберт на руках отнес ее вверх по лестнице, уложил на кровать и заставил выпить горячего кофе, с трудом разжав ее белые губы. Розмари кое-как пришла в себя.

Я всегда знал, что она великолепная актриса и умеет сочинять складные истории. Роберт поверил ей – в тот момент он был готов поверить во что угодно. Розмари рассказала, что она наркоманка, принимает наркотики уже несколько лет и ушла из дома, когда ей исполнилось шестнадцать. Именно это, а не роман с женатым мужчиной толкнуло ее на попытку самоубийства. Она много раз пыталась избавиться от пагубной привычки, но неизменно проигрывала – из-за недостатка воли или, скорее всего, из-за отсутствия поддержки. Ее немногочисленные друзья были в том же положении. Они общались друг с другом, находя в этом утешение, что тоже было опасно – это еще сильнее подтачивало волю и превращало

их в изгоев.

Розмари якобы обратилась к наркотикам под влиянием своей первой квартирной хозяйки и ее мужа – они давали ей таблетки от бессонницы. Она постепенно увеличивала дозу и в конце концов осознала, что не может обходиться без лекарств. Хозяйка и хозяин, поначалу снабжавшие ее таблетками бесплатно, требовали все больше денег, и вскоре Розмари пришлось отдавать им весь свой заработок. Она искала новую работу, где могла бы получить больше. Сначала выбирала, занималась шитьем и вязанием, нанималась официанткой в пивные бары, затем стала менее привередливой – мыла посуду и полы в дешевых забегаловках. Но такая девушка, как Розмари, не может остаться незамеченной, и к ней начали приставать с грязными предложениями. Она с отвращением отвергала домогательства, однако хозяйка с мужем давили на нее, призывая быть «сговорчивее» с разного рода гостями, заходившими в дом. По большей части это были неотесанные типы, которые много пили и играли в карты до поздней ночи. Розмари обнаружила, что хозяева содержат игорный притон под прикрытием доходного дома, а она им нужна на вечеринках в качестве украшения и приманки. До того, чтобы смириться и предложить свои «услуги» за деньги, оставался один ничтожно малый шаг, но Розмари никак не желала его сделать. Несчастливая девочка жила в нервном напряжении, на нее давили со всех сторон, а она никак не могла заработать достаточно денег, чтобы свести концы с концами. Затем на сцене появился женатый мужчина, о котором она говорила ранее, и впервые в жизни подарил ей надежду на избавление. Когда надежда развеялась, Розмари не нашла другого выхода, кроме как броситься в реку и покончить со своими бедами раз и навсегда. Тут возник бог из машины, то есть я. Я спас ее и привел в новый мир, а затем в лице Роберта явилась нежданная мечта об истинной любви, и Розмари уцепилась за нее, как тонущее дитя, каковым, по сути, и была.

Но любовная идиллия, еще не начавшись, была омрачена страхом. Розмари боялась, что Роберт узнает все и бросит ее, как бросили остальные. Она пыталась в одиночку бороться с зависимостью, не решаясь попросить о поддержке, и, как нетрудно предсказать, проиграла. Отыскав прежних друзей, Розмари покупала у них наркотики. Когда Роберт застал ее в этой компании, она не знала, как убедить его в своей невинности. Страшась того, что любовь Роберта сменится отвращением, если он узнает правду, Розмари собрала всю свою гордость и указала ему на дверь. Она ожидала, что он вернется и пообещает верить ей во всем. Но он ушел, преисполненный гнева и ревности. Розмари подумала, что он потерян для

нее навсегда, впала в отчаяние и возвратилась к единственному источнику утешения, какой был у нее в жизни. Она продавала украшения, подаренные Робертом; горько оплакивала каждую безделушку, но не могла справиться с собой. Каждый день становился новым звеном цепи, тянувшей ее в пропасть. Одиночество Розмари разделяли только сомнительные приятели с дурной репутацией – сутенеры, проститутки, наркоманы. Они вовлекли ее в свои мутные дела, поскольку люди этого круга легко нарушают закон ради наживы или в целях защиты. Сама она ничего такого не совершала, но очень боялась полиции – ее могли обвинить в пособничестве преступникам...

В тот момент я и столкнулся с ними на улице. Розмари тогда выглядела больной и усталой, а Роберт – вполне здоровым, они поменялись ролями. Но их возобновившийся роман не продлился долго. Розмари отбросила осторожность. Поскольку Роберт позволял ей делать что угодно, она начала проявлять скрытую бесчеловечность своей натуры. Познакомила моего друга с Рэйфом, Джавой и Заком, настаивая на том, что ее друзья должны быть желанными гостями в его доме. Порой они открыто проводили ночи у Розмари. Не думаю, что она до такой степени уверилась в любви и всепрощении Роберта, однако это не имело для Розмари значения. Жестокость развлекала ее, а она жаждала развлечений.

Роберт не мог справиться с ситуацией. Несколько раз он пытался оставить Розмари, но не сумел. Ее поведение постоянно менялось: она была то невинна, как дитя, то порочна, как шлюха. Роберт списывал это на действие наркотиков, но у него родились подозрения, когда он понял, сколько денег тратит Розмари. Он оплачивал ее карманные расходы из своих сбережений и своего академического гранта; средства были довольно скромные. Вскоре стало ясно, что Розмари получает деньги из какого-то другого источника. Она уже намекала, что ее друзья вовлечены в противозаконные сделки, и явно о многом умалчивала. А сегодня вечером Роберт кое-что увидел и пошел меня искать, пьяный и напуганный.

На этом его рассказ стал совсем невнятным, и я могу лишь догадываться, что именно он увидел. Мой друг заметил кровь на одежде Розмари – много крови, твердил он. Даже после этого Роберт отказался признать Розмари преступницей. Она невиновна, уверял он, она жертва обстоятельств, он точно это знает.

О да, Розмари сочинила чудесную сказку. Я слышал ее истории – однажды сам был одурачен – и видел, какая она замечательная актриса. Тогда как мой несчастный друг лишь воображал, что знает ее, верил в сказки о поруганной невинности и обреченной деве, взыскующей любви. Я

тоже любил ее и то, что в ней было, – тьму, опасность, ненависть и разрушение, обещание смерти. Я потерял разум от любви; но, вопреки всему, я не сомневался, что должен убить ее.

Бедный Роберт, он так сильно влюбился, что не смог разглядеть ее лица. Его ослепляли звезды в волосах Розмари. Он не чувствовал жар ее тела, вкус крови на ее губах, не познал ее во всем ужасе, не взял плод у нее из рук. Он не любил ее настолько, чтобы понять: единственный выход – убить Розмари и зарыть в землю под тяжелым камнем, где она останется навеки, невидимая и неведомая.

Слушая рассказ друга, я скорбел о его глупости, однако что-то во мне смеялось, издевалось над детскими сантиментами. Ведь я был избранным, а он – один из стада. Я жалел его, но без малейшего проблеска доброты. Розмари выпила меня до дна, высушила мое сердце. Хотел бы я сказать, что мной двигала любовь или верность... Но это было не то и не другое. Если бы в заведении, где я утолил голод накануне, оказался Роберт, если бы там пролилась его кровь, я пил бы эту кровь с той же жадностью. Избранные не знают верности. Во мне поселился холод. Я не боялся, потому что знал: мне не стать таким, как Роберт, – преданным глупцом, который ест из рук Розмари. Она заманила меня в ловушку, опьянила своими чарами, но я, неуклюжий глупец, все-таки сумел показать свое истинное лицо. Поймите – мной двигало не сострадание и не верность. Я принял дар Розмари – голод. Я по-прежнему не знаю, почему так поступил; быть может, просто потому, что любимых убивают все. Истина в том, что я жаждал власти. Хотел освободиться от ведьмы и испробовать зелья, которое она мне поднесла.

Я хотел стать Розмари.

Один

Я ушел, когда Роберт еще спал. Он свернулся под моим комковатым одеялом, по-детски подложив ладонь под щеку. Бедный мой друг. Некоторое время я смотрел на него – печально и немного презрительно, а в половине четвертого, на исходе ночи, вышел и запер за собой дверь. Было темно и тихо, и эту тишину наполняли галлюцинации. Мое дыхание, подобно сказочному джину, паром вырывалось изо рта и нимбом нависало над головой. Я шел по пустынным улицам, как хозяин, смакуя прохладу и сумрак ночи. А за пределами города, машинально повернув в сторону Гранчестера, я увидел зарождающийся рассвет – тонкую бледную полосу, блистающую на краю неба и земли, которую прежде мешал заметить свет уличных фонарей.

Черный кот перешел дорогу. Он помедлил мгновение, приподняв одну лапу, потом приоткрыл рот в беззвучном шипении и скрылся в кустах. В желудке у меня забурчало, и я осознал, что снова голоден. Но это был не отчаянно острый, вызывающий тошноту голод прошлой ночи, а всего лишь сосущая пустота – она зарождалась внизу живота и быстрым всплеском тепла распространялась вверх, к пищеводу. Аппетит, как говорила Розмари.

Я выругал себя за промедление. Следовало уйти в полночь, когда закрываются бары. Я мог бы найти одинокого пьяницу, сидящего на скамейке, или официантку, идущую домой с работы. Мой разум в ужасе отверг эту мысль, но желудок сводило, и я ускорил шаг. Неожиданно я понял, что мне нужна Розмари, нужны ее прохладные губы, ее бесстрашие и чистота. Неужели полчаса назад я всерьез собирался убить ее? И ради чего? Нет ни верности, ни ревности – я смеялся над собой и своими обывательскими предрассудками. Розмари принадлежала всем нам, а мы принадлежали друг другу. Внезапно ликование сменилось тоской. Голод стал терзать меня, пустой желудок сводили судороги. Мучительная эрекция была подобна раковой опухоли. Глаза наполнились слезами раскаяния: я предал ее в мыслях, и она отвернулась от меня. Я чувствовал себя Иудой.

Позднее я научился распознавать эти шутки сознания и принимать меры, чтобы избежать их, но в тот момент не понимал, что со мной происходит, и был страшно напуган. С подобными проблемами сталкиваются наркоманы, но я до встречи с Розмари жил в собственном замкнутом мире и никоим образом не был подготовлен к урагану противоборствующих страстей, в который она ввергла меня.

Внезапно кто-то коснулся моего локтя. Повеяло знакомым, почти приятным запахом водорослей и сырости. Я услышал свое имя, обернулся, испуганный и обрадованный, и увидел Элейн – прошлой ночью она была в нашей компании, странная девушка, похожая на бродяжку. Вчера при ней был ребенок по имени Антон.

– Не бойся, – тихо произнесла Элейн. – Я искала тебя.

– Зачем?

– Я знала, что с тобой будет.

– Что же?

– Мы называем это «маленькая смерть», – пояснила она. У нее был самый нежный голос из всех, какие я когда-либо слышал. – Скоро ты привыкнешь.

– Не понимаю, – сказал я.

– Я и не ждала, что ты поймешь, – ответила Элейн, – но это пройдет. Знаешь, ты должен поесть.

Она произнесла слово «поесть» со странной интонацией, от которой я содрогнулся; как если бы сказала: «Ты должен умереть».

Обливаясь потом, я поднял взгляд и впервые пристально взглянул на Элейн. Ее нельзя было назвать красавицей, и в присутствии Розмари я не обращал на «бродяжку» ни малейшего внимания. В памяти остались лишь ее длинные спутанные волосы, как у сказочной ведьмы, и огромные темные глаза на чумазом лице. Теперь же я заметил, что Элейн наделена какой-то тайной прелестью, не похожей на красоту Розмари. У нее был истощенный вид, словно ей пришлось долго голодать.

– Сколько тебе лет? – спросил я.

Она рассмеялась, тихо и безрадостно. Ее лицо белело в сумраке, как бумага, и казалось, что оно парит в воздухе само по себе, без тела. Возможно, такое впечатление создавалось из-за черного пальто с высоким воротником. Элейн выглядела совсем юной.

– Семнадцать? Двадцать?

Она отвернулась, судорожно вздохнув, и я вдруг понял, что девушка плачет.

– Сколько же тебе лет? – воскликнул я и, еще не договорив, осознал, что смысл моего вопроса изменился.

– Не знаю.

– Кто ты? – Я почувствовал, что должен это узнать. – Откуда ты?

Она смотрела так, словно не понимала моих слов или не видела в них никакого смысла.

– Никто. Ниоткуда. Ты должен поесть, – повторила Элейн.

Эта мысль главенствовала в ее сознании.

Длиннополое пальто зрительно уменьшало ее рост. Она достала из кармана сверток, упакованный в целлофан. На ощупь он был теплым и упругим. Я сунул его в собственный карман.

– Спасибо.

Элейн посмотрела на меня и робко улыбнулась, как испуганное дитя.

– Ты не понимаешь? – спросила она. – Ты любишь ее. Мы все ее любим.

Вид у нее был несчастный, словно она повторяла истину, в которую давным-давно перестала верить.

– Я ее люблю, – ответил я, и это было почти правдой.

– Я была моделью. То есть меня рисовали. Сначала я работала в модной лавке, обслуживала покупательниц и еще помогала делать шляпки. Когда-то у меня это ловко получалось... Однажды туда зашли какие-то люди, увидели меня и сказали, что я красавица. Мне хорошо платили просто за то, что я сидела с книгой или арфой, пока они меня рисовали. Мне было шестнадцать. А потом я встретила Розмари. Тогда ее звали не Розмари, а Мария. И это тоже ненастоящее имя.

– Когда?

Элейн пропустила мой вопрос мимо ушей.

– Она была моделью, как и я, – продолжала девушка. – Я такой красавицы в жизни не видела. Она собиралась замуж за художника по имени Уильям. Он мне нравился. Но Розмари посматривала и на одного женатого. Она звала его Нед. Он тоже сходил по ней с ума, но не хотел бросать жену. Но ей на самом деле было плевать на обоих. Не представляешь, какие она закатывала сцены, грозилась, что покончит с собой, но это были просто игры. Она со мной подружилась и принялась меня учить.

– Она избрала тебя. – Я начал понимать.

– Тот молодой художник, Уильям... – Элейн смотрела на меня умоляюще. – Он сошел с ума. Сжег все свои картины и кинулся на нее с ножом.

– И что?

– А потом убил себя. – Взгляд Элейн стал холодным. – Думал, что освободился от нее. Но она возвратилась. Она всегда возвращается.

Элейн отвернулась, но я знал, что она опять плачет.

– Элейн, – неуклюже позвал я.

Она не смотрела на меня – лицо было скрыто спутанными волосами. Отчаяние окружало ее подобно тьме. Я был беспомощен перед лицом этого

горя. Девушка напоминала проклятую душу, а стенания, срывавшиеся с ее губ, навевали тоску, точно вой зимнего ветра.

– Элейн.

Я силой развернул ее лицом ко мне, откинул назад волосы. Лицо Элейн в потеках от грязи и слез выглядело невероятно привлекательным, и я начал различать то, за что художники называли ее красавицей. Я обнял ее и прижал к себе. Она была легкой и тонкой, как девочка, съездившая под черным мужским пальто, и страсти, которые разбудила во мне Розмари, ожили с новой силой. Я расстегнул на ней пальто и запахнул полы вокруг собственной одежды, чтобы Элейн не замерзла, стал расстегивать пуговицы на платье, под которым оказалась грязная, порванная сорочка... Я ждал, что она отпрянет, но девушка приникла ко мне, не то вздохнув, не то всхлипнув. Белая кожа была гладкой, точно слоновая кость, руки и ноги холодны как лед, но внутри ее было тепло, и этим теплом я насыщался прямо там, на дороге, не боясь, что нас могут увидеть. Элейн подчинялась мне без страсти и без отвращения, но я чувствовал, что ее отчаяние отступило. Когда я закончил, она потянулась ко мне и нежно поцеловала в щеку.

– Когда-то я была красивой, – промолвила она.

– Ты и сейчас красивая, – сказал я, потому что она ждала этого.

Но Элейн пропустила мои слова мимо ушей.

– Пожалуйста, помоги мне, – попросила она.

– Как?

Она взглянула на меня.

– Убей ее.

Я ответил ей непонимающим взглядом.

– Убей ее. Пожалуйста. Я больше так не могу. Каждую ночь одно и то же. Сделай это, пока можешь. Боже! Это длится так долго. Я была рада, что он ее убил. Я думала, что освободилась. Но она вернулась и нашла меня снова. И с тех пор... – Голос Элейн прервался, и я ощутил, что отчаяние снова захлестнуло ее. – Она не позволяет мне умереть... столько времени нет ничего, кроме тьмы и крови. Она не отпустит нас никогда. Убей ее, пожалуйста...

Я пожал плечами, снова взяв себя в руки. Встреча с Элейн, как и сверток в кармане, оживили мое желание власти и прежние устремления. Я решил, что могу убить Розмари. Но не ради Элейн – она будет принадлежать мне, как сейчас принадлежит Розмари. И все остальные тоже.

Я посмотрел на девушку, но она опять плакала, завесив лицо

волосами. Больше не обращая на нее внимания, я повернулся и пошел в сторону Кембриджа. Моя тень, едва заметная в зеленоватом отсвете зари, ползла впереди. Рука нырнула в карман, чтобы проверить сверток; несмотря на плотную обертку, я почувал терпкий, головокружительный запах мяса. Инстинктивно я ускорил шаг. Мне не хотелось, чтобы восход застал меня на дороге.

Один

Когда я вернулся, Роберт по-прежнему спал, беспомощно распростершись поперек кровати. Его глаза под сомкнутыми веками беспокойно двигались. Я запер дверь, чувствуя слабость от голода и недосыпа, потом уселся в кресло, не сводя взгляда с друга.

Сверток, который передала мне Элейн, был еще теплым, когда я достал его, ощущая в желудке голодные спазмы. Во второй раз все оказалось легче, мясо было упругим и ароматным, его вид одновременно манил и отталкивал. Я быстро съел весь кусок, неотрывно глядя на Роберта. Несколько раз он вздрагивал, как спящая кошка, глаза продолжали двигаться, но не открывались. Я доел мясо, пальцами подобрал с целлофана кровь и облизал их с жадностью голодного ребенка. Набравшись бодрости и сил после трапезы, я стал ждать, пока Роберт проснется. Я совершенно точно знал, что надо сделать; и мои мысли вновь устремились к Розмари.

Что бы Роберт ни узрел вчера ночью, что бы ни потрясло его, заставив броситься ко мне в поисках утешения, он не смог рассказать об этом. Выдавил лишь нескольких сбивчивых фраз. Вроде бы он застал Розмари в момент какого-то приступа. Она непонятным образом изменилась, и он заметил – или вообразил – кровь на ее одежде. Его слов мне хватило, чтобы предположить: у него нет полной уверенности и нет доказательств, опасных для Розмари или кого-то из нас. Но я не мог отпустить Роберта, не убедившись в этом. Удивительно, как легко я вошел в новую роль; удивительно, как быстро мы превращаемся в этих тварей. Глядя на спящего товарища, я не испытывал к нему ни малейшей привязанности. Я смотрел в лицо чужака, который когда-то был моим лучшим другом, но не видел никого, кроме Розмари. А что видел он?

– Дэн?... – послышался дрожащий голос, и я уловил в полумраке блеск глаз Роберта. – Дэн!

– Я здесь.

– Извини за вчерашнее, – сказал Роберт. – Должно быть, ты решил, что я полный идиот. – Он виновато улыбнулся и продолжил: – Почти не помню, что я наговорил. Наверное, ты понял – я напился. Это все от беспокойства за Розмари, понимаешь? Я был не в себе, вот и все.

Я слушал, как Роберт пересказывает свою историю при свете дня, на сей раз более связно.

В нужных местах я кивал, с трудом скрывая презрение. Конечно, я был доволен, что он ни о чем не догадался, но в то же время разочарован. Подумать только! Роберт, которого я считал таким умным, встретил эти кошмарные чары лицом к лицу и ничего не разглядел; держал этот ужас в объятиях и ничего не понял...

Он умудрился убедить себя в том, что вчера вечером был пьян. Лучше думать так, чем поневоле поверить, что мир – это бесконечный бег по кругу, а твоя прекрасная рыжеволосая возлюбленная рыщет в ночи с чудовищами. Мы выпили кофе, и я уговорил его уйти. К тому времени я так устал, что яркие точки плясали перед глазами под закрытыми веками. Кроме того, у меня имелись собственные проблемы, и справляться с ними нужно было наедине, в тишине своей комнаты. Я не отказывал Роберту в поддержке, утешении, сочувствии и посредством утешения, сочувствия и поддержки наконец-то выставил его за порог. Запер дверь и с облегчением вздохнул, потом пошел в комнату и уселся в кресло. Когда я сунул руки в карманы, мои пальцы нащупали скатанную обертку от подарка Элейн. На секунду это напомнило мне школьные дни и аккуратно упакованные сэндвичи, приготовленные моей матерью, – с ветчиной, сыром, маринованными огурцами и луком, или кусок кекса с изюмом, который я осторожно разворачивал и съедал под крышкой парты, в тусклом желтом свете, озарявшем классы зимой. Воспоминание было столь неожиданным и неуместным, что я фыркнул от веселого изумления.

Внезапно в дверь постучали.

Я умолк, веселье разом пропало. Тишина. Ни звука.

– Кто там?

Ответа не последовало. Только зловещая тишина. Я открыл дверь, готовый к любым ужасам, и на долю секунды действительно узрел кошмарные картины: фрейдистские фантазии моего воображения, чудовища, порожденные чудовищем. Затем все фигуры слились в единое существо: не высокое и не низкое, аккуратно одетое, в фетровой шляпе. Проницательное и суровое лицо, циничный взгляд серо-голубых глаз, похожих на осколки стекла.

Это был инспектор Тернер.

Доктор Менезис оказался старше, чем ожидала Элис: крупный мужчина лет пятидесяти с густыми черными волосами и такой же густой бородой. Было заметно, что его стесняет темно-синий костюм в тонкую полоску, словно он привык носить свободные рубашки и джинсы. Голос доктора звучал менее резко, чем по телефону. Элис отметила, что он с трудом переставляет ноги, как будто у него болят суставы. Когда она прошла впереди него в кабинет, Менезис пристально взглянул на нее бесцветными глазами и улыбнулся.

– Полиомиелит, – кратко объяснил он, направляясь к стоящему у окна креслу. – Присаживайтесь.

Доктор указал на стулья около стола. Элис села и обвела взглядом помещение: комнатные растения в горшках, большое окно на солнечную сторону, тайская статуя на подставке, несколько декоративных индийских картинок.

– Хорошая комната, – заметила Элис, выждав несколько мгновений, чтобы собраться с мыслями.

Она нервно теребила ручку своей плетеной сумки.

– Рассказывайте, – отозвался Менезис, передвигая большими загорелыми руками тяжелое пресс-папье.

Его глаза оставались такими же бесцветными и бесстрастными, но если судить по языку тела, он проявлял сдержанный интерес. Доктор не задавал вопросов, а когда Элис закончила, долго выжидал, прежде чем что-либо ответить. Наконец он произнес:

– Вы обратились в полицию?

Элис покачала головой.

– Думаю, они не поверят. К тому же у меня нет никаких доказательств. История кажется безумной выдумкой. – Она пожала плечами. – Но я отчего-то вижу в ней смысл. Именно поэтому я хочу узнать кое-что о Джинни. Мне нужно найти объяснение.

Менезис несколько секунд смотрел на нее, потом его взгляд стал суровым. Доктор отвел глаза и сказал:

– Извините, мисс Фаррелл, но я не справлюсь с вашей проблемой. Однако буду рад порекомендовать коллегу, который...

– Почему? – Элис упала духом. – Мне... мне нужна ваша помощь. Почему вы отказываетесь?

Он покачал головой и ответил:

– Это не в моей компетенции. Меня втянули в это дело, но больше я не хочу иметь с ним ничего общего, простите.

– Что вы имеете в виду? – Элис была потрясена. – Почему вы так говорите? Не отказывайтесь сразу – прочтите рукопись. Рукопись Дэниела! Уверяю вас, это важно. Прочтите ее!

Менезис вздохнул и пригладил рукой густые волосы.

– Мисс Фаррелл, я не буду читать эту рукопись.

Элис попыталась возразить.

– Пожалуйста, не прерывайте меня, – с раздражением остановил ее доктор. – Я не буду читать, так как знаю, что там написано.

Элис с удивлением взглянула на него, но он продолжал говорить усталым голосом, как будто слова тяготили его.

– Я снимал комнату вместе с Джеффом Прайсом, – начал доктор, – в те давние дни, когда мы были молоды и зарабатывали совсем немного. Мы еще не кончили курс обучения, и каждого из нас прикрепили к «неизлечимому» пациенту госпиталя, чтобы дать материал для диссертации. Джефф опекал Дэниела Холмса.

Менезис сделал паузу, словно ему было больно.

– Три года он не отходил от Холмса день и ночь. Профессиональный интерес постепенно перерос в дружбу. Джефф обошел все библиотеки графства в поисках книг, о которых вечно просил Холмс. Он привязался к старику. Несколько раз я сам встречался с Холмсом, но чаще обсуждал его с Джеффом. Холмс был классический шизофреник, и в то же время начитанный и интеллигентный человек. Джефф утверждал, что пациент не опасен, несмотря на одержимость насильем. Холмс страдал хроническим алкоголизмом и принимал множество сильнодействующих лекарств, судя по всему не приносящих особой пользы. Он беседовал с доктором о психологии и читал отрывки из своей книги. А Джефф показывал их мне.

Менезис немного помолчал, углубившись в воспоминания.

– Как мы с ним спорили насчет Дэниела Холмса! Я постоянно упрекал Джеффа – зачем он тратит на старика столько сил? Я написал диссертацию после нескольких визитов к своему «неизлечимому» пациенту, а Джефф... Никто не мог его остановить. Кажется, он был готов наблюдать за Холмсом всю жизнь, пока тот не умрет. Старик каким-то чудом убедил его в своей правдивости, вот что самое плохое.

Менезис с отсутствующим видом водил пальцем по линиям на своей ладони.

– Он говорил о смерти задолго до самоубийства. Делал распоряжения

и все такое. Считал, что люди, которых он боится, приближаются и не позволят ему жить дальше. Я видел в этом типичное параноидальное расстройство, и если бы Джефф вел себя разумно, он бы принял меры и защитил Холмса от себя самого. Но Джефф сам действовал как безумец. Из сочувствия к Холмсу он отказывался передать старика другому врачу. Никто не замечал, что состояние больного ухудшается, пока не стало слишком поздно. В один прекрасный день Холмс окончательно рехнулся и повесился. Вот тогда все открылось. Джефф едва не попрощался с врачебной карьерой.

Впервые с начала рассказа Менезис взглянул на Элис и улыбнулся.

– Много лет Джефф Прайс терзался угрызениями совести. Он винил себя в самоубийстве Холмса, твердил, что должен был лучше следить за ним. Мне кажется, он стал таким хорошим врачом именно потому, что никогда не забывал о Дэниеле и всю жизнь пытался загладить эту ошибку.

– Не понимаю вас, – удивилась Элис. – Если вы знаете о Дэниеле, почему не хотите мне помочь? Возможно, вы единственный, кто способен...

– Нет. – Менезис покачал головой. – Это не конец истории. – Он ослабил узел галстука и продолжил: – Когда вчера вы спросили меня о Вирджинии Эшли, я солгал.

Глаза Элис изумленно распахнулись.

– Она была пациенткой Джеффа, – напомнил Менезис. – Это правда. Она поступила к нам на несколько месяцев. Принимала наркотики, в основном амфетамины, но и галлюциногены тоже, такие как белладонна и мускарин. Она была сильно истощена, у нее выработалась зависимость от амфетаминов. Под воздействием галлюциногенных препаратов не могла отличить реальность от бреда. Мы с Джеффом по-прежнему дружили, он рассказывал мне интересные случаи из практики. Ничего личного, только профессиональные темы, поверьте, но я сразу понял: к этой девушке у него особое отношение. Я никогда ее не видел, но мне показалось, что она очаровала Джеффа. Потом он вдруг пришел ко мне домой в жутком виде – его трясло, и я боялся, что будет инфаркт. Я пытался его успокоить, но не смог добиться никаких объяснений. Понял одно: он увидел кого-то или что-то, и это его встревожило. Я пришел к выводу, что происшествие имеет отношение к Джинни или ее друзьям. Кроме того, Джефф что-то бормотал о Дэниеле Холмсе, о его рукописи. Он был пьян, и очень сильно. Что я мог сделать? Дал ему валиум и уложил спать. На следующий день попытался поговорить с ним, но Джефф притворился, что ничего не помнит. А ночью принял смертельную дозу снотворного.

Несколько секунд Элис пристально смотрела на Менезиса.

– Он видел Рэйфа и Джаву, – сказала она.

– Не знаю, что он видел, – ответил Менезис. – Думаю, теперь вам ясно, почему я не могу помочь. – Он покачал головой. – Будь проклята эта рукопись.

– Послушайте, – взмолилась Элис, – неужели вы не понимаете? Никто другой помочь не в силах. Вы единственный, кто мне поверит. Вы знали Дэниела. Вы знали доктора Прайса. Вы должны помочь. Если Дэниел был прав, то Джинни – это Розмари.

– Я ничего не хочу знать, – холодно ответил Менезис. – Я врач. Я лечу больных и делаю это хорошо. Но я знаю пределы своих возможностей и не стану вмешиваться в эту историю. Я узнал достаточно, больше не желаю, а если и узнаю, вряд ли буду вам полезен.

– А если она убила Дэниела? – убеждала его Элис. – И Джеффа Прайса? На что еще она способна?

– Я ничего не знаю! – Его голос почти сорвался. – И не хочу знать!

– Если она взяла на себя труд отыскать Джеффа Прайса, – не сдавалась Элис, – не боитесь ли вы стать ее следующей жертвой?

Менезис долго молчал.

– Я ничего не могу обещать, – наконец произнес он.

– Но вы подумаете над этим?

Он пожал плечами.

– Оставьте мне рукопись. Хочу прочитать ее от начала до конца. Но не ждите ничего больше: если я помогу вам, то лишь в своих собственных интересах. Никакого отношения к моей практике это иметь не будет. Договорились?

Элис кивнула.

– Хорошо. – Она достала из сумки ящик и извлекла оттуда рукопись. – Я позвоню завтра?

Менезис кивнул, но предупредил:

– Не питайте лишних надежд. Скорее всего, я ничем не смогу вам помочь.

Затем он решительно протянул руку к полке, висящей над его столом. Там стояло множество старых книг.

– Можете взять вот это. Уверен, вам будет интересно.

Элис взглянула на обложку и улыбнулась. Это была работа Дэниела «Небесная подруга. Исследование архетипов в творчестве прерафаэлитов». Быстро пролистав книгу, Элис отметила, что в ней нет иллюстраций, не считая черно-белой репродукции на обложке (небрежный набросок

авторства Бёрн-Джонса – его собственная небесная подруга, Мария Замбако). Элис прижала том к груди, не веря счастью – она все-таки заполучила эту книгу!

– Спасибо! – сказала она. – Большое спасибо.

Менезис криво улыбнулся.

– Я прочту рукопись. Больше ничего не обещаю, – напомнил он.

Элис улыбнулась и кивнула. Доктор встал и аккуратно положил рукопись в большой бумажный конверт. Пожимая на прощание руку Менезиса, Элис старалась не выдать своих чувств; но тревога, давившая на сердце и не позволявшая глубоко вздохнуть, унялась. Как будто запертая в груди маленькая птичка проснулась и неуверенно запела.

Один

Я не мог поверить, что он не замечает печати вины, так ясно проступавшей на моем лице. На один бесконечный миг мне почудилось, что мы молчим, объединенные общим знанием. Голова кружилась, когда холодные глаза инспектора выжидающе, оценивающе взирали на меня. Затем я понял, что это лишь паранойя, и стал играть прежнюю безыскусную роль. Да. Я это сделал. Я объявил войну свету.

– О, инспектор Тернер! – произнес я. – Не ждал вашего визита. Извините, я не сразу припомнил ваше имя.

Со щепетильной вежливостью инспектор приподнял шляпу. Я распознал этот прием: Тернер хотел, чтобы я говорил как можно больше и что-нибудь выболтал. Я улыбнулся.

– Входите. Я только что сварил кофе.

– Не откажусь, – отозвался Тернер.

Я впустил его, и он окинул взглядом комнату, уделив особое внимание неубранной постели, погасшему камину и рядам книг на полке, висящей у камина.

– Садитесь, пожалуйста, – пригласил я. – Рад, что вы зашли.

Он взглянул на меня с легким интересом.

– Хотел поблагодарить за то, что вы поддержали меня в прошлый раз, – пояснил я искренним и слегка смущенным голосом. – Понимаете, я был не в себе. Такое тяжелое потрясение, а я недавно оправился от тяжелой болезни. Спасибо, вы помогли мне это пережить.

Чтобы не переиграть, я повернулся к раковине, сполоснул кофейную чашку и взял кофейник. Я ждал, что инспектор сообщит, какое у него дело. Но он молчал. Я налил кофе, поставил чашку на блюдце, открыл коробку с печеньем. Тернер взял два песочных колечка с глазурью. Он методично макал их в кофе все с той же серьезной созерцательностью, и я невольно призадумался: может быть, опасность существует только в моем воображении? Затем я осознал, что эта методичность – тоже прием: инспектор посматривал на меня из-под ресниц, ожидая, не расколуюсь ли я.

– Я могу быть вам чем-то полезен? – спросил я. – Узнали что-нибудь о той несчастной?

– Нет, – ответил Тернер.

– Неужели случилось еще одно убийство? – Не стоило притворяться совсем уж тупым.

Инспектор пожал плечами.

– Пока рано говорить. Нет причин думать, что эти смерти связаны между собою.

– Значит, опять нашли труп?

Он кивнул.

– Два. Бармен и официантка из пивной «Лебедь», вчера, поздно ночью. Я нахмурился.

– Это заведение, где был пожар? Читал в газете.

Тернер снова кивнул.

– Верно. Судя по отчету патологоанатома, смерть обоих наступила вовсе не от огня, как мы сначала думали. Тела обгорели, но не слишком. Нужен очень сильный огонь, чтобы уничтожить трупы.

– Значит, преступник пытался скрыть следы, поэтому поджег пивную? – сказал я, наливая еще кофе. – Поразительно, какие вещи может обнаружить современная наука.

– Вот именно.

– Думаете, это сделал тот же самый человек?

Я сохранял непринужденный заинтересованный тон, хотя меня охватила паника. Боже, он знает! Он все знает!

– Я ничего не думаю, – ответил инспектор, словно подвел итог. – Я не занимаюсь расследованием. Скотленд-Ярд лучше подготовлен для подобных дел. Но у меня остался профессиональный интерес.

– Ясно.

Лицо его было непроницаемым, но я начал кое-что понимать. Тернер сразу произвел впечатление человека настойчивого. Он допросил меня лично, не прибегая к помощи подчиненных. Он работал очень профессионально. Следствие начал Тернер, и, естественно, ему было неприятно, когда Скотленд-Ярд демонстративно отобрал у него это дело.

Инспектор резко сменил тему.

– Смотрю, вы переехали на новую квартиру. Для этого были особые причины? Ваша прежняя хозяйка сказала мне, что все произошло неожиданно. Вы съехали, даже не попрощавшись с ней.

– Ах, да. Появился серьезный повод...

Тернер терпеливо ждал продолжения.

– У меня завязались отношения... весьма близкие... с одной юной леди, – пояснил я. Мне не пришлось изображать смущение, неловкость была самой настоящей. – В силу некоторых обстоятельств эта дама и я...

– О, конечно, – прервал меня инспектор. – Не думайте, что я хотел вторгнуться в вашу частную жизнь. Все, что вы сказали, останется между

нами, уверяю.

Я кивнул.

– Спасибо.

– Кстати, – продолжал он, – не встречались ли вы с этой юной леди позавчера вечером?

Я нахмурился, словно пытаюсь вспомнить, а потом ответил:

– Нет, тот вечер я провел в одиночестве, почти ничего не делал. Вышел на прогулку, как обычно в хорошую погоду, потом сел работать. – Я поймал его пристальный взгляд. – Видите ли, я пишу книгу.

– Беллетристику?

– Нет-нет. Боюсь, еще одно скучное научное сочинение. Изучение архетипов в творчестве прерафаэлитов. Это одно из моих увлечений.

Тернер понимающе кивнул.

– Что касается пивной «Лебедь»... Вы когда-нибудь бывали там?

Я отрицательно покачал головой и добавил:

– Я редко выхожу из дома. А если куда-то отправляюсь, то в ресторан или театр, никак не в пивные. Алкоголь плохо действует на меня.

Я заметил его быстрый взгляд на початую бутылку виски на прикроватном столике и проклял свой язык.

– Это для друга, – нашелся я.

Инспектор задержался еще на несколько минут, показавшихся мне бесконечными, и ушел, на прощание приподняв шляпу и вежливо поблагодарив:

– Спасибо, что уделите мне время, мистер Холмс.

Как только он оказался за порогом, я дал волю своей тревоге. Конечно, думал я, он обо всем узнал; откуда – непонятно, потому что никаких улик не осталось, в этом я был уверен. Потом я стал рассуждать логически и постарался прикинуть, насколько опасен для меня инспектор. Он полицейский, у него чутье на преступников; тем не менее я пришел к выводу, что имею перед ним преимущество. Ведь истина абсолютно невероятна, и ему не хватит жизни, чтобы раскрыть ее. Зная, что Тернер следит за мной, я смогу подготовиться.

«Но что будет, если он меня выследит?» – подумал я.

Ответ пришел немедленно и потряс меня. Это была даже не мысль, но образ, такой яркий и отчетливый, что я замер в ошеломлении. Мне представилось, как я набрасываюсь на инспектора звериным прыжком, держа нож острием вверх – металл блеснул в темноте. Я видел, как вонзаю этот нож, и кровь брызжет мне в лицо, драгоценная, словно сама жизнь; как человек, на которого я напал, обмякает и падает, не успев осознать

собственную смерть. Желудок свело, меня сотрясли рвотные спазмы, быстро перешедшие в приступ лающего кашля.

«Нет, нет!» – скулил мой разум, пока я корчился на кровати, держась обеими руками за живот. Но знание поселилось внутри меня, и его не могли изгнать ни раскаяние, ни тошнота. Мысли обретают плоть, подумал я с истерическим смешком. И хотя часть моего сознания продолжала сопротивляться и плакать, я понимал: если придется, я убью инспектора, и его тело послужит мне пищей. Этот образ последовал за мной в сонное забытие, в извилистые закоулки снов, подобных темному лабиринту.

Элис могла забыть о ярмарке так же легко, как о пачке печенья в своем буфете. Она любила не ярмарки – ей нравилась сама мысль о празднике, оживляющая детские впечатления. Прилавки с попкорном, кегельбан, где надо сбивать кокосовые орехи, розовая сахарная вата, похожая на осиное гнездо, высокие люди с громкими голосами и холодными бегающими глазами, карусели, аттракционы, хот-доги, мусор и запахи, вагончики с позолоченными дверями и загадочными надписями... Толпа, суета, малолетние карманники... Резкая вонь от тесных клеток зверинца, катание на колесе обозрения... Тир, где Элис тратила все карманные деньги, желая выиграть один-единственный желтый шарик, который непременно лопался по дороге домой... Она вспомнила, как поздним вечером они гуляли по ярмарке, и Джо, смеясь, выиграл кокосовый орех; как он ел пиццу с жирной бумажной тарелки, как глядел на звезды, настоящие и электрические... Воспоминания закружились, точно конфетти. Элис посмотрела на выцветшую вывеску в золотых и красных тонах: «Ярмарка! Самая большая на юге! Большие скачки!» Она проверила кошелек и вошла.

Голоса, музыка, болтовня, шум. И все это на фоне шпилей и башен колледжей, неподвластных времени. Элис улыбнулась, зажала сумку под мышкой и направилась к ларьку с глазированными яблоками. Она купила самое большое и двинулась дальше, умиротворенная среди суеты. Она бродила по полю без цели, иногда останавливалась, чтобы посмотреть на карусель с несущимися по кругу тонконогими лошадками, на людей у павильонов: отец с тремя детьми пытается выиграть мишку в тире (дети кричат: «Давай, папа!»), школьник восторженно глядит на этот веселый бедлам, двадцатифунтовые билеты завлекательно приклеены к деревянным блокам рядом с надписью «Выигрыш в кольцо», а возле стенда с дробиками высокий худой мальчик лет шестнадцати вручает смеющейся девочке огромного розового кролика...

Следом за Элис через толпу пробирался какой-то мужчина. Одну руку он держал в кармане плаща, в другой сжимал банку пива. Он подошел так близко, что прядь его крашенных черных волос задела лицо Элис. Мужчина показался смутно знакомым, но скрылся в галерее игровых автоматов прежде, чем она сумела его рассмотреть. Элис снова занялась яблоком – оно было вкусное, кисловатое и розовое внутри, в теплой темно-красной глазури, еще не успевшей отвердеть. Удивительно, почему яблоко в глазури

так неудобно есть? Слишком большое и липкое, его трудно держать в руках и приходится откусывать маленькие кусочки, мягко отводя корочку языком... Мужчина с татуировкой на щеке продавал билетки на карусель. Элис одолела искушение. Это забавно, только если кататься в компании, подумала она и пошла дальше, упрямо отталкивая воспоминания о прошлом: как они бродили под руку с Джо, как скакали по кругу на деревянных лошадках, серой в яблоках и розовой, под веселую песню, и мир вращался в другом ритме.

Он стоял у главного входа – на этот раз точно он – и при солнечном свете выглядел еще более странно, чем ночью. Даже студенты обходили его, так что вокруг образовалось небольшое свободное пространство. Несмотря на теплую погоду, его плащ был застегнут на все пуговицы, воротник поднят. Под длинными полами Элис заметила отблеск металла – цепи на его мотоциклетных ботинках. Видел ли он ее, трудно сказать, кругом толпился народ. Для паники не было оснований, и все же она испугалась.

Похоже, Джава чего-то ждал.

Элис развернулась и нырнула в самую гущу народа. Она внимательно рассматривала людей. Если здесь Джава, то и Рэйф должен появиться. А если здесь Рэйф... придут и остальные – Элейн, Зак, Антон. А ведь могут быть и другие, про которых она еще не знает. Вдруг они таятся в толпе? Ждут ее?

Она ускорила шаг. Ярмарочные запахи усиливались, едва не доводя до обморока, люди расступались, и Элис казалось, что она слишком выделяется, слишком на виду. Она двинулась к дальнему концу площади, к фургонам с животными, чтобы найти выход и тихо улизнуть. Прямо перед ней из толпы вынырнул человек, заглянул в лицо. Это был рыжий мужчина с зачесанными назад волосами, с черными крестиками в ушах. Элис на мгновение встретила с ним взглядом – и обнаружила татуировку в виде птицы на щеке. Он дерзко, вызывающе ухмыльнулся и опять пропал. Потом ее задела какая-то женщина – Элис оглянулась, но никого не увидела. Краем глаза она заметила у прилавка с хот-догами стройный силуэт, блистающие на солнце льняные волосы... Развернулась – и взглянула на девушку с высветленными волосами и густо накрашенными черными веками. Как в замедленной съемке, Элис побежала к дальнему краю поля, проскользнула между фургонами и перелезла под растяжкой, ища выход. Коза, привязанная к ограде, перестала щипать траву и проводила ее долгим бессмысленным взглядом. Элис обогнула спящую собаку и обошла фургон.

– Привет, Элис.

Это была та самая девушка, которая стояла у прилавка с хот-догами. В первую минуту Элис не испугалась, а потом всмотрелась в заgrimированное до неузнаваемости лицо, различила рыжие корни волос и застыла от изумления.

Джинни шагнула вперед.

Элис нырнула в щель между фургонами, потревожив собаку – она проснулась и загавкала. Веселящаяся публика осталась далеко позади, Элис была одна на краю огороженного поля. Ноги отяжелели, земля задрожала, мир зашатался. К ней приближался человек – рыжие волосы, серьги, татуированная птица на скуле.

Он улыбнулся, блеснув золотым зубом. Что-то достал из кармана, и в глаза ударил свет, отраженный длинной полосой сверкающей стали. Судорожно вздохнув, Элис резко развернулась и метнулась через поле к людям.

За ее спиной Джинни сделала знак Заку и Рэйфу, и все втроем они зашагали к дальнему краю поля. Джинни улыбалась под гримом, а в руке держала толстый почтовый конверт.

Джо прибавил шагу, поглядывая по сторонам. Его походка была упругой и ровной, он почти перешел на бег, держа руки в карманах и слегка сутулясь. Так эксцентричный поэт торопится на таинственное свидание или безумный изобретатель-очкарик спешит навстречу новому открытию.

Ему показалось, что он увидел Джинни. Джо резко остановился, потом двинулся дальше. Это повторялось много раз – как только он оборачивался, она исчезала. Уже два часа, она должна быть дома. Могла бы хоть записку оставить. Джо замедлил шаг, пытаясь проанализировать свои ощущения – что побудило его отправиться на поиски? Элис говорила, что Джинни уходила из дому ночью, что ее ждали друзья, двое мужчин. Он представил себе Джинни в каком-нибудь клубе или общественном туалете, на автобусной остановке или на скамейке в парке. Она смеется... кивает... втыкает длинную иглу в предплечье, а ее друзья смотрят и улыбаются.

Джо перешел на бег, он заглядывал в каждый переулок и подворотню, в каждый магазин, за каждую ограду и калитку. Она не могла уйти, ничего не сообщив, думал он. На свете полно кровососов и торгашей, готовых использовать такую наивную девушку. Непонятно, как она вообще сумела выжить. Особенно если вспомнить, о чем она рассказала в ту ночь, по-детски простодушно, усевшись в кресло и обняв колени. Она рассказала обо всем – наркотики, грязь, мужчины, – слабо улыбаясь, с тоской в глазах. Кровососы достаточно над ней поизмывались.

Странная девочка... Но ей хватило мужества, чтобы не дать сволочам себя растоптать. Она дошла до предела и сумела вернуться назад. Значит, она сильнее его. Сильнее и храбрее.

Джо прочесывал улицы Кембриджа, и его тревога нарастала. Вокруг мельтешили люди. От шума толпы раскалывалась голова, отдаленная ярмарочная музыка ввинчивалась в мозг.

Он не любил ярмарки. В них есть что-то зловещее, думал Джо: люди бродят под выцветшими тентами и пытаются ускакать обратно в детство на карусельных лошадках. Как-то раз отец взял его, мальчика, на ярмарку. Джо там понравилось: он ел сахарную вату и печеную картошку, катался на карусели, купил шарик у старушки в красном шарфе, с ласковыми глазами. Когда отец сказал, что пора возвращаться домой, Джо взмолился еще об одном кружке на карусели. Отец разрешил – он был самым добрым отцом на свете. Наполовину ребенок, в тот день он веселился не меньше, чем

Джо. Он усадил сына в разукрашенное седло карусельной лошадки и пошел в торговые ряды.

– Привет, Сильвер, – шепнул Джо. – Я одинокий ковбой.

Ему понравилось, как это звучит, и он повторил:

– Я одинокий ковбой.

Карусель тронулась, словно подтверждала его слова. Шестилетний Джо почувствовал, как напряглись мышцы лошадки под твердой розовой шкурой – она взбрыкивала, а одинокий ковбой ее укрощал.

– Вперед, Сильвер! – кричал он.

Карусель вертелась, лошади скакали по кругу – черные, белые, красные, синие и желтые, гривы развевались, стеклянные глаза яростно сверкали. Джо был в восторге. Ему казалось, что все взоры устремлены к нему, храброму мальчику на дикой лошади. Он в восторге сжимал поводья, лица людей мелькали и сливались. И вдруг из полумглы проступило одно лицо – в призрачном свете ярмарочных огней он узнал ту старушку, которая продавала воздушные шарик.

Джо окликнул ее, но карусель пролетела мимо. Позову ее на другом круге, подумал Джо и глубоко вздохнул, готовый крикнуть громче. Он даже выпустил поводья, чтобы помахать левой рукой... Но когда снова оказался напротив старой дамы, крик застрял в горле. То, что он увидел, осталось в памяти надолго, не исчезло после того, как карусель унесла его дальше, а потом остановилась. Старушка стояла рядом с небольшой компанией – наверное, это была семья или даже две: двое мужчин – один полный, лысеющий и краснолицый, второй бородатый, две женщины и несколько детей.

Внимание Джо привлек мальчик его возраста или чуть старше – пухленький, в джинсах, с голубым шариком в одной руке и недоеденной сахарной ватой в другой. Глаза у него были круглые и очень серьезные. Джо нравилось думать, что мальчик смотрит на него, на храброго всадника, и он делал важный вид каждый раз, как проезжал мимо. Из заднего кармана мальчика торчал кошелек – такой заметный, чтобы не забыть в спешке, желтый и с Дональдом Даком на крышке. Этот кошелек вдруг исчез. Джо знал, что он исчез, потому что заметил его в руке доброй дамы с воздушными шариками, пока та не спрятала кошелек себе в карман. Именно поэтому Джо замолчал до конца катания, не погонял лошадку – лишь думал о том, чему стал свидетелем.

В тот миг часть его детства ушла навсегда. Он слез с карусели, прямой как солдатик, отчаянно не желая никуда идти... но старушка поджидала его, и Джо испугался, что она может прикоснуться к нему и проклясть, как

тех принцев, которые превратились в диких лебедей. И он бросился бежать к торговым рядам. Там его ждал папа... Но ведьма ухватила его за плечо коричневой сморщенной рукой, заглянула в глаза и прошептала, вложив в слова всю свою злобу и древнюю ярость: «Ты ничего не видел, мальчик! Понял? Ничего и никогда!»

Побледневший Джо кивнул и оглянулся, как загнанный в угол кот. Если бы он этого не сделал, ведьма убила бы его, он не сомневался. И тут появился папа. Он вышел из торговой галереи, громко и весело позвал Джо, тот вывернулся из когтей старой ведьмы и побежал к свету. Старуха потом сниклась, но он никому не сказал.

Полузабытое воспоминание повлекло за собой мысль, внезапно осенившую Джо. Даже не мысль – уверенность. Конечно! Вот где надо искать Джинни. Если она попала в беду, это как-то связано с ярмаркой. Он не знал почему, но его уверенность укрепилась.

Она там.

Джо пошел быстрее.

Элис быстро поняла, что ей некуда деваться. Позади были Рэйф, Зак и Джинни, у выхода ждал Джава, непоколебимый и уверенный в себе. При виде конверта в руках Джинни Элис почти утратила способность рассуждать здраво – мысли разбегались, перебивая друг друга. Как Джинни заполучила рукопись, оставленную у Менезиса? Конверт наполнил собой весь свет, надвинулся на Элис, подобно колеснице Джаггернаута. Она сняла туфли и побежала по полю босиком.

Снова смешавшись с посетителями ярмарки, Элис обернулась, поймала взгляд Джинни и поняла: это не поможет, толпа так же защитит от опасности, как стадо скота. Реальный мир сосредоточился в небольшом пространстве, где взгляд холодных лиловых глаз дочери тьмы (ее лицо утратило остатки человечности, являя чистую ненависть) скрестился со взором Элис, видевшей то, чего не могли рассмотреть другие, – чудовище в облике красавицы.

Возможно, именно это ее остановило – взгляд из-под черной маски, торжествующий и холодный... Элис словно ступила на ледяной мост: встретила взгляд Джинни и ответила на него со всей ненавистью, на какую была способна.

Джинни все поняла. Она улыбнулась, показав зубы. Но гнев уже стер всякий страх, Элис собралась и успокоилась. Она заметила, что кто-то движется в ее сторону, злобно улыбаясь. Потом этот человек остановился – Элис не столько увидела, сколько почувствовала это. Должно быть, он понимал, что здесь не место для стычки. Не хотел рисковать. А Элис и Джинни мерялись силами в странном промежуточном пространстве, не здесь и не там. Не буду бояться, подумала Элис. Мы слишком хорошо поняли друг друга. Первый раунд начался.

Надев туфли, она развернулась и направилась к выходу. Люди Джинни оставались на краю поля зрения, не делали попыток приблизиться. Взгляд самой Джинни холодил затылок. Элис оглянулась – почти против воли, – но продолжила путь.

Оставалось двадцать ярдов до выхода.

«А вдруг вместо меня они убьют Джо?»

Мысль обрушилась как ушат холодной воды, и Элис споткнулась, почти потеряв равновесие. Затем она вышла из ворот на широкую безопасную улицу, и эта игра – что бы она ни означала – закончилась. А

потом Элис задрожала.

Два

На этот раз Джо был уверен, что не ошибается. Он вытянул шею и крикнул сквозь толпу, не обращая внимания на удивленные взгляды и раздражение:

– Джинни!

Девушка обернулась. Нет, не она. Джо расстроился и удивился, что мог так обознаться. А потом увидел Джинни – в каком-то нелепом виде. Джо позвал ее и принялся расталкивать людей, пробираясь к ней.

– Джинни! Постой!

Одетая в черное, она стояла у тира в сверкании разноцветных огней и казалась особенно тонкой и хрупкой: бледное лицо, светлые волосы, белые руки. Когда Джо подошел, девушка слегка поморщилась. Запах ацетона от белого спрея на ее волосах смешивался с едким дымным запахом, как от горелой бумаги.

– Ты пришел, – сказала она.

Джо обнял ее. Не время для вопросов, подумал он. Она так беззащитна.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он с вымученной улыбкой. – Исчезла, напугала меня! Я уж подумал, ты меня бросила.

Он улыбался, а сам украдкой вглядывался в нее, отыскивая следы от уколов.

Джинни смотрела безучастно, и Джо понимал: нужно увести ее домой. Вряд ли она превысила дозу, и следов от иглы на руках не было. Но девушка казалась больной, а он по опыту знал, какой отравой дилеры разбавляют свой товар – «дерьмо», название вполне подходящее.

– Под чем ты? – шепотом спросил он, обнимая Джинни за плечи.

Джинни удивленно посмотрела на него.

– У тебя еще осталось?

Она должна бросить эту дрянь. Проблем с полицией нам не надо. Джо повторил тихо и терпеливо:

– Осталось или нет?

Джинни помотала головой. Отлично. А теперь надо забрать ее домой и надеяться, что вместе с героином она не наглоталась стрихнина, мышьяка, стирального порошка или чего-то в этом роде. Черт, ну и дела. Где она отыскивала деньги? Джо знал, что Джинни давно на мели, получает лишь минимальное пособие. Он еле слышно выругался, взял ее за плечо и повел,

как слепую, вперед – за ворота и дальше по улице.

Будь у меня хоть капля рассудительности, подумал Джо, я бы бросил ее там же, где нашел. Хватает проблем и без чокнутой подружки-наркоманки. Он повидал достаточно таких, пока разъезжал с группой, и знал: глюки, ломки и передозы – еще не самое страшное. Иногда можно и банк сорвать – получить закупорку вен, повреждение мозга или заразу от грязной иглы. Сам он не употреблял ничего, кроме травы. Хочешь жить счастливо – не связывайся с наркоманами.

Но теперь появилась Джинни.

Шум ярмарки стих за спиной, звук шагов разносился в тишине. Джинни шла позади, понурившись, одной рукой держалась за руку Джо, а другой ухватилась за полу его плаща. При взгляде на нее сердце сбивалось с ритма. Из-за разрисованного лица Джинни казалась трогательно беззащитной, и он был готов сделать для нее все, что угодно, – умереть ради нее, с ее именем на устах, как герой старой баллады. Это неистовое желание ошеломяло; Джо молчал всю дорогу, погрузившись в размышления. В его квартиру они пробрались потихоньку, не потревожив бдительную хозяйку. Джо открыл дверь и сказал:

– Ты ведь ничего от меня не скрываешь?

Джинни посмотрела на него и покачала головой.

– Ты должна мне доверять, – продолжал Джо. – Я люблю тебя. Я хочу помочь. Ты слишком умна, чтобы погрязнуть в этой дряни. Понимаешь?

Джинни улыбнулась и едва заметно кивнула.

– Отлично. Входи.

Она снова кивнула.

– Но почему ты исчезла? От кого убегала?

Она ответила едва слышно, тишайшим шепотом. Джо снова взял девушку за руки, стараясь не слишком сильно сжимать их.

– Я не слышу.

– Я испугалась... – повторила Джинни чуть громче. – После того, как Элис тебе рассказала... Боялась, что ты уйдешь...

– И не надейся.

Он не удержался и обнял ее, привлек к себе. Страх ушел. Джинни была такая маленькая, такая хрупкая. Осмелится ли он когда-нибудь обнять ее со всей страстью?

– Никогда. Я здесь надолго, Джин. Мы вдвоем против целого света. Забудь об Элис. Она нам не нужна.

Слова текли сами – те, которые он не находил для Элис, которые представлял себе, шептал, придумывал в ночи.

Джо никогда и никому не говорил таких слов, но теперь они прозвучали, и взгляд Джинни оживился, отчаяние сменилось надеждой. В радостном воодушевлении он осознал, что дал какое-то обещание, почти не заметив этого. Однако жалеть не о чем, без сомнений. Все, что у него есть, отныне принадлежит Джинни. Не могло быть иначе – он понял это сразу же, едва взглянув в ее глаза. Но что именно он обещал? Джо еще пытался понять это, когда обнял девушку и повел в комнату.

Два

Для эйфории времени не было. Элис не спаслась, а лишь получила передышку. Рано почивать на лаврах, думала она, надо подготовиться к нападению, которое непременно последует. Глядя в окно на улицу, Элис набрала номер фулборнской больницы, дождалась ответа.

– Я хотела бы поговорить с доктором Менезисом. По очень важному делу.

– Прошу прощения, доктор не может ответить. Кто его беспокоит?

– Элис Фаррелл. Мы с доктором встречались сегодня утром. Скажите, пожалуйста, когда он подойдет?

– Боюсь, он болен. Его пациентами занимается доктор Лоури.

– Но мы виделись утром, и все было в порядке!

– Несчастный случай произошел после обеда.

– Какой несчастный случай?

– Простите, я не могу...

– Какой несчастный случай? – Элис настаивала. – Пожалуйста, скажите!

Секретарь помедлил.

– Доктора сбила машина, мисс Фаррелл. Сбила и уехала. Полиция ведет расследование.

Элис молча повесила трубку. Почувствовала себя больной и слабой перед лицом правды, которая преследовала ее после появления Джинни.

Теперь от них нет избавления, подумала она.

Вневременность, которая прежде так нравилась Элис, сделала Кембридж тюрьмой для нее и оплотом для детей тьмы. Город, где раз в три года менялось две трети населения, город съемных комнат, разорванных связей. Десятилетие за десятилетием эти создания ходили по тем же мостовым, стояли в тех же подворотнях, слушали те же гимны, доносившиеся из церквей над рекой, и их лица точно так же плыли в потоке памяти, как и лица их жертв.

Их не замечали, а они влачили свое существование на границе человеческого мира, тщательно выбирая себе жертв: бродяга, умирающий в луже крови и вина, одинокий турист, студент со следами уколов на руках и скверной репутацией. В Кембридже всегда был высокий уровень самоубийств, статистики списывают это на стресс и наркотики. Так легко все объяснить, так легко закрыть глаза на факты.

А они, наверное, смеялись, наслаждаясь вечной юностью и властью! Они ощущали себя ангелами! Сколько снов ими отравлено? Сколько мужчин хранили образ Розмари в своих сердцах и памяти? О да, ее спутники должны были смеяться, незримо скользя сквозь толпу прохожих, касаясь живой плоти, осязая биение крови.

Элис содрогнулась, на мгновение поддавшись этим роковым чарам. Потом неторопливо встала. Хватит, сказала она себе. Время вышло.

Может быть, это болезнь? Паника была почти непереносимой, нарастала сама собой, вызывала головокружение, как самые большие в мире американские горки, которыми управляет ухмыляющаяся смерть, а вокруг – черная пустота и ужас.

– Вот черт, – сказала Элис и под барабанную дробь паники начала планировать наступление.

Розмари была права: несколько дней я недужил, глаза болели от света, но со временем все прошло. Я тихо отлеживался на складе, и рядом постоянно кто-то был – иногда Рэйф, иногда Элейн или Зак. Лихорадка трепала меня почти две недели, я мало ел, но много пил; казалось, я никогда не утолю жажду. Розмари появлялась очень ненадолго и всегда со спутниками. Она заходила на несколько минут, чтобы узнать о моем состоянии или показать газетные сообщения о полицейских расследованиях. Похоже, дело «о теле в водосливе» отправили в архив, его сменило дело о пивной «Лебедь» – убийство и поджог, призванный, по мнению полиции, скрыть кражу со взломом. На месте преступления нашли два тела, обгоревшие до неузнаваемости. По записям дантиста установили, что это бармен и официантка.

«Полиция допрашивает подозреваемого», – удовлетворенно сообщали газеты, и это развлекало моих компаньонов.

Розмари читала мне эти статейки, улыбалась и уходила по своим делам, а мне оставалось лишь скрипеть зубами от бессильной любви и ненависти. Она сияла: лицо оживленное, волосы как облако, каждый раз новое платье – тонкий флер с цветочными узорами, шелковый шифон, белый лен с бордюром из роз, экзотично до непристойности для тех суровых послевоенных лет. Розмари казалась воплощением чистоты, а ее власть надо мной была безгранична. Стоило ей коснуться холодными пальцами моей шеи, и я таял от желания. Удивительно, что в лихорадке, в бреде и смятении я не проговорился о своем мятеже. Или все-таки проговорился, а мои стражи никогда не упоминали об этом? Скорей всего, так. Значит, в те дни и кровавые ночи мы действительно были как братья.

Я уже поправлялся, когда Розмари объявила, что вышла замуж. Я сидел у окна, выходящего на пустырь позади здания, и читал, но отложил книгу, едва она вошла, откинул одеяло и поднялся, приветствуя ее. Джава стоял в дверях, прислонившись к косяку. В тот день Розмари была прелестна, ее волосы ниспадали на оливково-зеленое платье, глаза сияли юностью и энергией.

– Дэнни, поздравь меня! – Слегка задыхаясь от ветра, она порывисто протянула ко мне руки. – Я вышла замуж!

Я замер в противоестественном спокойствии. За левым ухом билась жилка, отсчитывая ритм моего кровотока.

– За кого?

Мне удалось выговорить это, не заикаясь.

Розмари нахмурилась.

– Конечно за Роберта. За кого еще я могла выйти?

Роберт. Пока я валялся здесь, ни разу не вспомнил о нем. Новость не стала сюрпризом – в душе я давно смирился с потерей Роберта. Теперь все подтвердилось, и чувство вины (вины и зависти, да) тяжело навалилось на меня. Пришлось сесть в кресло, чтобы не упасть.

– Ну, Дэнни, говори. – В голосе Розмари послышалось раздражение. – Ты же сердишься?

Не без усилия я произнес:

– Конечно нет. Я рад. Просто мне нездоровится.

– Бедный Дэниел. – Она наклонилась, обхватила ладонями мое лицо. От ее кожи веяло нежным ароматом лаванды. – Так лучше?

Я кивнул, не доверяя словам.

– А Роберт? Он... он тоже станет...

Она чарующе рассмеялась.

– Ох, Дэнни! Какой ты милый. Из-за этого ты сердишься? Ты решил, он станет одним из нас? О нет. Я никогда не смешиваю дело с удовольствием. – Она легонько поцеловала меня в щеку. Поцелуй был как мелкий укус. – Он – ничто. Защита.

– Не понимаю.

Розмари вздохнула.

– Роберт любит меня. Любит до безумия. Он мужчина, ему нужно кого-то защищать. В этом его счастье, так он чувствует себя сильным. Не каждый человек получает шанс умереть за того, кого любит, Дэнни, но Роберту повезло. Ему не хватит сил, чтобы принять реальность, как она есть, но я подарю ему мечту.

На лице у меня, должно быть, отразилась тревога. Розмари улыбнулась, коснулась моей руки и одарила меня быстрым невинным поцелуем.

– Не беспокойся, Дэнни. Он счастлив.

– Но зачем?.. – почти простонал я.

Розмари присела на подлокотник кресла и погладила мое лицо кончиками пальцев.

– Ты думал, нам легко? – спросила она. – Быть избранным трудно. Мы отделены от толпы. Скот чуется нас, завидует и боится. Он – наша добыча, так повелось, и он знает это. Вот почему нам нужен защитник. Тот, кто будет лгать для нас, прикрывать нас и умрет за нас, если потребуется.

Думаешь, охота закончилась? Полицейские глупы, но однажды кто-то из них может подобраться слишком близко. Они работают медленно и упорно, и в конце концов случай приведет их к нашим дверям. Ведь мы должны питаться. Мы можем путешествовать, прятаться, но однажды нас настигнут. И когда этот миг придет, когда ищейки будут близко, придется отдать им кого-нибудь в жертву. Вместо нас.

– Роберта.

– Это идеальный вариант, Дэн. Безупречное прикрытие и для меня, и для других, даже для тебя...

– Для меня?

– Разумеется. Когда его поймают, ты сможешь выйти из укрытия. Ведь это естественно: ты понял, что твой лучший друг – убийца, не захотел выдавать его и поэтому бежал. В худшем случае тебя обвинят в защите подозреваемого, а за это в тюрьму не сажают, сам знаешь. Что потом? Ты найдешь такое же прикрытие для себя, если захочешь. Свою защитницу, свою Роберту. Просто доверься инстинкту – ты же хищник, ты убийца.

Некоторое время я обдумывал ее слова; боюсь признаться, но они меня не ужаснули. Я давно отбросил нормальные человеческие реакции; я столько раз предал друга, что не мог с ходу отвергнуть новое предательство. Довольно того, что в итоге я сделал правильный выбор, независимо от его причин. Вы тоже могли бы так поступить. Я собирался принять то, что предлагала Розмари, – соблазнительную чашу отравленного напитка. Натура хищника страстно желала этого. Я потянулся к Розмари и обнял ее, осязая гладкий шифон, воздух, вдыхая аромат лаванды. Как всегда, она обманула меня – легко отпрянула и незаметно ускользнула.

– Позже, – мягко сказала она. – Когда выздоровеешь. Тогда позови меня.

– Один поцелуй!

Розмари улыбнулась.

– Плоть. Ты еще слишком человек, Дэнни. Потом, когда станешь одним из нас навеки, ты поймешь, что кровь – это сила. Кровь.

– Я люблю тебя, – произнес я (и это было почти правдой).

– Так люби меня, – ответила она, поднимая руку с прожилками под голубой кожей.

Я подчинился. Сила наполнила мой рот, потекла по подбородку, проникла в вены тайной музыкой кровотока. Вдохновенный разум рождал грандиозные идеи – потом я не мог их вспомнить, но они цвели во тьме, пока я питал Розмари, а она кормила меня. Это были мысли о творении и бесконечности, и каждая распускалась в багровой тьме, подобно цветку;

неслыханные желания и исступленные восторги; кровавые наслаждения, более чудовищные и возвышенные, чем любые грехи плоти. Я чувствовал себя то нулем, потерянной душой в пустоте, то создателем, окидывающим взором вселенную, то разрушителем мира – кровь пятнала мои руки, кровь пела в голосе, кровь заливала мои гигантские следы. Это было краткое, мимолетное ощущение абсолютной власти. Оно больше не повторилось, хотя я жаждал его вернуть. Теперь я помню только вкус, напоминающий соленые слезы.

Погода становилась все жарче, повсюду толпились люди, и мы переносили зной как могли. Выходили по ночам – не потому, что день причинял нам страдания, а потому, что нашим временем была ночь. Склад был просторным и сухим, как больничная палата, мы удобно устроились. Я сказал «мы», поскольку мое изгнание разделяли Зак, Элейн и малыш Антон – может быть, в качестве стражей. Розмари с Робертом поселились неподалеку, в Гранчестере. Где обитали Рэйф и Джава, я так и не узнал. Подозревал, что они держались поблизости от Розмари, чтобы ее охранять. Дни были тревожные, но мирные, как долгие летние каникулы моего детства, а ночь нас увлекала охота. Азарт лишь усиливался из-за того, что город наводнили полицейские. Они старались оставаться незаметными, но были всюду. Мы, однако, соблюдали осторожность и выбирали жертв среди бродяг и одиноких туристов – тех, чье исчезновение привлекало внимание не сразу. Я давно не видел Тернера и не встречал его имени в газетах. Следствие возглавлял старший инспектор Лэмб из Скотленд-Ярда – он бессмысленно тратил силы и время, выуживая из реки все новые тела. Мы оставались вне подозрений.

У Розмари были деньги, украденные у жертв и полученные от ее прежнего покровителя. Иногда мы покупали вино и сигареты в ночном баре, пили и курили в своем убежище, как студенты за диспутом об искусстве и поэзии. Розмари приходила каждую ночь. Она появлялась поздно, после полуночи, и я гадал, как она умудряется отлучаться, ничего не объясняя Роберту. Наверное, опаивала его каким-то зельем. Или он был настолько очарован, что позволял ей все, что угодно.

Я все время держался с краю: хотите верьте, хотите нет, но я никого не убил, хотя был ненасытен. Меня кружила ночная карусель, невообразимая и неопишуемая. Мы пили виски и вино, смешанные с кровью. Мы питали друг друга. Мы любили друг друга способами, которые превосходили физическую любовь, хотя и в ней я был ненасытен. И под завесой этих темных чар таилась язва моей ненависти, средоточие моей любви и моего голода. Я не в силах описать и даже едва могу вспомнить, что было тогда со мной, словно на все пережитое в те ужасные дни лег непроницаемый покров. Я помню ощущение счастья, помню силу, подъем, восторг – но не могу воскресить в памяти ни единого образа.

Сейчас мне почти удалось обмануть себя и поверить, что Розмари в

самом деле мертва. Продолжение этих записок стоит огромного напряжения воли. Мой юный врач думает, что сам процесс писания увековечивает мои заблуждения; что я, будучи ученым, слишком привык вычитывать истины из книг и веду дневник именно из-за этого – желаю выдать собственные измышления за правду. Другие врачи с ним не согласны, они рассматривают мою работу как попытку подсознания изгнать болезнь из психики.

Я рассказал об этом своему молодому другу, чтобы повеселить его – он в последнее время слишком огорчается, даже когда я позволяю ему выиграть в шахматы. Я говорю, что не следует эмоционально привязываться к пациентам. Он печально улыбается, понимая, что такая рациональность – вовсе не признак улучшения моего состояния. Иногда я повторяю слова своего однофамильца: если исключить невозможное, то, что останется, и будет правдой, каким бы невероятным оно ни казалось. Значит, то, чего доктор боится, может быть правдой. Когда я об этом говорю, он выглядит очень несчастным – ему кажется, что он не оправдал моих надежд. Тогда я отпускаю какое-нибудь безумное замечание, просто чтобы подкрепить его веру, а он вознаграждает меня улыбкой и партией в шахматы. Он старается удовлетворить мой интерес к психологии и рассказывает о своих пациентах – например, о шестнадцатилетней девушке из соседней палаты. У нее шизофрения, она страдает расщеплением личности. Однако доктор уверен, что она полностью вылечится, поскольку хорошо реагирует на лечение. Хорошо реагирует на него – это больше похоже на правду. Я хочу призвать его к осторожности. Розмари тоже была юной невинной девушкой. Я хочу ему посоветовать держаться подальше от юной пациентки, но я слишком много дразнил его сегодня. Он потакает мне, но не слушает меня.

Время. Я должен помнить, как мало у меня времени, но мне дают таблетки, а они его растягивают, и один пустой день сливается с другим. Я рассказал о том лете, когда убил Розмари. Теперь я должен рассказать, как именно я ее убил, чтобы и вы смогли это сделать, когда настанет срок. Вы должны быть сильнее меня.

Вы должны убить любимое существо, а я не смог довести дело до конца.

Их можно убить. Я знаю, что можно. Действие простое и ужасное, как любое убийство, справиться с ним может любой, стоит захотеть. Но этого мало. Их странную жизнь можно отнять, но нельзя удержать. Они снова всплывают на поверхность, как жуткие прозрачные морские создания, призванные лунным светом. Они не бессмертны, хотя живут почти вечно.

Их семя повсюду. Оно дремлет, как отравленное дерево в саду, пронзающее землю корнями, расселяется личинками в умах людей. Семя зла может спать столетиями, а потом пробудиться, стряхнуть снег с лица и выйти на свет. В древности священнослужители знали, как его уничтожить. Они сжигали порождения ночи, хоронили их в камне и извести, но семя проросло в памяти, в сказках и песнях. Каждый, кто в детстве хотел быть Золушкой или Маугли, а в юности мечтал пробудить поцелуем мертвую принцессу, сеял ночное семя. Семя из царства Прозерпины, рождающее кроваво-красный плод.

Желание.

Семя зла ждет этого желания. Нужен лишь один человек, единственная душа, чтобы призвать ночную тварь, и она вернется, волей или неволей. Единственная душа – вот все, что нужно.

И еще – надо быть Розмари. Сиять, как Розмари... обладать ее властью. Что я готов отдать ради этого? Что я уже отдал?

«В августе она должна умереть... В сентябре я вспомню...»^[18]

Вспомню ли? Мои мысли путаются. В то лето их направляла Розмари, владела ими, как и моим телом. Это было сладко – она питалась мною и питала меня. Я совершенно не думал о Роберте. Розмари принадлежала нам. Мне.

Как долго это могло длиться, я не знаю. Мне было удобно на складе. Элейн стирала мою одежду и носила еду. Она утоляла и другой мой голод, когда Розмари не было рядом. Элейн желала лишь одного – умереть. В то время я многого не понимал и не представлял, как Розмари заставляет Элейн жить против воли. Я знал, что все мои товарищи – может быть, за исключением Рэйфа – уже умерли хотя бы однажды. Элейн ушла из жизни (или поверила, что ушла) пятьдесят лет назад, Джава еще раньше, Зак умер во Франции во время Первой мировой войны, но мало что помнил об этом или не хотел говорить. Антона убила Элейн, и его присутствие в нашей компании, насколько я мог понять, давало Розмари власть над девушкой. Кажется, Антон был братом Элейн – я так и не сумел выяснить это, – а может быть, ее сыном.

По словам Элейн, Розмари призвала их всех назад. Но Элейн не знала, каким образом. Я предположил (ошибочно), что это род некромантии. Я слишком увлекся сомнительной магией, ритуалами и воображал, будто разбираюсь в этом. Даже подумывал перейти от теории к практике. Осуществить намерение мне не довелось, но я все-таки увидел магию в действии, причем неожиданно. Это было в конце августа. В тот день исполнилось сокровенное желание Элейн.

Один

Не думайте, будто инспектор Тернер забыл о поисках кембриджского убийцы. Он не бросил дело. Меня ни в чем не обвинили, но одна из нитей следствия снова потянулась ко мне – так сказала Розмари.

То ли мы не заметили опасности, увлекшись охотой, то ли Тернер тайно наблюдал за нами. Может быть, он следил за Робертом, а Розмари бесечно навела его на нашу компанию. Так или иначе, однажды на складе, где мы все вместе пили и играли в карты, у меня вдруг появилось необъяснимое предчувствие беды. Может быть, странная духовная связь между мною и Тернером была сильнее, чем я думал. Мы прождали Розмари дольше обычного и около двух часов пополудни отправились охотиться на кембриджских бедняков, не доверяя ночным барам и позднему свету в окнах колледжей.

Прохожих было мало – полиция хорошо напугала горожан, люди боялись выходить в поздний час. Мы стали заметны на пустых улицах, однако всегда находили какого-нибудь бродягу, шатавшегося у реки или валявшегося в подворотне. Даже приохотились к таким жертвам – алкоголь придавал крови особую пикантность.

Сытые и сонные, мы курили и пили вино, которое принесли Джава и Зак. Комнатка, где я спал, была завалена пустыми бутылками. В те ночи я много пил – думал, это поможет отрешиться от самого себя, испытать возбуждение охоты без угрызений совести. Во мраке горели две свечи, воткнутые в пустые бутылки; окна были завешены мешковиной. Нас не могли заметить случайно.

Внезапно у меня возникло ощущение, что за мной наблюдают. Я списал это на паранойю и выпил еще вина, чтобы успокоить нервы, но страх не уходил. Наоборот, вино обострило чуткость.

В конце концов я не выдержал и повернулся к Розмари.

– Ты уверена, что нас никто не выследил? – спросил я.

Она посмотрела на меня.

– Бедный Дэниел. Думаешь, меня это заботит? Если нас кто-то найдет, мы сумеем справиться.

В каком-то смысле она была очень невинна.

– Мне кажется, снаружи кто-то есть. Кто-то наблюдает за складом.

Зак отмахнулся. Он выходил около полуночи и ничего подозрительного не заметил.

Никто не хотел принимать мои слова всерьез, кроме Элейн.

– По-моему, Дэниел прав, – сказала она. – Я тоже что-то чувствую. Наверное, полиция следит за нами. Я слышала странные звуки. Видела людей на улице.

Зак пожал плечами.

– Ну, отправь мальчишку посмотреть. Его-то никто не заподозрит.

Все согласились, кроме самой Элейн.

– Я выйду с ним, – решила она. – Нельзя посылать его одного.

– Вдруг его схватит чудище? – поддел Зак. – Или он боится темноты?

Но Элейн была непоколебима, как сама Розмари. Слабый шелест мешковатого пальто – и они с Антоном удалились. Пошатываясь от выпитого вина, я медленно двинулся за ними, ориентируясь на звук шагов по цементному полу. Я почти поверил, что тревожился понапрасну, когда услышал крик.

Кричала Элейн. Шаги вдруг зазвучали громче – Элейн и Антон бежали по складу. Я спрятался, повинуясь инстинкту. Рядом вспыхнул свет. Раздался крик:

– Стоять! Полиция! Стоять!

Три тени пронеслись мимо меня, огромные на фоне белой стены. Из комнаты, которую я только что покинул, послышался шум. Я предположил, что мои товарищи мечутся в поисках выхода, стараясь укрыться от света. Зак и Джава хранили в этом здании оружие (краденое или добытое иным путем). Значит, полицию ждал неприятный сюрприз.

В коридоре я нашел кое-как заколоченное окно. Недолго думая, отодрал доску и выглянул наружу. Я примерился – там было невысоко, – вылез через окно и огляделся в поисках полиции. И никого не увидел – луна светила тускло, всюду лежали тени. Перебежав через двор, я нырнул в кусты и высокую траву позади склада. Запах зелени и холодной земли щекотал мне ноздри. За спиной послышались голоса. Потом – два выстрела. Я вжался лицом в землю.

Через несколько секунд я поднял голову и увидел три тени. Это были Рэйф, Джава и Розмари. Они стремительно пробежали через двор, выскочили в ворота и скрылись из виду на дороге. Я рискнул привстать, и тут из-за угла показалась Элейн. Я слышал ее дыхание, слишком резкое в ночной тишине. Она плакала и что-то бормотала, но я ее не расслышал. Когда Элейн пошла к воротам, я разглядел ее в слабом лунном свете и понял: дело плохо. Она хромала и куталась в свое темное пальто, будто это могло ее защитить. В руке девушка держала нож. Длинное прямое лезвие отбросило в мою сторону блик отраженного света, как зеркало. Думаю,

Элейн заметила меня, но не выдала даже взглядом. Наоборот, она отчаянно – или дерзко? – вскрикнула и повернулась к своим преследователям.

Один из полицейских крикнул ей:

– Стойте на месте! Бросьте нож!

Элейн подалась назад, выставив оружие перед собой. Она умела с ним обращаться – часто приходилось пускать нож в дело. Первый полицейский двинулся к ней, двое других стали обходить справа и слева.

– Так не пойдет, – сказал полицейский. – Бросайте нож.

Элейн сделала шаг назад. Я догадался, что она пытается увести этих людей подальше от меня, и отполз назад, в темноту.

Полицейский был теперь в десяти шагах от Элейн. Он медленно приближался, держа руку в кармане, потом бросился к ней. Одной рукой он ухватил девушку за пальто, но Элейн его опередила. На лезвии ножа блеснул свет, полицейский упал на колени. Он изумленно смотрел, как внутренности вываливаются из его живота, потом закричал, и я мысленно приободрил Элейн. Но тут второй полицейский выстрелил, и она упала.

Пришел мой черед не верить глазам. Я все еще ожидал, что Элейн встанет.

Подоспели остальные двое полицейских – я не удивился, узнав Тернера. Его спутник подошел к упавшему товарищу, еще живому. Тернер направился к Элейн, ткнул ее носком ботинка и опустил на колено, чтобы проверить пульс. На миг я увидел ее лицо, спокойное и очень белое, с оскаленными зубами. Затем раздался тихий голос инспектора, и он дрожал, разрушая мнимое спокойствие.

– Это женщина. Она мертва, – проговорил Тернер и добавил с неожиданной злобой: – Черт!

Он помедлил, затем к нему возвратилась прежняя стремительность. Повернувшись к полицейскому, который пытался отнести раненого к машине, Тернер рявкнул:

– Не тратьте времени. Вызывайте «скорую». Быстро!

Он явно был в шоке. В те годы правила применения оружия были куда менее строгими, чем сейчас, но он, похоже, впервые застрелил человека. К тому же полицейских обмануло мужское пальто Элейн – они думали, что их цель крупнее и опаснее. Я почти сочувствовал инспектору, хотя меня потрясла смерть девушки. Видите ли... я всерьез считал, что мы бессмертны.

Минут через десять приехала «скорая», звук сирены взрезал тишину ночи. Я ожидал, что Элейн вернется к жизни, почти не сомневался, что она способна это сделать. Только когда тело завернули в полиэтилен и

положили на носилки, я начал осознавать: воскрешения не будет. Но, даже после того как «скорая» умчалась, завывая сиреной, я не до конца утратил абсурдную надежду: ведь сирена не нужна, если Элейн мертва? Потом вспомнил о раненом полицейском и проклял свою тупость.

– Думаю, что на этот раз он здесь был, – тихо сказал Тернер. – Я просто чую его! Надо было взять больше людей. Черт побрал бы этот Скотленд-Ярд! Я их предупреждал: здесь творятся какие-то темные дела. Зачем привлекать к расследованию три сотни человек, которые тратят время впустую и бессмысленно болтаются у реки? Даже города не знают. – Он задумался. – Кто эта женщина? Она была с ним?

Второй полицейский пожал плечами.

– Может, мы ошиблись? – предположил он. – Может, Холмс – не тот, кто нам нужен?

Тернер покачал головой.

– Именно тот. И он здесь был. Точно.

Второй сомневался.

– А остальные? – спросил он. – Я видел по крайней мере двоих, но они уже далеко отсюда. Они причастны?

– Не знаю. – Тернер помолчал. – Но если мы поймем, кто эта мертвая женщина, мы найдем Холмса. Я в этом уверен.

Голоса удалялись, а я обдумывал свое положение, все еще оглушенный алкоголем, кровью и пережитым потрясением. Как они поведут себя, если я вдруг выйду из укрытия и поздороваюсь? Затем мое настроение изменилось, стало горьким и отчаянным: я действительно захотел выйти к ним, на свет, как ребенок, заканчивающий игру. Захотел увидеть их лица, прикоснуться к ним, обрести утешение. Это было нечто большее, чем желание покаяться. Я хотел проверить, что почувствую; ведь человеческая суть не умерла во мне даже после всего пережитого. Я встал.

– Инспектор!

Его лицо стало почти веселым.

Я и сам нелепо улыбался широкой детской улыбкой. Тернер направил на меня пистолет.

– Руки вверх! – приказал он. – Заложите руки за голову и повернитесь кругом. На счет три. Раз. Два. Три.

Я пожал плечами и повиновался. Потом заметил:

– Излишняя предосторожность. У меня нет пистолета.

Инспектор пропустил мои слова мимо ушей. Я скорее почувствовал, чем увидел, как он достал из нагрудного кармана свою карточку. Быстро, без выражения, зачитал мне права, как ребенок произносит молитву перед

праздничным обедом.

– Снимите пальто.

Я повиновался. Он обыскал карманы, по-прежнему держа меня под дулом пистолета. Затем бросил мне пальто, не приближаясь, чтобы я не мог до него дотянуться.

– Наденьте.

– Не тревожьтесь, – сказал я. – Я не причиню вам вреда.

Я говорил правду. Мною вновь овладело недавнее чувство, заставившее меня выйти из укрытия, что-то вроде любви. Я хотел поговорить с Тернером, услышать его голос, узнать его жену, детей, воспоминания, тайны, дурные привычки. Попробовать сигареты, которые он курил, отведать пищу, которую он ел, увидеть сны, которые ему снились.

– Теперь можете повернуться, – сказал он.

Второй полицейский подошел, чтобы защелкнуть наручники на моих запястьях. Ситуация казалась нереальной: я словно наблюдал за происходящим со стороны, вчуже испытывая интерес, как человек, знающий, что спит и видит сон.

– Спасибо.

Я обернулся и очень ясно увидел лицо инспектора. В слабом свете оно казалось серым, как у покойника, и тот же свет обрисовывал очертания пистолета в руке. Я не разбираюсь в оружии и не понял, заряжен ли он.

– Вы убили Элейн, – сказал я Тернеру. – Элейн, так ее звали.

– Кто она такая, Холмс? Ваша подруга?

– Нет.

– Что же она здесь делала?

– Она жертва, – ответил я. – Как и я сам.

Внезапно я осознал, как сильно устал. Словно очнулся от кошмара, совершенно опустошенный. Может быть, потому, что потерял Розмари навсегда, или потому, что не мог забыть лицо умирающей Элейн.

В тот миг я отринул все – темные чары, обещание вечности, власть и красоту. Это было больно, но давало освобождение.

– Я все расскажу, – произнес я.

Два

Он ушел, оставив Джинни спать на диване. Осторожно открыл дверь, оглянулся и увидел, что она свернулась калачиком, уткнув лицо в согнутую руку. Джо захотелось защитить ее. Он всегда был раздражительным и нервным, как подросток, его жизнь представляла собой вечные американские горки побед и поражений, и вдруг настало редчайшее мгновение подлинной уравновешенности и твердости. Слово «спокойный» менее всего подходило ему, но теперь всякая неуверенность пропала, произошла какая-то чудесная перемена, и он внезапно получил власть над собой. Тело расслабилось, напряжение исчезло. Джо вышел на улицу с новым ощущением благополучия. Он улыбался.

Две девушки в джинсах и футболках странно посмотрели на него, чуть ли не отшатнулись испуганно, несмотря на ранний час и яркое солнце. Впоследствии одна из них никак не могла объяснить, почему запомнила этого человека, хотя Кембридж полон странных людей.

– У него были жуткие глаза, – рассказывала она в «Юнион-баре» в тот вечер, очень мило запинаясь после пяти порций джина с тоником.

Будь эта девушка героиней романа, могла бы прибавить: «Глаза как двери в другой мир...» Но в реальной жизни она просто напилась, легла в постель со студентом из соседнего колледжа, который ей вовсе не нравился, и проснулась на следующий день с больной головой и неясным ощущением потери.

Джо шел своей дорогой и даже не заметил ее, кружась на карусели собственных мыслей. Он бессознательно потер костяшки пальцев. Посмотрев на тыльную сторону левой руки, заметил потемневший синяк.

Все из-за Элис. Джо покрутил кистью. Черт, больно. А ведь это левая рука, и как теперь играть? Если Элис заставила его сломать руку... Вообще-то она не выказала никакого сочувствия. Возможно, даже обрадовалась. Ну, он все выяснит, когда с ней встретится. Он обещал Джинни разобраться с Элис, и он это сделает. Прямо сейчас. Улыбаясь, Джо ускорил шаг.

Элис примерилась к ножу, взвесила его в руке. Это был длинный кухонный нож с деревянной рукоятью, очень острый. Одна мысль о том, что его можно использовать против человека, всегда пугала ее до обморока, но теперь тошнота и головокружение исчезли, вместо них пришло

ощущение нереальности происходящего, будто здравый смысл заменила странная сюрреалистическая логика сна. Надо идти за ним, подумала Элис. Нож лучше ее знает, что делать. Как стрелка компаса, он неумолимо указывал назад, в Гранчестер.

Элис с трудом сглотнула. Может, что-нибудь съесть? Но ее тут же снова замутило, и она повернулась к двери. Медлить больше нельзя. Нужно быть в Гранчестере до темноты, пока не настало время детей ночи.

Она сделала два шага к двери. На третьем в дверь постучали.

Элис замерла.

Черт, она ушла! Джо дважды злобно пнул дверь, но добился только того, что нога заболела. Он посмотрел на часы – почти шесть. Джинни ждет, надеется на него, он не хочет оставлять ее в одиночестве ночью. Она же боится темноты.

Однако это невыносимо – если Элис одержит верх и он уйдет, не исполнив обещания. А если... Он оглянулся и увидел, что прохожих на улице нет, если не считать старика с собакой. Джо развернулся. Прошел ярдов пятьдесят и свернул в переулок, чтобы подойти к дому с другой стороны. Он был уверен, что Элис не ушла.

Сад у нее был довольно большой и запущенный, деревья росли, как им вздумается. Можно пробраться через соседский сад, потом сквозь кусты и заросли цветов выйти к заднему крыльцу. На крыльце Джо снова оглянулся и дернул дверь. Бесполезно. Дверь была заперта, но он ожидал этого. Замок оказался слишком крепким, выбить его не получилось. Рядом было окно. Стараясь сохранять спокойствие, Джо подобрал с дорожки камень. Размахнулся и ударил по стеклу. Одного раза хватило. Осторожно, чтобы не порезаться, Джо расшатывал и вынимал из рамы осколки. Он складывал их на землю один за другим. Так, по кусочкам, он вынул все стекло из одной створки. Этого вполне хватало, чтобы просунуть руку и открыть замок.

Он вошел в дом.

– Элис? – тихо позвал он. – Элис!

Один

В 1948 году кембриджский полицейский участок был куда меньше, чем сейчас. В ту ночь дежурил только один офицер, и он глупо моргал, глядя на нас с инспектором Тернером. Полагаю, он уже слышал о ночных событиях. Морг был рядом, в пристройке, и полицейский мог видеть, как «скорая» привезла Элейн. Я представил себе, что она лежит за одной из этих дверей и ее волосы по-русалочьи разметались на белой эмалистой поверхности. Охваченный новой всеобъемлющей нежностью к людям и их миру, я улыбнулся дежурному.

– Не волнуйтесь, – сказал я. – Я не причиню вам вреда.

– Тихо, – прошипел Тернер. И обратился к дежурному: – Вы уже связались со Скотленд-Ярдом?

Тот кивнул.

– Да, сэр. Оттуда приедут в течение часа.

– Хорошо. Оставайтесь пока на посту. Я хочу допросить подозреваемого.

Я не сразу сообразил, кто здесь подозреваемый. Мысль меня рассмешила. Это было приятно.

– Сюда, пожалуйста.

Тернер направил меня в дальний конец участка. Его вежливость доставляла мне нелепое удовольствие, да и все в нем тогда мне нравилось. Я пошел, куда он показал, и улыбнулся.

– Сюда.

Он был так близко, что я видел его глаза, серые и холодные, как шляпки гвоздей, вбитых в лицо.

Мы вошли в комнатку, отделанную белой плиткой, – так я представлял себе морг. Там был небольшой стол, пара стульев и отхожее место в углу. Сильно пахло дезинфекцией, что напомнило о мужском туалете в младшей школе.

– Садитесь.

Я выбрал стул у стены, снял пальто. Тернер уселся на стол. Он смотрел на меня сверху вниз непроницаемым взглядом. Полицейский, который был с ним у склада, присоединился к нам и устроился напротив. Ручка застыла над листком бумаги – записывать мои слова.

Мы сидели в молчании. Время шло.

Через несколько минут я понял методику Тернера – он давал

преступнику возможность самому обвинить себя – и против воли улыбнулся. Я хотел обвинить себя. Хотел вернуться в общество, пусть в самые низы, и не хотел убегать. Голова стала легкой, ничего не нужно было выбирать. Все уже выбрано и решено.

– Итак, что вы желаете узнать? – спросил я.

– Зачем вы это сделали, – ответил Тернер. – Бродяжка в водосливе. Люди в пивной. А тело, которое мы нашли во дворе гранчестерской церкви? Оно разрезано на куски. Тоже ваша работа?

Я покачал головой.

– Не моя, но я там был. Это сделали другие. Розмари.

Тернер кивнул, хотя я не понял, поверил он или нет.

– Розмари?

Я рассказал ему.

Я рассказал все, что знал или предполагал о Розмари, выдал ее целиком. Я выдал их всех. Я очистился. Инспектор Тернер никак не реагировал, просто вежливо слушал, время от времени кивая, как будто я разъяснял то, что он уже знал. Когда я закончил, он встал, и я с ожиданием взглянул на него.

– Вы собираетесь их арестовать? – спросил я.

– Я собираюсь выпить кофе. Думаю, что это будет долгая ночь. Может быть, к моему возвращению вы выдумаете сказку получше. Я подожду. Я люблю сказки.

Полицейские вышли из комнаты и захлопнули дверь.

Я ждал, уверенный, что инспектор скоро вернется. Подумал о кофе и воспользовался уборной, пока было время.

Часа на полтора я задремал, а потом меня разбудил звук шагов. Кто-то шел по коридору, едва касаясь плиток пола. Я отметил, что у инспектора очень легкая походка. Шаги умолкли перед дверью камеры, я услышал, как кто-то брякает ключами, открывает замок. Я лениво смотрел, как открывается дверь, и вдруг застыл.

В дверях стояла Элейн.

Она пришла босиком, с посиневшими от холода ногами, одетая во что-то вроде больничной рубашки с завязками на боку. Лицо было еще бледнее обычного, рот измазан кровью, словно она насыщалась слишком жадно, и струйка крови текла по внутренней стороне ноги, оставляя широкий темно-красный след. Волосы спутаны, под глазами круги. Потрясенный, я понял: одежда Элейн – вовсе не больничная рубашка.

Что-то спасло меня от шока. Верить в вечную жизнь теоретически – это одно, но видеть, как умершая женщина восстает из мертвых, –

совершенно другое. Голова закружилась, я ахнул и подумал: вот и еще одна поездка на призрачном поезде Розмари.

Элейн безмолвно подозвала меня. Не испытав, вы никогда не поймете неотвратимости этого призыва, его неодолимой власти. Точно так же статуя мертвого командора звала Дон Жуана на последнюю трапезу. Отказать невозможно. Я встал в полубомороке, хотя уже привык к ужасам, и без слов пошел за ней по коридору. Дверь в морг была приоткрыта, и я заглянул туда, проходя мимо. Все было так, как я себе и представлял: белая плитка, резкий электрический свет, полдюжины столов для тел, журчание воды в канавках вдоль стен. Я шел за Элейн в основное помещение участка и тер глаза. Под веками распускались темные цветы.

Комната походила на лавку мясника. Два человека лежали на полу навзничь, в лужах липкой крови. Один из них, сопротивляясь, ударился о стену – на белой краске остались отпечатки ладоней и тела, как скверный негатив. Третий распростерся поперек стола, голова его была повернута под неестественным углом. Рядом на столе сидел Антон и скальпелем отрезал с лица кусочки плоти. Он увлекся этим занятием, как ребенок головоломкой. Несмотря на ошеломление, я сумел разглядеть всех мертвецов и понять, что Тернера среди них нет. Это вызвало у меня мрачное удовлетворение, но я промолчал.

Они все были здесь. Рэйф и Джава стояли справа и слева от Розмари, и я заметил, что лицо и волосы Рэйфа измазаны в крови, будто он перепачкался, насыщаясь. Зак замер в дверях, на страже. Розмари остановилась у окна, вглядываясь в ночь. Когда я вошел, она обернулась, и ее прекрасное лицо озарило ликование.

– Ты все еще боишься? – спросила она. – Смотри.

И она обвела бойню плавным балетным жестом. Ее глаза были ясны и безжалостны. Наверное, Елена так же взирала на разрушение Трои.

– Есть ли предел нашим возможностям?

– Ты воскресила Элейн, – только и смог я сказать.

– Конечно. Я присматриваю за своей собственностью.

Я услышал позади всхлип – у Элейн перехватило горло.

– Но Элейн романтична, – сказала Розмари. – Она мечтает о мирном сне под землей. Хочет неоскверненной чистоты смерти, невинности могилы. – Розмари рассмеялась. – Ты сделал выбор, я тоже. Избранный остается избранным. Навсегда.

– Но как? – Вопрос прозвучал глупо, словно ребенок искал объяснения чуду.

Она пожала плечами.

– Это несложно. Даже Христос сделал это, когда велел Лазарю: «Встань и иди». Ты должен призвать, и избранный явится. Желание пробуждает, Дэнни, а все мы – дети желания.

Я не понимал, что она имеет в виду, я слишком ослабел от пережитого отчаяния. Просто принял ее слова, как принимал все остальное.

Но теперь, после многолетних размышлений, я осознал, о чем она говорила. Мне это уже не поможет, но, надеюсь, поможет вам. Розмари – дитя моего желания, моя мечта, моя небесная подруга. Я думал, после смерти Роберта она для меня не опасна – считал себя достаточно сильным, чтобы противостоять ее зову. Но сейчас я понял, что сам пожелал ее возвращения. Наверное, я призвал Розмари, как она призвала Элейн. И она знала, что я это сделаю. Мои воспоминания призвали ее – что такое воспоминание, если не призыв к жизни?

Два

– Черт побери, Джо, ты меня напугал. Что за игры?

Элис остановилась на лестнице и недоверчиво посмотрела на него. Почему он зашел через черный ход? И разве эта дверь не заперта?

Джо молча глядел на нее, и Элис с неожиданной тревогой подумала: точно такие же глаза были у него утром, когда ударил кулаком по стене. А дверь черного хода не могла остаться открытой – Элен помнила, как вечером заложила засов, проверив сад.

– Эл, спустись на минутку. – Джо говорил до ужаса спокойным голосом. – Хочу с тобой поговорить.

– Подожди немного.

Она огляделась по сторонам, выбирая путь к отступлению. Тревога усиливалась, перерастая в панику. Элис почувствовала, что человек у двери – не совсем Джо; точно так же она не была самой собой, когда рисовала картины с Офелией. Руки снова затряслись, и она сжала их в кулаки, унимая дрожь. Загнанная вглубь паника превратилась в тупую, но терпимую боль в животе.

– Я принимала душ, – с улыбкой сказала Элис, – и слышала, как ты стучишь. Посиди немного, я сейчас вернусь.

– Я подожду.

С новой обостренной чувствительностью Элис различила в голосе Джо излишнюю настороженность. Неожиданно она представила себе, как он стоит в воротах ярмарки, словно паяц-стражник: глазированное яблоко в одной руке, каштановые волосы обрызганы красной краской, глаза скрывает полоска тени.

Элис быстро изучила обстановку. Окна слишком высоко, не выпрыгнуть. Придется воспользоваться лестницей. Нужно заболтать Джо и проскользнуть мимо него. Она ощупала нож, завернутый в лоскут ткани и кое-как засунутый в рукав, потом спустилась по лестнице.

Джо ждал, сидя в любимом кресле Элис. Он вертел в руках пресс-папье из белого мрамора размером с кулак в виде сюрреалистического кота. Волосы падали на глаза Джо, скрывая лицо, но он поднял голову, услышав шаги Элис.

Плохо выглядит, подумал он, поглядев на ее бледное лицо и тонкие губы. Затем чуждый ритм снова взял верх, настойчиво внушая чуждые мысли. Джо не пытался сопротивляться. По правде говоря, это было

приятное ощущение – так сказать, естественный подъем. Ритм направлял его.

Элис смотрела в лицо Джо, готовая увидеть за круглыми очками хищный взгляд ночной твари. На миг стекла очков отразили свет, падающий из окна, затем гость улыбнулся, и это было очень похоже на его обычную улыбку, чарующую и печальную.

– Джо, – дрожащим голосом начала Элис, – у меня беда. Не могу объяснить, что случилось, но прошу тебя кое-что пообещать.

Джо пожал плечами.

– Ну, это зависит...

– Нет! – прервала его Элис. – Ты должен пообещать. Сегодня вечером не встречайся с Джинни. Придумай что-нибудь. Скажи, что заболел. Просто держись от нее подальше, хотя бы сегодня вечером. Пожалуйста.

Джо озадаченно нахмурился. Ведь он пришел поговорить о Джинни, но никак не мог вспомнить, что именно хотел сказать.

– Почему? – спросил он. – Что-то не так?

Элис вздохнула.

– У меня почти нет доказательств, и все слишком похоже на бред. Не надеюсь, что ты мне поверишь. Но как минимум один человек погиб, и дружки Джинни к этому причастны. Я уверена. – Она посмотрела на Джо и добавила: – И я понимаю, что ты не хочешь меня слушать.

– Продолжай, – сказал он.

Вопреки ожиданиям, Джо не впал в ярость и не стал возражать, поэтому Элис воодушевилась и открыла ему все – больше, чем намеревалась. Она рассказала о картинах, о сне, который не был сном, о дневнике Дэниела.

– Сначала я решила, что это случайные совпадения, – призналась она. – Думала, что схожу с ума и подгоняю реальность под собственные представления. Ты же знаешь, я ревновала к Джинни. Поэтому казалось, что мои подозрения не могут быть правдой. Однако все приводило меня к одному и тому же заключению. Я должна узнать, каким образом Джинни причастна к этим событиям.

Несколько секунд Джо молча смотрел на нее, потом кивнул.

– Понимаю.

Его лицо ничего не выражало, затем он ссутулился и снял очки, чтобы протереть их.

– Я вел себя как идиот, – подавленным тоном произнес он. – Наорал на тебя утром, пробил дырку в стене. Полный придурок. Самое поганое – я ведь уже знал, что ты права насчет этих двух типов. Видел их раньше, а

сегодня они были вместе с Джинни. Знал, что они продают дурь, а Джинни покупает и колется. Черт, я все знал!.. – Джо откинул волосы с лица. – Просто надеялся, что это неправда. Думал, если я не буду тебя слушать, все изменится. – Он снова помолчал. – Извини, Эл. – Серdito взмахнул рукой и вытер глаза тыльной стороной кисти.

– Бедняга.

Элис присела на подлокотник кресла и обняла Джо, вдохнув запах табака от его куртки и запах чистоты от волос. Душа заполонила тоска о прошлом.

Джо незаметно переложил беломраморное пресс-папье в правую руку. Чуждый ритм внутри стал настойчивее.

Элис уловила движение его правой руки и инстинктивно отпрянула. Поэтому пресс-папье попало ей не в голову, а в плечо. Джо от неожиданности потерял равновесие и свалился с кресла, и Элис отскочила назад так, чтобы между ней и гостем оказалась какая-нибудь преграда.

Она успела подумать: «Это не Джо», – когда он неожиданно рванулся к ней, нацелив пресс-папье в лицо. Элис отпрыгнула, пнув его правой ногой, чтобы отбросить подальше. Пошатнулась, чуть не упала и едва обрела равновесие, как Джо схватил ее за волосы и занес руку, чтобы ударить в лицо. Элис снова пнула его, на этот раз больно врезав по голени. Джо разжал руки и упал навзничь, задев головой об угол стола.

Элис мгновенно пришла в себя и бросилась к двери. Дрожащими руками она отперла замок.

– Элис! Вернись! Элис!

Но его голос уже доносился издали – слова заглушал свист ветра.

Глаза горели, словно в них насыпали песка, а ветер подталкивал в сторону Гранчестера. Может быть, это лишь игра воображения, но пока Элис бежала вдоль реки к дому Джинни, дух ярмарки с каждым шагом усиливался: запах дыма, пота, жареного арахиса и жженого сахара, автомобильные выхлопы и смрад зверинца.

Часть четвертая
Beata Virginia[\[19\]](#)

Один

Розмари нашла для нас убежище – квартиру, где жила до того, как вышла замуж за Роберта. Жилище было достаточно большим, с двумя спальнями, ванной, маленькой кухней и гостиной. Розмари продолжала платить за эту квартиру, поскольку здесь было очень удобно скрываться от Роберта.

Он, бедняга, не задал ей ни единого вопроса. Она просто говорила, что идет к другу, почти побуждая мужа к ревности. Однако Роберт принимал ее слова без возражений.

Розмари дала один из запасных ключей мне, второй – Заку и отправилась домой. Это была долгая ночь, так что она собиралась принять душ и поспать. У меня же сна не было ни в одном глазу. Целый час я пытался разговорить Элейн, но она лишь плакала, скорчившись на диване и закрыв лицо руками. Я понял, что ничего не добьюсь, поэтому сел играть в шахматы сам с собой (правая рука против левой), выпил бутылку красного вина, оставленную Заком, и попытался разобраться в том, что случилось этой ночью.

Мне хотелось найти логическое объяснение. Элейн не умерла, просто была без сознания. Инспектор Тернер не расслышал ее сердцебиения под плотным пальто. Наверное, вас удивляет мое нежелание верить своим глазам – ведь я уже видел столько ужасных чудес и должен был привыкнуть. Но я не привык. Я по-прежнему надеялся очнуться от кошмара и возродить свой оптимизм – доказать, что все объяснимо. Может быть, я сошел с ума или смертельно заболел? Может быть, опухоль мозга рождает галлюцинации? Мысль о смерти уже не пугала меня. Гораздо больше пугала мысль о жизни – о жизни особого рода. Я не мог думать об этом без содрогания.

Но то, как просто все произошло, убедило меня в реальности случившегося. Если бы я придумал это воскрешение, мое воображение выстроило бы сложную сцену: ритуалы, заклинания, магия, наука, – все, что угодно, только не унылая обыденность чудовищного акта. Даже анализировать было нечего. Я мог поверить в чудовище Франкенштейна, оживленное посредством науки, в тайные амулеты и магические зелья, заклятия тайной власти и священные знаки, но только не в это. Мой разум бунтовал.

Наконец, отчаявшись заснуть или успокоиться, я решил прогуляться,

чтобы ночной воздух охладил мою голову. Я признавал, что последствия бойни в полицейском участке наверняка уже обнаружены, но не волновался об этом: все равно, арестуют меня или нет. Взял пальто и шляпу, вышел и запер за собой дверь. На лестнице и на улице никого не было – слишком рано, хотя на горизонте показалась тонкая полоска зари. Я собирался перейти улицу и направиться к реке, когда уловил чуть заметное движение в нише у боковой стены здания, где стояли мусорные баки. Сердце дрогнуло, но я решил, что это собака ищет объедки. В следующий миг стало ясно: среди баков кто-то прячется и он явно крупнее собаки. Я подошел ближе, всматриваясь в темноту. Незнакомец вжался в кирпичную нишу, словно пытался пройти сквозь стену. Это был мужчина.

– Эй! – позвал я. – Кто вы? Выходите.

С его губ сорвался еле слышный звук – что-то вроде бессловесной мольбы.

– Выходите!

Подстрекаемый любопытством, я сделал еще шаг и увидел, как мужчина воздел руки в умоляющем жесте.

– Не трогайте меня, – прошептал он.

Голос показался мне знакомым, и я взглянул в этого человека.

– Кто вы?

Он повернулся ко мне. Лицо его было бледным, одежда грязная и измятая. Секунду я моргал, не в состоянии соединить имя со знакомым лицом, а потом отшатнулся, хотя этот человек явно не мог причинить мне никакого вреда.

– Тернер! – воскликнул я, и он съежился.

Ледяная бесстрастная маска инспектора была безжалостно сорвана, лицевые мышцы беспорядочно подергивались. Он находился в состоянии сильного шока.

– Я не сделаю вам ничего дурного, – заверил я и протянул руку.

Тернер отпрянул со слабым криком, но я придвинулся к нему.

– Я не причиню вам вреда, – повторил я, доставая из кармана фляжку. Встряхнул ее – осталось не меньше половины. – Вот, выпейте. Это виски.

Грязная рука ударила меня по предплечью, отодвигая фляжку, но я силой прижал горлышко к его губам. Тернер глотал с шумом, словно пес, а затем тихо всхлипнул.

– Я шел за вами, – почти неслышно выдавил он. – Не знал, куда еще идти.

Он замолчал, а я использовал его собственный прием, выжидая, что еще он скажет.

– Что вы видели? – спросил я наконец.

– Я пошел в туалет. Кто-то постучал в дверь. Хиггинс ответил. Это была девушка. Он впустил ее... О боже!

– Вы видели ее, – сказал я. – Видели Розмари.

– Розмари... Я никогда не думал...

– Что еще вы видели?

– Она вошла, – шепотом продолжил он. – А за ней остальные. Я прятался...

Он издал жалобный протяжный стон.

– Что еще вы видели? – Я не хотел мучить его, но мне нужно было узнать.

– Она прошла в морг... и я слышал, как она сказала: «Элейн». И все.

– Она больше ничего не сказала? Только имя?

Я едва мог поверить в такую простоту. Именно так Христос воскресил Лазаря. «Встань и иди». Лучше бы не было таких чудес.

– Тернер, послушайте, – произнес я. – Мне нужно поговорить с вами.

Он смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

– Знаете, я не верил вам, – сказал он. – Думал, вы лжете или сошли с ума. Я был так самоуверен...

– Послушайте, – настаивал я. – Я знаю одно место. Там безопасно. Хочу отвести вас туда. Хочу поговорить с вами. – Я понизил голос. – Мне нужна ваша помощь.

Он снова взгляделся в меня.

– Помощь?

– Совершенно верно, – подтвердил я. – Там безопасно. Там вы сможете поспать.

Я не знал, в состоянии ли он хоть чем-то помочь. И все же решил: даже если инспектор тронулся, от него будет польза. От здравого смысла не было никакого прока – значит, нужно безумие.

– Вы поможете мне, – сказал я Тернеру. Обхватил его за плечи и поднял на ноги. – Мы убьем Розмари.

Я устроил инспектора в заброшенном доме на самой окраине Гранчестера и три дня ухаживал за ним. Он был в состоянии шока после пережитого ужаса, но постепенно приходил в себя. Мы почти подружились. Я отправлялся к нему, как только остальные засыпали, приносил еду, одежду, вино. Самое главное – я с ним говорил. Объяснил, что я собираюсь сделать, – уже не для себя, а ради спасения малой частицы человеческого, еще оставшейся во мне. У Тернера недолгие моменты здравомыслия

чередовались с длительными периодами мании, что сильно напоминало мое собственное состояние в первые мрачные дни голода.

Когда меня настигала «маленькая смерть», я выходил на улицы, охотился в одиночку или шел к Элейн за остатками добычи, но никогда не включался в игру вместе с остальными. Во-первых, я слишком боялся полиции, объявившей розыск в масштабах страны после «трагедии в кембриджском полицейском участке». Из Лондона были присланы сотни полицейских, с десяти часов вечера по городу ходили ночные патрули, останавливали и допрашивали прохожих. Фактически действовал комендантский час, хотя Лэмб из Скотленд-Ярда заявил, что убийства, скорей всего, были делом рук сумасшедшего. А пока полиция изучала слухи и ложные следы, мы с Тернером вели лихорадочные разговоры. Нас точно можно было принять за сумасшедших. Я высказал все свои открытия и теории, каждую свою мысль.

И в наших разговорах всегда присутствовала Розмари – неотразимая и ужасающая. Я делил ее с Тернером, как любовницу, сладостную и ядовитую. В воображении мы тысячи раз изгоняли ее, заклинали, убивали. Трое суток мы замыслили убийство, потом нанесли удар.

В последний день августа.

Два

Элис не знала, что бы она делала, окажись в доме кто-нибудь. Но там никого не было – пустое заброшенное строение, как и все окрестные здания. Тем не менее она с неожиданной ясностью поняла: именно здесь и встречаются эти твари.

При свете дня Элис увидела, что крыша дома полуразрушена: черепицы слетели, обнажив почерневшие балки. Все окна, кроме самых верхних, были разбиты, доски вместо стекол кое-как защищали от дождя. Одно незаколоченное окно щерилось осколками стекла, обгоревшие клочья занавески трепетали на ветру, как черный флаг. Элис осторожно подошла к крыльцу, добралась до взломанной двери. Деревянная филенка сгнила, петли вываливались, так что дверь не закрывалась до конца, словно приглашала войти в страшную сказку. Под треснувшей стеклянной панелью виднелись полустертые буквы – остатки списка жильцов, когда-то обитавших здесь:

Ш...ппер 1
...шли 2
...кин 3
Кен...и 4

Дом пустовал десятки лет. Элис оглянулась по сторонам – на улице не было ни души. Сделала глубокий вдох, толкнула дверь и ступила за порог, в темноту.

Внутри воняло сыростью, мочой, плесенью и веял слабый запах зверинца. Не только дети ночи использовали этот дом: на первом этаже остались следы других гостей – конфетные обертки, пластиковые пакеты и пустые тубики из-под клея. В углу стояла коробка со сломанными игрушками, покрытая толстым слоем пыли. Элис задумалась о том, что случилось с проникшими сюда юными правонарушителями, и содрогнулась.

В доме было так пусто и тихо, что Элис засомневалась. Может быть, дети ночи нашли себе другое пристанище? Но, толкнув дверь в квартиру № 2 – судя по списку жильцов, здесь жил кто-то по фамилии Эшли, – она поняла: инстинкт ее не подвел.

В углу лежал матрас, прикрытый одеялами; вдоль закопченной стены

выстроились в ряд стулья, стоял стол. На полу – бутылки, рассыпанная колода карт. На подоконнике – коробка из-под обуви, в ней шприцы и фольга. Свечи в пустых винных бутылках. К ручке двери привязан обрывок белой ткани с кровавыми письменами.

Атмосфера и ощущение предопределенности почти парализовали Элис. Ей казалось, что здешний воздух полон призраков; подобно ядовитым испарениям, они отравляли сознание, и вскоре она потеряла чувство реальности. Пропорции все время менялись: Элис одновременно была крошечной и беспомощно огромной, она застывала в преддверии ада и неслась быстрее света. Она стала марионеткой – дергалась на шелковой нитке вишневого цвета, танцевала, крутилась, боролась за каждый вдох...

Задыхаясь, Элис усилием воли стряхнула с себя этот морок и бросилась к окну. Призраки и иллюзии рассеялись; она успокаивала себя, заново училась дышать, собирала воедино раздробленные мысли.

«Бояться больше нельзя», – подумала Элис. Она приняла на себя обязательство и должна его выполнить, это неизбежно. Острая боль пронзала ее бок, пока она убегала от Джо, мчалась по переулкам, ныряла в арки; и в эти минуты Элис забыла про сковывающий страх. Как это получилось, она не понимала – просто осознала, что где-то между Кембриджем и Гранчестером твердо решила выжить. Наверное, она плохо подготовлена для низвержения Розмари и ее друзей, но она сделает все ради этого.

Неожиданный шум прервал мысли Элис, и волосы на ее голове зашевелились от страха. Одним движением она достала нож и повернулась лицом к едва заметному серому силуэту, выступившему из тени со словами:

– Наконец-то вы пришли сюда.

Элис замерла, сжав нож. Подстегнутый адреналином пульс отдавался у нее в ушах. Она узнала этого человека. Редкие седые волосы, небритые щеки, слезящиеся глаза и розовый шарф – тот самый бродяга, которого она встретила прошлой ночью. Мгновение она колебалась, но вспомнила про Джо и не убрала нож.

Старик едва заметно кивнул. Он выглядел трезвым; может быть, еще рано и он не успел надраться.

– Что вы здесь делаете? – спросила Элис пересохшими губами.

Старик опять кивнул.

– То же, что и вы, – ответил он. – Ну, почти. Я знал, что рано или поздно вы появитесь.

Бродяга критически глянул на нож Элис, посмотрел в ее бледное лицо,

упрямые и испуганные глаза. «Боится, – подумал он. – Но за страхом таится упорство, о котором она сама не подозревает».

– Помните меня?

Элис кивнула, по-прежнему настороженно.

Старик мрачно улыбнулся.

– Я не тот, за кого вы меня принимаете, – сказал он. – Это лишь способ заставить людей держаться подальше.

Элис прищурилась, пытаясь избавиться от прежнего впечатления.

– Я запомнил вас прошлой ночью. Сразу было ясно – вы что-то замышляете.

Голос старика стал твердым, спина распрямилась, глаза почти перестали слезиться.

– Не понимаю, о чем вы, – отозвалась Элис.

– Прекрасно понимаете. Я знаю, что вы увидели в Гранчестере той ночью. И вы читали книгу Дэниела Холмса.

Он сделал шаг вперед, словно хотел подчеркнуть свои слова.

– Не двигайтесь. – Элис уставилась ему в глаза, приподняв нож. – Откуда вы узнали?

Незнакомец с легким раздражением покачал головой.

– Убери нож, девочка, у нас нет времени.

– Нет уж, – возразила Элис. – Сегодня мне уже показывали этот фокус. Если хотите поговорить...

Неожиданно старик подался вперед. Элис не успела отпрянуть, как он поймал ее руку, в которой был нож, и резко выкрутил. Его пальцы впились в тыльную сторону запястья. Элис инстинктивно дернулась назад, но старик уже поднес нож к ее горлу и стиснул левую руку; боль от захвата, пронзившая локоть и плечо, заставила девушку приподняться на цыпочки. Старик пару секунд подержал ее так, затем разжал руки.

– Вот, возьми свой нож, – сказал он, протягивая оружие. – В следующий раз держи его так, чтобы прикрывать себя, а противника удерживать на расстоянии вытянутой руки. А вот так тыкать лезвием бессмысленно. – Его голос повеселел. – Ну что, теперь уберешь его?

Элис положила нож в карман и принялась растирать ноющее плечо.

– Что вам нужно?

– Ты хочешь спрятаться в этом доме. Если поднимешься наверх, под самой крышей найдешь каморку с моими припасами – пара одеял, шоколад, фляжка с чаем. Бери все, что тебе нужно. Жди, пока не наступит ночь. Там еще несколько канистр с бензином – для чего, узнаешь позже. Ты...

– Стойте, – прервала его Элис, опомнившись от изумления. – Кто вы? И что тут делаете, черт побери?

– Могу задать тот же вопрос, – отозвался старик. – Я ждал тебя.

– Зачем?

– Пора тебе понять, против чего ты выступаешь, – ответил он. – Не перебивай, и старик расскажет все, что знает.

Элис смотрела на него, уже сомневаясь, действительно ли он трезв. Воспаленные глаза были покрыты сеткой лопнувших сосудов. Старик кивнул.

– Умная девочка. Ты знаешь, кто я такой.

Элис вдруг поняла, что и правда знает.

– Вы инспектор Тернер, – сказала она.

Он ухмыльнулся, показав сломанный зуб.

– Инспектора давным-давно не существует. Он умер, когда девица воскресла из мертвых. Осталось то, что ты видишь. Я Алек, девочка моя, просто Алек. – Он пожал плечами. – И знаешь, Элис, это не так уж плохо.

– Я думала... – Голос Элис сорвался. – Может быть...

– Ты думала, что я полицейский под прикрытием, который в последнюю минуту придет и всех спасет? – Старик невесело усмехнулся. – Нет. Когда-то... – Он умолк. – Но все прошло. Она убила меня, как убила Дэниела Холмса. На это понадобилось больше времени, только и всего.

Тернер уселся на подоконник, спиной к сумеречному зеленоватому свету.

– Холмс рассказал мне о дневнике, прежде чем отправиться в Фулборн. Сообщил, что собирается спрятать его в стене церкви. Он предполагал, что воскресшая Розмари сразу направится туда, и хотел, чтобы его кремировали. Тогда ей не удастся его призвать. Но дневник Холмс хотел сохранить. Понимаешь, он все понял верно. Правда, ему это уже не помогло, но теперь Розмари может прикончить кто-то другой. Мы-то с ним тогда... – Он замолчал и сплюнул, откашлявшись. – Но он хорошо придумал. Розмари можно убить и похоронить, и она будет лежать, пока не останется никого, кто мог бы ее призвать. Вот такая идея. Очень просто. Как только я посмотрел на тебя, я решил, что ты сумеешь... Ты выглядела именно так. Но теперь... – Старик снова сделал паузу, сжав кулаки в перчатках без пальцев. – Ты не готова сражаться с ними. Думаешь, они будут покорны, как ягнята? Сама знаешь – она не одна. С ней эти твари, Холмс называл их детьми ночи. Ты не видела их за работой. Я пойду с тобой. Подготовься. Или ты собиралась справиться в одиночку со всеми разом?

– Я уже подготовилась, – без особой уверенности ответила Элис. – Насколько возможно.

– С этим игрушечным ножиком? Ты на самом деле хотела им кого-то убить?

– Я решила...

– Ничего ты не решила. У тебя есть более важная задача, чем нарываться на смерть: сделать то, что не вышло у старика. Кроме тебя, больше никому. Я останусь снаружи, в переулке между домами. Разберусь с теми, кто придет. – Он заметил удивленный взгляд Элис. – Думаешь, не смогу? Считаешь меня пропащим старым пьяницей? – Он сунул руку в карман и извлек какой-то предмет. – Видишь?

Тернер показал Элис револьвер. Оружие показалось ей древним, но было отлично начищено: деревянная рукоятка лоснилась, как любимая клюшка крикетиста, а свет, сочившийся сквозь узкое окно, играл на гладкой металлической поверхности холодными серыми отблесками.

– Как бы ни было тяжело, я его сохранил, – с гордостью сказал Тернер. – Когда все продал, когда жена ушла, когда меня хотели объявить сумасшедшим. Когда пил по-черному и когда завязывал. Я его сохранил. Всегда помнил, что в один прекрасный день он мне пригодится. – Он махнул Элис пистолетом, улыбаясь кривой полубезумной улыбкой. – Иди наверх. Я буду присматривать за улицей. Старый алкаш не вызовет подозрений. Когда эти твари придут, я их остановлю. А ты делай свое дело. Сама знаешь, что нужно.

Элис колебалась, и Тернер поторопил ее.

– Иди же! Поговорим потом. Я много лет ждал. Ждал и гадал, не умру ли раньше... Но теперь это не важно. Важно одно: у нас с тобой есть работенка, и ее надо сделать. Будь осторожна. Ошибиться нельзя. Надо убить всех, кто может ее призвать. Всех.

Поднявшись в каморку, о которой говорил Тернер, Элис выглянула в окно. Ей показалось, что она видит темный силуэт старика на фоне стены. Он прятался в тени, поджидая гостей.

Каморка располагалась под самой крышей; наверное, когда-то здесь был мезонин. В уцелевшее застекленное оконце Элис видела большую часть улицы. Холодало, сквозь разрушенную крышу на чердак смотрело серое вечернее небо. Элис взяла одно из одеял Тернера, укрыла ноги и стала ждать. Она нашла фляжку с чаем и несколько шоколадных батончиков, согрелась, и часам к десяти вечера ее повело в сон.

Неожиданно в полудреме она уловила движение внизу и инстинктивно

отпрянула. Потом, очень осторожно, снова приблизилась к окну и посмотрела на улицу через пыльное стекло. Заметила какой-то отсвет в тени, словно бледное лицо, поднятое к свету. Кто-то украдкой рассматривал дом.

Элис почувствовала тошноту и возбуждение. «Только не сейчас! – отчаянно подумала она. – Я не готова!» Осознание реальности обрушилось на нее: одна в логове детей ночи, никто об этом не знает, единственная защита – дурацкий ножик. Если она умрет, ни один человек не узнает, что с нею случилось.

Элис заставила себя встряхнуться. «У меня перед ними преимущество – внезапность. И ведь Дэниел справился с ней, в этом самом доме. Они не знают, что я здесь. Мне ничто не грозит. С другой стороны, у Джинни есть друзья, готовые помочь...» От одной этой мысли Элис пробил озноб. Она заставила себя выглянуть наружу. Да, там кто-то стоял – ее пристальный взор, обостренный паникой, различал человеческую фигуру.

Она достала нож, взвесила его в ее руке – смехотворный, словно бутафорский. Тем не менее его тяжесть успокаивала, и тошнота немного отступила. Элис начала действовать.

Держа нож перед собой, она спускалась по лестнице, напрягая зрение в темноте. Дюйм за дюймом – подошвы беззвучно касались подгнивших досок, сердце колотилось где-то в горле, как барабан. Элис принуждала себя ровно дышать, вопреки сильнейшему искушению замереть и прислушаться, чтобы не пропустить ни единого звука. Раз-два, вдох – выдох. Стараясь перешагнуть сломанные ступеньки, она выбросила все прочие мысли из головы, сосредоточилась на дыхании, на пульсации крови и так дошла до нижней площадки. В доме никого не было.

Значит, они снаружи. Она видела только один силуэт, но могут быть и другие. Выйти и встретиться с ними? Все в ней сопротивлялось этой идее, но Элис понимала: промедление будет им на руку. Если бы незаметно выбраться из дома! Может, удалось бы застать их врасплох. К тому же на улице остался Тернер со своим оружием. Мысль о том, что старик недалеко, что его заслуженный револьвер ждет своего часа под розовым шерстяным шарфом, и подбодрила Элис, и заставила еще сильнее нервничать. Что они вдвоем могут сделать против Розмари и ее дружков? Пьяный безумный старик и ненормальная художница, не верящая в здравость собственного рассудка?

Элис представила себе Тернера, притаившегося в тени. Чтобы не думать, какой он старый и дряхлый, опять сосредоточилась на дыхании. Рукоять ножа в ее ладони стала скользкой от пота, но сознание неожиданно

сделалось холодным и ясным. Элис вышла в узкий переулок вдоль торца здания. Изначально, должно быть, здесь был проход с улицы на задворки или место для мусорных баков, а теперь его запрудила груда старых консервных банок, деревянных обломков и прочего мусора. Пробираясь к выходу из проулка, Элис споткнулась, услышала, как под ногой хрустнул какой-то осколок, и застыла. Прижалась спиной к грязной стене и огляделась по сторонам, сжимая рукоять ножа.

Вокруг никого не было.

Элис подобралась ближе к выходу из переулочка, перегороженному припаркованной машиной, и осмелилась выглянуть на улицу... Она собиралась с духом, чтобы увидеть поджидавших ее детей ночи, но там не оказалось никого. И что теперь делать?

Элис снова осторожно огляделась. Лезвие ножа пронзало ночной воздух, когда она поворачивалась.

– Тише! – прошипел Тернер. – Хочешь, чтобы тебя услышали? Пригнись!

Оба притаились за автомобилем.

– Я кого-то заметила, – прошептала Элис.

Тернер кивнул.

– Оставайся на месте и не шуми. Они не должны тебя увидеть. Обо мне не беспокойся.

Он развернулся, сделал несколько шагов и вышел на свет уличного фонаря.

Элис досчитала до десяти и снова нырнула в укрытие, осторожно посматривая на улицу из-под ржавого днища машины. Поле зрения было ограничено, и примерно минуту она не различала ничего, но была уверена: теперь-то они точно здесь. Она чувала их всем телом – ступнями, касавшимися земли, руками, упиравшимися в грязь, носом, обонявшим запах лежалого мусора и разложения.

Дети ночи где-то рядом.

Когда они появились, Элис не испытала шока – только сердце на миг замерло, потом забилось с удвоенной силой, а в ушах загудело, как всегда при избытке адреналина.

Неожиданно у нее в голове, вызывая неуместный смех, раздался приглушенный призыв: «Время, джентльмены!»^[20] Затем верх взяла хладнокровная и рациональная Элис, как тогда, на ярмарке. Нет, уже не время – поздно паниковать, подумала она. Она вглядывалась в узкий просвет под днищем машины, пока не увидела детей ночи.

Пришли все, кроме Джинни. Конечно же, Джинни осталась с Джо, а ее

приспешники отправились ночевать в убежище. Элис узнала Рэйфа по светлым волосам, Джаву – по высокому росту и легкому клацанию мотоциклетных ботинок. Звуки странным образом усиливались в тихом ночном воздухе, и казалось, что она может определить каждого из спутников Джинни по шагам. Элис рассмотрела Элейн, державшуюся в тени, и Антона около нее. Дети ночи подошли ближе, уличный фонарь облил их лица и плечи тусклым, неверным светом. Джава почти беспечно оглянулся по сторонам, и Элис вздрогнула, уверенная, что он ее заметил.

Его взгляд остановился, сосредоточился на чем-то или на ком-то. Тернер? Элис услышала шаги старика и протиснулась под машиной вперед, чтобы как-то наблюдать за происходящим. Осмелилась бросить быстрый взгляд из-за грязной крыши и успела заметить несколько силуэтов, сгрудившихся под фонарем рядом с домом, – компания что-то обсуждала. Тернер направился к ним шаткой походкой пьяницы, что-то бормоча, словно разговаривал сам с собой. Потом произнес громко, как уличный попрошайка:

– Эй, ребята! Подайте старику на чаек!

Элис не увидела, но услышала, что они обернулись посмотреть на него. Голос Джавы сказал:

– Старина, вали отсюда побыстрее.

– Ну вы чего? – заныл Тернер. – Жалко, что ли, монетку? Десять пенсов, всего-то десять пенсов.

– Ты глухой? – Голос стал жестче. – Убирайся прочь, не лезь.

Элис поняла, что Тернер подошел к ним совсем близко, почти вплотную. Он что-то жалобно лепетал.

– Я тебя предупредил... – начал Джава, находившийся вне поля зрения Элис.

Потом донесся тихий звук удара, будто кого-то толкнули; шорох подметки, проехавшейся по мостовой. Затем – выстрел. Кто-то закричал.

Тернер выстрелил еще раз. Новые звуки: суматоха, топот бегущих ног, два выстрела один за другим. Крики.

Звук бьющегося стекла. Не забывая об опасности, Элис вскочила на ноги и метнулась из проулка на улицу, держа нож наготове. Кроме круга тусклого оранжевого света под фонарем, все тонуло в темноте, но она нашла Тернера, скорчившегося у припаркованной машины. Пистолет выпал у него из рук. Рядом оседал на землю Рэйф, его окровавленные пальцы цеплялись за машину, оставляя смазанные отпечатки-пентаграммы на стеклах. Слева послышался какой-то звук. Элис вскрикнула, почти вслепую полоснула ножом – и лезвие вспоролось ткань. Она ощутила прилив энергии,

бросилась на того, кого только что задела, и на краю светового круга узрела Антона с Заком, отползающих в тень. Глаза у них светились, как у котов, Антон шипел, показывая зубы. Дети ночи растворились во тьме.

Клацанье металла раздалось справа, с другой стороны улицы. Джава был почти невидим, но Элис чувствовала его взгляд, видела блеск заклепок и цепей, когда он убегал прочь.

Тишина.

Элис не двигалась и молчала примерно минуту. Улица была пуста, никто не вышел на шум. Голова кружилась после выгоревшего адреналина, но Элис заставила себя осознать и собрать в единое целое отдельные фрагменты того, что сейчас произошло. На миг перед глазами промелькнула череда кадров, словно картинки в волшебном фонаре.

Потом Элис вспомнила про старика и позвала его.

– Я тут. – Почти неслышный шепот доносился из тени за машиной.

Элис бросилась туда.

– Тернер!

Несколько мгновений лицо бывшего инспектора расплывалось бледным пятном в тусклом свете фонаря, затем Элис увидела кровь на его шарфе и на щеке. Он протянул руку.

– Пришил двух гадов, – выдохнул старик. – Женщину и блондинчика. Кажется, зацепил высокого мерзавца. Остальные ушли.

Дыхание жутко клокотало у него в горле, раны кровоточили.

– Не волнуйтесь, – сказала Элис. – Я вызову полицию. Вас отвезут в больницу. Держитесь. Вот, давайте я замотаю шарфом...

Тернер жестом призвал ее молчать.

– Некогда. – Он потянулся за револьвером, который выронил при падении. – Возьми, пока они не вернулись. Бери!

Элис огляделась. Вопреки всему, у нее осталось ощущение победы.

– Не думаю, что они вернуться так скоро.

– Быстрее!

Но Элис уже подхватила его под мышки и потащила в переулок.

– Все будет в порядке, – произнесла она. – Только держитесь.

В полутемном доме Элис зажгла свечу, принесенную из квартиры Эшли, и осмотрела раны старика. Он был в сознании, но потерял много крови и дрожал всем телом; глаза его воспалились. Рана была не слишком глубока, нож (если, конечно, Тернера ударили ножом) не задел ни гортань, ни сонную артерию.

Элис имела слабое представление о первой помощи, поэтому лишь

попыталась остановить кровь и укрыть старика от холода. Самым теплым местом в квартире была кухня; там нашелся старый матрас, а одеяла Элис принесла сверху. Заколоченное окно хоть немного защищало от уличного холода. Элис помогла Тернеру добраться до матраса и устроила его поудобнее. Закончив с этим, вышла на улицу, подобрала револьвер и осторожно оттащила трупы в проулок, с глаз долой. Элейн сразил выстрел в голову; ее бледное лицо казалось почти прекрасным. Рэйф получил три или четыре пули в грудь. Он лежал, раскинув тонкие руки, кровь забрызгала его юное ангельское лицо. Похоже, оба погибли мгновенно.

Перепаханная кровью, Элис вернулась в дом и задумалась над сложившейся ситуацией. Пока, размышляла она, положение дел не радует. Элейн и Рэйф мертвы, но остаются Джава, Зак, Антон и, конечно же, Розмари. Они предупреждены, опасны и жаждут мести. Тернер истекает кровью и может умереть. Нет никакой возможности вызвать помощь. А преимущество неожиданности утрачено.

Элис сделала все, что смогла: принесла фляжку с остатками чая и немного шоколада из чердачного укрытия Тернера, взяла его пистолет, вышла в разоренный вестибюль и принялась ждать.

«Одно утешение, – тупо подумала она, – долго ждать не придется».

Два

Джинни, похоже, задремала, положив голову на полусогнутую руку Джо. Свет лампы озарял ее лицо, зажигал в волосах десятки огненных искр. Очертания нежного подбородка были безупречны, а завиток волос, спадавший на шею, отбрасывал на бледную кожу золотистый отблеск. На Джинни был темно-красный пуловер Джо, и этот цвет, вроде бы не подходящий для рыжей девушки, подчеркивал ее хрупкость, полудетскую чистоту и изящество. Джо осторожно пошевелился, не желая тревожить подругу, но она уже открыла глаза и улыбнулась ему.

– Что, пора? – спросила она.

Джо кивнул.

– Почти. Хочешь чего-нибудь выпить? Может быть, шоколаду? Или поесть?

– Я не голодна, – ответила Джинни.

– Включим радио? Я будто слышу какой-то... ритм.

Пальцы Джо нервно отстукивали быструю сложную последовательность на подлокотнике кресла. Джинни кивнула, и он перевел рычажок на диапазон ФМ.

– Мне нравится эта песня, – сказала девушка и стала тихонько напевать в такт: – Ла-ла-ла... Лав-стрит... Ла-ла-ла-ла, Лав-стрит...

Она прикрыла глаза и раскачивала головой под мелодию, совершенно поглощенная ею.

Джо улыбнулся.

– Удивительно, что ты ее знаешь. Эту песню крутили еще до твоего рождения. Только старпёры вроде меня помнят те времена.

– Я не такая уж юная.

Джо попытался снова улыбнуться, но сморщился от головной боли.

– Что с тобой, Джо?

– Голова трещит. Не волнуйся, пройдет. Я принял аспирин.

Вдруг промелькнуло смутное воспоминание... что-то связанное с Элис. Неужели он опять сорвался? А Элис? Он потряс головой. Вспомнить ничего не удалось, а головная боль усилилась. Джо заташнило, и мир рассыпался на тысячи световых точек, пляшущих перед глазами.

– Джо! С тобой все в порядке?

Голос Джинни звучал странно, искаженно, а собственный голос Джо стал невероятно далеким, как радиопомехи в приглушенном приемнике.

– Вот, возьми. – Джинни сунула ему в руку таблетку.

– Что это?

– Поверь мне, и сразу станет лучше.

Джо проглотил таблетку, не запивая. Она слегка горчила, но тошнота тут же прошла, и мир снова обрел четкие очертания.

Джо сделал глубокий вдох.

– Ну как, полегчало?

Он кивнул.

– Кажется, да.

Еще один глубокий вдох – и все действительно прошло. Джо был абсолютно здоров, уверен в себе и полон энергии. Он вскочил на ноги, одним движением подхватил Джинни и крепко обнял.

– Спасибо, доктор! Как здорово, что ты здесь! – Он широко улыбнулся. – Я чувствую себя великолепно. Почаще бы так!

Затем улыбка исчезла, глаза прищурились, и он сразу стал намного старше.

– Должно быть, ссора с Элис выбила меня из колеи, – вслух подумал Джо. – До этого все было нормально. Она...

Он умолк. Пальцы принялись выбивать тот же ритм по подлокотнику.

– Элис наговорила ерунды про тебя, и я взбесился. Надо было... – «Прикончить ее». – Как-то ее урезонить. Но когда я до этого додумался, она уже удрала.

Джо моргнул и потер глаза. Кажется, ему все-таки нехорошо.

– Нужно помочь Элис, – продолжил он. – Если она говорила правду, твои бывшие приятели уже обработали ее. Она поверила им, проглотила наживку вместе с крючком, леской и поплавком. Черт знает, что еще они наболтали.

Джинни кивнула.

– Вот именно. Даже не хочу думать, что будет, если она пошла в тот дом. Ты должен вытащить ее оттуда, пусть даже силой. Объяснишься потом, когда она придет в себя. Уведи ее оттуда, и чем скорее, тем лучше.

Джо нахмурился. Где-то на краю сознания маячило воспоминание, но он никак не мог зацепить его и вытащить на свет.

«...Ничего не помню. Я хотел причинить тебе вред, Элис?..»

«...Тсс, не беспокойся...»

«...Но сделал ли я что-то?..»

– Я не хочу причинять Элис вред, – задумчиво произнес он. – Может быть, лучше вызвать полицию. Она...

Джинни возразила неожиданно резко:

– Думаешь, Элис понравится, если ты ее втянешь в это? Я же говорила: парни торгуют наркотой, у них криминальные дела. И полиция поверит, что Элис ни при чем? Сначала надо увести ее оттуда. Или сразу накатать на нее заявление.

Джо вздохнул и устало согласился.

– Ты права. Наверное, они уже спят, можно увести ее незаметно. А если она не пойдет? Я не могу просто...

Он неуверенно замолчал и глянул на Джинни, ожидая поддержки. На мгновение ее силуэт закружился перед глазами, с рыжих волос слетали искры. Затем зрение Джо затуманилось, но искры продолжали вспыхивать на сетчатке, как неоновые огни. Джо потряс головой, чтобы избавиться от наваждения, и словно издали услышал собственный голос, приглушенный, бесстрастный:

– Мне и правда нехорошо. Может быть, надо пойти к врачу. Кажется, я не в форме...

– Поверь мне, – ласково сказала Джинни, – мы должны найти Элис. Это будет легко, обещаю.

Она достала из сумочки косметичку, расстегнула молнию и показала то, что лежало внутри: шприц и четыре ампулы с бледно-желтым веществом. Посмотрела на Джо и ободряюще сжала его руку.

– Не беспокойся. Мне их дали в больнице, когда я выписывалась. Это всего-навсего транквилизатор, в небольших дозах. Один укол сделает ее сонной и покорной. Два вырубят начисто.

– Мне кажется... – начал Джо, но Джинни снова прервала его.

– Это на крайний случай. Лекарство не причинит вреда, обещаю. А если Элис встретит тебя враждебно и откажется уходить? Ведь стоит ей крикнуть, и они сбегутся всей толпой. Ты же не собираешься драться с этой бандой.

Джо помолчал и согласился.

– Ладно. Но только на крайний случай. Если ничто другое не поможет.

Джинни улыбнулась ему. Глаза ее были ясными и невинными. Она аккуратно застегнула косметичку и протянула Джо.

– Вот, возьми.

Один

Все они собрались в квартире Розмари: Рэйф, Джава, Антон, Зак, Элейн – все, кроме нее самой. Я сказал, что хочу поохотиться в одиночку, пусть меня не ждут. Они не стали спорить – привыкли к моей отчужденности. Элейн – единственная, кто мог что-то заподозрить, – не говорила ни слова с тех пор, как Розмари воскресила ее. Она сидела в углу, выплакав все слезы, и раскачивалась взад-вперед, как испуганный ребенок.

Время близилось к полуночи. С десяти вечера мы с Тернером прятались в переулке и следили, чтобы все шло по плану. В одиннадцать явилась Розмари. Она быстро удалилась, пройдя так близко от меня, что я уловил запах духов в недвижимом воздухе. От ее близости закружилась голова, но я быстро взял себя в руки. Положил ладонь на плечо Тернера – его тоже била дрожь. Чары Розмари действовали на всех.

В ту ночь он был энергичен и воодушевлен, и не только от вина (мы оба выпили для храбрости). Первый и последний раз мы действовали не поодиночке. В ту ночь я был счастлив.

В полночь мы поднялись по лестнице в квартиру. Я был спокоен, Тернера трясло в предвкушении схватки. Я отпер дверь своим ключом и вошел. Как и ожидал, все были в спальне, пили вино. После охоты они стали вялыми, расслабленными и потеряли бдительность. Элейн лежала на кровати, ее волосы разметались по подушке, как у русалки.

Тик-так... тик-так... тик-так...

Я заставил себя говорить обычным спокойным голосом, хотя во рту пересохло, а нервы натянулись, как струны.

– Простите, что задержался, – сказал я. – Для меня осталось вино?

Зак протянул бутылку, держа ее за горлышко, и сонно улыбнулся. В тот миг он показался мне очень юным и очень чуждым. Красота Зака была почти невыносимой и возвышенной – отчасти потому, что я собирался убить его.

– Я возьму стакан, – промолвил я и пошел на кухню.

Там я нашел стакан и поставил его у раковины. Потом отсоединил плиту от газовой трубы и открыл кран. Достал из кармана маленькую отвертку и снял рычажок с крана, чтобы никто не мог закрутить его обратно. Потом включил воду в раковине – пусть думают, что в кухне кто-то остался. Все это было несложно, мы репетировали каждый день на минувшей неделе. Ощущая звенящую пустоту в голове, я заставил себя

проверить, закрыто ли окно. Потом тихо покинул квартиру и запер ее снаружи, заткнув замочную скважину, чтобы нельзя было открыть. Мы замерли у двери, затаив дыхание, но слышали лишь приглушенные голоса из спальни, где компания Розмари пила вино и рассеянно гадала, почему я не возвращаюсь. Затем я достал из кармана большой рулон липкой ленты, какую используют для изоляции труб, и заделал дверные щели по периметру. Я аккуратно отрезал полосы ленты макетным ножом, чтобы края были ровными. В два слоя проклеил стык двери и косяка, убедился, что внутрь не попадает воздух.

Настал критический момент: надо было выждать пять минут, чтобы газ проник во все уголки квартиры. Если кто-нибудь отправится искать меня на кухню и услышит шипение... Мы наострили уши. Тернер безмолвно дрожал, глаза у него стали круглыми, как у совы. Никто никуда не пошел. Голоса в спальне звучали сонно, лениво – словно на собрании британских поэтов девятнадцатого века, обсуждающих искусство. Затаив дыхание, я ждал.

Я слышал тиканье часов в своем кармане – гулкое, словно под водой. Каждая секунда на шаг приближала мое спасение.

Тик-так... тик-так... тик-так...

Один/Два

Элис встрепенулась и открыла глаза, когда свет фонаря упал на ее лицо. От холода и неудобной позы тело затекло, и она потянулась, пытаясь размяться.

Джо вдруг вспомнил ярмарку: как они гуляли под ручку с юной Элис, а в ее глазах отражались неоновые звезды.

Увидев Джо, Элис резко села.

– Что ты здесь делаешь?

Со сна она говорила не вполне четко, в голосе звучала настороженность. Джо решил, что знает почему. Его взгляд блуждал по углам комнаты, отмечая запятнанные кровью одеяла, грязь, использованные шприцы на истертых половицах. Да, он все понял.

– Не беспокойся, Элис, – произнес он как можно мягче.

Элис коротко и хрипло засмеялась. Она быстро огляделась и увидела Джинни, неподвижно стоящую у двери. Элис заговорила с Джо, не сводя с нее глаз.

– Это старый трюк, Джо, – сказала она. – Потерянная девочка рассказывает о своих несчастьях. Она использует это для прикрытия – если ее найдут, ответит за все очередной простофиля. Она всегда так делает. Кормится людьми, берет их любовь и жизнь, одних превращает в жертв, других в чудовищ. Разве ты не видишь? У нее на лице написано: «разрушение». Если не веришь, посмотри в переулке – там два трупа. А за дверью раненый старик, если он еще жив.

Элис медленно переносила вес на ноги, готовясь вскочить. Пальцы на рукояти пистолета дрожали.

Наступило молчание, холодное и пустое, как космос. Затем Джо шагнул вперед.

Его лицо было непроницаемо, руки в карманах.

– Элис, – сказал он, – ты больна. Не знаю, какой дрянью напичкали тебя эти люди и о чем речь, но ты явно больна. Тебе надо домой, я отведу. А потом обратимся к врачу. Тебе нужно лечиться.

Еще шаг. Элис вдруг заметила, что у него в руке. Игла? Она отшатнулась.

– Что это? – резко спросила она. – Кто дал тебе шприц?

– Тебе станет лучше. Я не причиню вреда, поверь.

Джо говорил раздражающе спокойно, будто уговаривал неразумное

животное.

Элис не сводила с него глаз. Она указала подбородком на Джинни.

– Это ее шприц?

– Я не позволю тебе обвинять...

– И ты ей веришь, – сказала Элис, отступая к двери и плавно поднимая старое полицейское оружие. – Да, это настоящий пистолет, – отметила она вслух и подавила неуместный смешок.

По-прежнему наблюдая за Джо и девушкой, Элис поворачивала дверную ручку и едва удерживалась от желания рассмеяться. «Это же комично: я с древним пистолетом, а у Джо такое лицо...» Элис улыбнулась. Даже истерика не пугала.

Внезапно она застыла. Смех замер. В переулке послышались шаги.

Элис отпрянула от двери, пытаясь сообразить, как стрелять из пистолета. Где-то тут предохранитель... Черт, она даже не знала, заряжено ли оружие.

Дверь открылась, и вошли дети ночи.

Элис нашла в себе силы посмотреть на них холодно и скрыть дикий восторг при воспоминании о том, почему нет Рэйфа и Элейн.

– Джо, будь осторожен, – предупредила она.

Джава глянул на нее и повернулся к Джинни.

– Двоих мы потеряли, – сказал он. – Старик их застрелил. – Он снова глянул на Элис. – Я перерезал старому дураку горло. Он больше не помешает.

Было темно, но Элис почувствовала, что Джо вздрогнул. Она помнила о трех фигурах, преграждавших выход, и о Джинни с другой стороны, поэтому двинулась к двери в глубине комнаты, осторожно переступая через битое стекло, жестянки и прочий разбросанный мусор. Пришлось пройти мимо Джо так близко, что она почти коснулась его. Элис была очень осторожна – помнила, как он напал на нее дома. К тому же Джо держал в руке шприц, в котором совершенно точно был не витаминный коктейль. Но Джо растерялся, и она заметила его неуверенность, скользнув мимо в полутьме. Он уронил фонарь, осветивший дверной проем и башмаки Джавы. Огромные тени ночных созданий легли на потолок.

– Элис! – Голос Джо слегка дрожал. – Какой старик? Элис!

Внезапно он стал прежним, шагнул вперед и поскользнулся на каком-то соре.

– Черт! Что это за дрянь?

Но на него не обращали внимания. Пока он говорил, Элис подскочила к двери, оттолкнув Джинни, и исчезла в коридоре. Джава и Зак рванулись

за ней, но опоздали, запнувшись на мусоре.

– Далеко не уйдет, – сказал Джава. – Антон, следи за дверью. Зак, ты со мной.

– Элис! – позвал Джо слабым голосом.

В непроглядной тьме Элис неслась к лестнице. Она бежала, и паника подгоняла ее. Вдруг ей показалось, что она летит против ветра, как ведьма с упавшими на глаза волосами, одним движением мизинца укрощающая ветер.

«Черт побери, что это было?»

Охваченная паникой, Элис резко вернулась к реальности. О чем она только что думала? Что-то неуловимое, мистическое, какое-то странное ощущение...

Обреченность...

Восторг...

Простор и скорость...

Это было так, словно она переросла саму себя, на мгновение утратила всякий страх.

Элис пробежала лестничный пролет, свернула; рукоять пистолета скользила во вспотевшей ладони. Толкнула дверь за спиной и отступила во тьму. У нее не осталось сил – только разум и пистолет. Все эти ощущения – иллюзии, помехи. Комната внезапно показалась куда больше, чем она ожидала. В полутьме, закрыв за собой дверь, Элис разглядела уцелевшее окно с поднятыми занавесками, пятно лунного света на столе, подсвечник и колоду карт в этом пятне. На лестнице послышались шаги. Элис различала стук ботинок по деревянным половицам, отдаленные голоса, металлические, как на звуковой дорожке старого фильма. Обрывок музыки, унесенной порывом черного ветра, шум закружившейся карусели. Один поворот – небо над головой, другой – небо под синей гладью воды.

Шаги уже на площадке. Элис подняла пистолет. Полосу света под дверью пересекла тень чьих-то ног.

Тик-так...

– Газ! Утечка газа! Газ!

В голосе Тернера даже сейчас хватало властности, чтобы поднять жильцов с постелей. Запах довершил остальное, и за несколько минут мы очистили здание. Тернер убедился, что никто не стал геройствовать и не последовал за нами в дом, а я взял канистру с бензином и разлил ее содержимое по полу на третьем этаже. Я ничем не рисковал – обугленные тела не опознают. Ни звука из комнаты, за дверью гудела пустота, как

черный ветер или шум моря в ракушке. Я пропитал бензином носовой платок, взял фонарь и стал спускаться по лестнице. Тик-так, щелкало сердце, как лезвие ножа о камень, заглушая оцепенелые мысли.

Черный ветер усилился, ледяная музыка тихо зазвучала в пустой галерее, словно мертвый менестрель с лютней, сделанной из костей и волос, запел песню ненависти под черной луной. Я понял, что Розмари там, прежде чем увидел ее, ощутил ее дыхание у своего уха, обернулся – и посмотрел ей в лицо.

Боже, это лицо!

Восторг...

Тик-так...

Джо теряет равновесие и опирается ладонью о стену, чтобы не упасть. К нему постепенно возвращается ночное зрение. Он ждет, пока земля перестанет уходить из-под ног, и пытается рассуждать логически. Снова и снова в памяти звучат слова Джавы.

«Я перерезал старому дураку глотку».

Дверь охраняет оборванный мальчишка, похожий на тощего гнома-стражника. Рассеянный тусклый свет озаряет его бледное лицо. Волосы Джинни сияют в сумраке. Она смотрит во тьму, и ее глаза – как два провала.

Джинни кажется бесплотной, ее прозрачная фигурка соткана из дыма. Джо гладит ее руку, но девушка не отзывается. Он смутно понимает: где бы она ни была, она не здесь.

– Джинни!

Он чуть не плачет. Она замерла, погруженная в себя. Огромным усилием Джо заставляет свое застывшее тело двигаться. Темнота давит на него, как камень. Ужас толкает его вперед, когда он переступает порог и чувствует на шее холодное дыхание маленького оборванца. Но мальчишке велели стеречь дверь, и он повинуетя, несмотря на голодный оскал и недовольное бормотание. На кухне темно, Джо почти ничего не видит, пробираясь к груде одеял под окном. Пахнет пылью, застарелой грязью и болезнью – страшной болезнью. Так же пахло в больнице, где умер дедушка, так же пахла старуха с шариками на ярмарке много лет назад. Джо душит страх, затаившийся внутри с детских времен. Он борется с этим страхом, от которого перехватывает горло. Сон – или воспоминание о сне – возвращается так ясно, что на мгновение Джо забывает, кто он и где находится.

Тик-так...

Тик...

Дверь открывается, и Элис поднимает пистолет, помедлив лишь на секунду – вдруг это Джо. В комнату льется свет, целая радуга: розовый, голубой, желтый, зеленый. В ноздри ударяет пряный запах: похоже на арахис, печеные яблоки и сахарную вату. На секунду Элис забывает, где находится, и едва помнит, кто она такая. Смотрит на себя и видит (грязные джинсы порваны на коленях, линии на ладонях окрашены кровью, трикотажная рубашка измазана копотью, пистолет ходит ходуном в трясущейся руке) пряди темных волос, спадающие на плечи, чистую индийскую юбку. Элис совсем теряет ориентацию и хмурится, пытается что-то вспомнить... На ее плечо ложится рука. Ласковый голос говорит:

– Пошли, Элис. Все в порядке, ты просто на минутку отключилась.

– Джо?

Он усмехается, отводя длинные волосы с глаз.

– А кто ж еще. С тобой все в порядке? Тебе тут предсказывали судьбу, и ты потеряла сознание или вроде того. Жарко, наверное. Пойдем, я куплю тебе мороженое.

Элис нахмурилась.

– Мне предсказывали судьбу?

– Да. Ты что, не помнишь?

Она покачала головой.

– Через минуту-другую все пройдет! – говорит цыганка и улыбается.

Она кажется странно юной в неоновом свете. Отблески ярмарочных огней играют на ее рыжих волосах.

Странно, что она рыжая, рассеянно думает Элис. Я-то считала, что все цыгане темноволосые. На левой скуле у цыганки татуировка в виде птицы, пугающе реалистическая.

– Ну как ты? – заботливо спрашивает Джо. – Может, хочешь домой?

Элис качает головой, пытается сосредоточиться, выдавить улыбку.

– Нет, все в порядке, – говорит она.

Потом смотрит на Джо и удивляется: зачем в этот влажный и жаркий летний вечер он надел пальто?

Тик-так...

Тернер неловко ворочается под грязным одеялом, ощущая во рту металлический привкус крови. Сны сползают с него, как кожа со змеи.

Ему снилось, как сменяют друг друга ночные создания, потом он чуть не дотянулся до руки Джо, но тот растворился в сияющем эфире. Тернер

слабо улыбается запекшимися, покрытыми кровавой коркой губами и снова теряет сознание.

Тик-так...

Тик...

Я уже говорил: Розмари всех нас сделала детьми. Мы бессильны перед ее могуществом, как младенцы. Она упивается нашими ребяческими кошмарами – питается ими. Она ведьма из пряничного домика, великанша, злая королева, голодный волк, чудовище, таящееся в подземелье или в сердце. Это ее защита и единственная радость – превращать нас в детей, скованных детскими страхами и детской верой.

Глядя на нее, небесную подругу, сущность всех снов, сказок, легенд и ужасов, я чувствую восторг, который не могу проанализировать и осмыслить. Я умаляюсь и возвышаюсь. Она смеется, раскручивая волчок, но я сознаю, что наконец готов сразиться с ней. Бегу вдоль нарисованной небесной линии, по идеальному кругу, вращающемуся для меня. Вокруг нарисованные деревья и дома с окнами, нарисованными на красных глухих фасадах. Нарисованные рельсы гудят, приближается шум поезда, подобный реву голодного дракона из-под нарисованной земли. Я слышу этот гул – апофеоз всех чудовищ, – когда Розмари устремляется ко мне. И вдруг она понимает: у нас есть сила, способная ее побороть. Мы дети, мы веруем и своей верой можем ее уничтожить. Детская вера истинна, в ней нет ущербности религиозных догматов, этих темных сказок для взрослых. Детская вера – волшебство и радость. Возьми меня за руки и скажи заклинание...

Тик-так...

Элис вздрагивает. Она не сразу понимает, где находится; в лицо ей дышит ночь.

Она смотрит на Джо, а он ухмыляется по-волчьи и достает из кармана пальто длинный черный нож. На заднем плане крутится карусель размером с детский волчок. Птица на щеке цыганки расправляет крылья и улетает.

Тик-так...

Тик-так...

Элис теряет равновесие, и он наносит удар. Неловкий выпад – нож пронзает ее ладонь. Крик Элис испарывает воздух. Ярмарка кружится, как карусель, сгущаются запахи – кровь, арахис, отвратительный смрад зверинца. Зак тянется к ней, сережка качается в ухе, пальцы смыкаются на шее Элис. Она толкает его, он шатается. В голове царит холодная пустота.

Руки не слушаются, как чужие, когда Элис наконец поднимает пистолет и стреляет.

На секунду время замирает.

Выстрел удивляет ее не меньше, чем Зака. Кажется, что пистолет действует по собственной воле – толкает в плечо, прыгает в руку, словно обозленный кот. Оглушенная Элис видит, что в груди Зака появилась дыра. Он валится назад, дергается в падении, мир растворяется в черноте... Зака лежит на полу. В глазах у Элис туман. И тут появляется Джава – безмолвно, замедленно. В руке у него нож, как узкая тень.

Восторг. Это чуждое слово, будто в сознание случайно залетела чья-то мысль. Джо не сразу понимает, что оно значит, но слово отзывается внутри, и все меняется – резко, как ломается кость. Силуэт Джавы расплывается, кажется то гигантским, то совсем маленьким, нож с узким клинком, подобным тени, рассекает воздух. Джо замечает шприц в собственной руке – он не осознавал, что давно держит его. Приходит осознание реальности. Он снова стал собой, он летит сквозь бурю на волне струнных аккордов, он ученик чародея, управляющий оркестром воющих и кричащих химер. Он ныряет в эту волну, занеся шприц над головой.

Элис очнулась, но слишком поздно – Джава здесь, он душит ее. Она, не глядя, бьет его по голове кулаком, в котором зажат тяжелый пистолет, и удар неожиданно попадает в цель. Джава отпускает жертву. Нож упал на пол, Элис чувствует рукоять под ребрами, но не может достать. Рука Джавы снова сжимает ее горло. Элис изворачивается, хочет укусить противника, смыкает зубы на кисти его руки. Задышавшись, пытается поднять пистолет, но рука онемела от потери крови, обогрившей ее по локоть. Пистолет выскальзывает, скользкий от крови и пота, и падает так, что не дотянуться. Джава усмехается и обхватывает шею Элис обеими руками.

С воодушевлением (в экстазе) я бросаюсь (он бросается) на Розмари. Осколки ее иллюзорного очарования осыпают меня (его), как стекло. Я вырываюсь (мы вырываемся) наконец на свободу из этого замкнутого круга, как белка выпрыгивает из колеса. У нее нет больше власти надо мной (над нами), говорю я себе. Я свободен. Мы свободны. Я тянусь к ним через годы – к тебе, к нему, к моему образу, много раз повторившемуся во времени, как отражение в зеркальном зале. Мы все – Дэниел, юный и старый. Легионы Дэниелов шагают сквозь годы, проходят сквозь нарисованное голубое небо. И тут я вижу тебя. Я знаю тебя. Протягиваю к тебе руку – ведь здесь все возможно. Беру тебя за руку и даю силу и власть, которая принадлежит нам. Это сила и власть света – всего, что умирает и

страдает, любит и жаждет недостижимого. Боже, в этот предвечный священный миг я чувствую себя искупленным и благословенным. Ко мне вернулась полнота веры, которую я оплакивал в последние темные годы. Может быть, на меня действует газ, голод, потрясение – или все-таки благодать, но на долгожданный краткий миг, вопреки Розмари, я ощущаю присутствие Божье. Я борюсь с ночной тварью, очки падают на пол, ботинки давят стекла в пыль. Я сжимаю горло Розмари (у меня в руке шприц), ее шея ломается (шприц пустеет). Не сразу, но чары исчезают, и лицо дочери тьмы предстает перед нами, как оно есть. И тут она обращается ко мне, обещает все сокровища мира и бессмертие. Но уже слабеет, угасает, тает, сворачивается, как кровь. Лик демона становится пылающей розой, чаша сия минует нас.

Давление невыносимо, Элис на волосок от смерти. Из носа течет кровь, в глазах темнеет, правая рука почти парализована. Элис борется с Джавой в расплзающейся луже крови и пыли. В голове только ужас и осколки образов – их и мыслями-то не назовешь. Внезапно Элис чувствует, что противник отступает, что он в панике, и наконец Джава разжимает руки. Элис боится, что не сможет двигаться, но это не так. Она находит нож и поражает Джаву одним ударом под ребра...

Мысли Джо путаются, он потрясенно смотрит на рыжеволосую девушку. В слабом свете из разбитого окна она кажется тенью, волосы – бледное красноватое пятно в суровом монохроме. Шприц торчит прямо под ее яремной веной. Джо хочет вытащить иглу, но девушка поворачивается, чтобы укусить его. Она шипит, ее глаза как безумные белые полумесяцы. Она змеей извивается в руках Джо, царапает его ногтями. Он падает на колени, защищая лицо руками.

Боже правый!

С Джинни что-то происходит – ее лицо кривится и меняется, оно как разбитый кристалл под солнечным лучом. Джо отшатывается от этого зрелища и прислоняется к стене. Он плохо видит после пребывания в темноте, но различает упавшую на колени Джинни – она шипит и полусует ногтями воздух. Джо едва может рассмотреть ее тело, но ему кажется, что из-под оболочки плоти вырывается нечто бесформенное. Джинни разрывает себе лицо, выпуская наружу нечто темное и безжалостное, тянет пальцы, чтобы вложить в сердце Джо отчаяние. Он снова сворачивается в позу эмбриона. Его глаза закрыты, как двери в разум. Под веками расцветают черные цветы, все чувства милосердно уносятся в дальний конец светового тоннеля. Это возвращение в беззвучный мир за гранью

памяти.

«Все, прощайте».

«Подождите».

«Нет, нет, нет».

«Я сказал, подождите».

Это властный голос, и Джо поневоле повинуется, оборачивается в смятении и видит молодого человека примерно тех же лет, что и он. У незнакомца тонкие правильные черты лица и старомодные полукруглые очки.

«Кто вы?»

«Не думайте об этом, выслушайте меня. У меня мало времени».

«Чего вы хотите?»

«Вы должны поджечь дом, убедиться, что он сгорел дотла, а потом спалить тело».

«Джинни... Джинни...»

«Не называйте ее имени, не упоминайте о ней. Вы должны забыть о ней. Никакого погребения, никакой могилы – ничего. Понимаете?»

«Я...»

«Это необыкновенно важно. Вы должны забыть ее. Если не сделаете, как я сказал, призовете ее обратно».

«Я...»

Элис вздрогнула и чуть не упала. Ей показалось, что в странном мерцающем свете в комнате появился какой-то молодой человек в пальто. За толстыми стеклами очков – серые глаза, редящие волосы прикрыты коричневой фетровой шляпой... Но он тут же исчез. Остался только Джо, лежащий на полу рядом с телом Джинни. Рядом валялся разбитый шприц, на белом горле виднелся след от укола и единственная капля крови. Элис трясущимися руками прикоснулась к запястью Джинни, пощупала пульс – его не было. Гулкая пустота моря, шумящего в раковине.

Рядом что-то шевельнулось, и Элис услышала вздох, перешедший в стон:

– Джинни-и...

В мгновение ока она опустилась на колени, приподняла его.

– Джо! С тобой все в порядке?

– Эл?

Джо резко сел. Элис даже через одежду ощутила, какой у него жар. Она решила, это от потрясения.

– Где Джинни?

Он быстро встал, и Элис отметила, что голос у него, как ни странно, спокойный. Наверное, она сама была в шоке, поскольку никаких неприятных ощущений не было. Словно не ее кровь текла по руке и перепачкала весь левый бок.

– Джинни мертва, – произнесла она отстраненно, будто только что очнулась от наркоза.

– Что? – Джо почти не обращал на Элис внимания. Он нежно коснулся лица мертвой девушки. – Джин, вставай. Поднимайся, Джин... Она в обмороке. Тут чем-то пахнет. Обкурено все, что ли? И я вырубился. Джинни!

– Она мертва, – спокойно сказала Элис.

– Джин! Очнись, Джин.

– Джо, я же говорю, она мертва. Ты вколол ей то, что она дала тебе для меня. Она хотела, чтобы ты убил меня.

– Нет!

Он сильнее потряс тело девушки.

– Джинни! – Джо повернулся к Элис. – Она не дышит. Вызови «скорую». Джинни!

Он пытался вдохнуть воздух в безжизненные легкие.

– Джинни! Очнись!

– Не поможет. В шприце был не транквилизатор. Она хотела убить меня.

– Нет! – Он плакал и не оставлял попыток ее откачать. – Постой! Джинни! Я люблю тебя!

Это было последней каплей – не кровь, не потрясение. Даже не облегчение при мысли о том, что все закончилось. Джо, даже теперь вызывающий к Джинни, к Розмари, – вот что заставило Элис потерять самообладание. Она обмякла, и на последнем восклицании «я люблю тебя!» (оно запечатлелось в памяти и терзало острее, чем в реальности) ее стошнило.

Чуть позже она нашла заготовленный Тернером бензин и поняла, для чего он. Несмотря на сырость, дом горел отлично.

Один

Где-то в здании играло радио. Через стены доносилась странная современная музыка. Я пурист – не люблю современный театр, даже джаз мне не нравится. Но эта мелодия, странная, полубезумная, едва слышная за толстой стеной... Она действовала на меня. Низкий голос певца выпевал что-то вроде плача. Я различал слова:

Помни меня, потому что я не умру.
Я в воздухе, которым дышишь ты,
И в каждой частице тебя.

Нет, я никогда такого не слышал. Должно быть, я сам это выдумал.

Вспоминай меня, когда светит солнце.
Я – стекло,
Солнце сияет сквозь меня.

Как странно – мое подсознание говорит со мной на языке рок-музыки.

Помни меня, когда приходит ночь.
Я поселюсь в твоих снах.

За окном идет дождь. Капли часто стучат о стекло, будто отмеряют время. Элис вспоминает про свою чашку и отпивает глоток. Чай остыл. На коленях у нее сидит кошка, аккуратно подобрав под себя лапы. Элис с трудом сосредотачивается и перечитывает письмо, помятое кошкой. К гладкой бумаге пристали пестрые кошачьи шерстинки, и поначалу она видит их отчетливее, чем буквы и слова.

Одна фраза останавливает взгляд, удерживает его почти колдовством: «то, что во мне, помнит...»

«Я никогда ее не забуду. Никогда».

Элис машинально разглаживает письмо. Она знает его почти наизусть, но перечитывает, будто ищет в этих строках некую тайну.

Дорогая Элис!

Похороны будут в Гранчестере, 21 мая. Ничего особенного, но я хотел увериться, что ее не забудут.

Я бы хотел, чтобы ты пришла. Во-первых, это полезно для тебя – думаю, ты увидишь все с правильной точки зрения. Во-вторых, нам нужно поговорить. Не могу поверить в то, о чем ты говорила. Не могу и не хочу верить в такие рассказы о ней. Я люблю Джинни, и она любила меня. Наверное, она была не в себе из-за наркотиков. По результатам расследования я понял: ты права, она действительно хотела устроить тебе передозировку. Вероятно, она знала, что доза в шприце смертельная. Но на суде ничего не всплыло. Они решили, что Джинни просто укололась сама. И я благодарю судьбу хотя бы за это, потому что знаю – она невиновна. Что касается остального, то свои видения я склонен считать наркотической галлюцинацией. Это единственное приемлемое объяснение. Тебе лучше тоже его принять.

Не знаю, как мне жить без нее. Пишу письмо и жду, когда же придет боль, – самое страшное горе лучше, чем нынешнее состояние. Я бросил группу. Потерял всякий интерес и понял, что нечестно тащить за собой на дно остальных, когда у них только-только что-то получилось. Может быть, когда-нибудь я вернусь. Но пока, стоит взять гитару, сразу вспоминаю Джинни.

Элис, ты нужна мне. Ты единственная, кто ее знал и с кем я могу поговорить. Мне нужно узнать о ней все, чтобы она ожила для меня. Не пытайся заставить меня забыть Джинни. Я не могу. Что-то во мне помнит и никогда не забудет ее. Никогда. Она воскреснет во мне, в моих мыслях и мечтах. Боже, иногда я чувствую, что она рядом! Почти касаюсь ее. Пожалуйста, приходи на похороны. Больше никого не будет. Я заказал белые цветы.

Элис прекращает читать.

Мысленно она видит ярмарочное колесо, неподвижное, черное на фоне бледного неба. Элис идет к нему по опустевшей ярмарочной площади; колесо высится над ней, подобно громадному чудовищу. Она рассматривает хитросплетения внутренних механизмов, рыжих от ржавчины и черных от масла, слушает, как перекликаются птицы в блеклом воздухе. Затем раздается скрип, поначалу тихий и слабый, набирающий обороты... внутренности чудовища оживают. Слышен резкий звук, скрежет ржавого металла, шум машин, вращающих мир, как карусель, и удерживающих на месте голубой небосвод. Медленно, но неизбежно, как вера и судьба, колесо начинает вращаться.

Эпилог

Я держалась, сколько могла. Понадобилось много времени, чтобы осознать, где мне нужно быть. Здесь тихо и мирно; каждый день – новый вид покоя. Я сижу у окна, расчесываю волосы на солнце, как Мариана^[21], и думаю: может быть, смерть придет сегодня? Она приходит по утрам – почти нежно, с восходом солнца... Теперь я понимаю Дэниела лучше, чем раньше. Мы, я и Дэниел, помним и знаем, что остается лишь ожидание. Колесо вращается, часы тикают, девушка кружится на карусели снов, снова и снова возвращаясь под то же небо, под которым много лет назад ездил игрушечный паровозик.

Я давно не видела Джо. Кажется, когда он в последний раз навещал меня, его глаза сияли особенно ярко и отчаянно. Словно он обрел надежду.

Бедный Джо. Конечно, он призвал ее. Я помню его на похоронах (да, я пришла – пыталась убедить себя, что мы победили) – с сухими глазами и блуждающим взглядом, с букетом из лилий в руках. Время от времени он нервно стискивал пальцы, оставляя отметины на нежных листьях. Больше никого не было – ни друзей, ни родных, хотя Джинни говорила, что они есть. Ни единого человека. И все же казалось, что весь Гранчестер приветствует ее возвращение – молча, с пониманием и облегчением.

Наверное, тогда Джо и призвал ее – когда уронил истерзанные цветы в могилу и ощутил призывный запах земли. Возможно, Джинни явилась ему под боярышником, вся в белом, как послушница. Порой мне кажется, что он видит ее во мне. Так или иначе, он призвал ее – я уверена в этом не меньше, чем в том, что дышу воздухом. Колесо сделало оборот, она возвращается. Как в той песне: она придет в апреле... Сегодня утром мне почудилось, что я вижу Джинни в зеркале, смотрю в ее глаза под водой. Я и вправду это видела? А Джо – он видел? Она не выпустит добычу. Апрель. Она придет в апреле. Звучит как обещание. То, что внутри ее, помнит... и она придет. Не думаю, что смогу жить, как Дэниел. У меня не хватит сил продержаться так долго. И ради чего? Несмотря на все наши старания, она вернется.

То, что внутри меня, помнит...

Мы помним. И Дэниел, и Роберт, и Джо, и Элис. Мы помним и верим до конца, в одиночестве, как дети в темноте. Вот что она сделала с нами. С каждым из нас.

Апрель. Она придет в апреле.

Я думаю, она придет.

notes

Примечания

Описывается картина Данте Габриэля Россетти «Прозерпина» (1877). «Небесная подруга» (в русском переводе М. Фромана) – стихотворение Россетти, написанное в 1850 г., и его картина на тот же сюжет. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

Легенда о любви короля Кофетуа к нищенке упоминается в нескольких пьесах Шекспира («Ромео и Джульетта», «Бесплодные усилия любви», «Генрих IV») и в английской поэзии того времени; она изложена в стихотворении Альфреда Теннисона «Нищенка». Этому сюжету посвящена картина прерафаэлиты Эдварда Бёрн-Джонса «Король Кофетуа и нищенка» (1884).

Жако Пасториус (1951–1987) – американский бас-гитарист, выдающийся виртуоз. Стал известен в середине 1970-х годов как участник джаз-рок-группы «Weather Report». Рой Харпер (род. 1941) – английский певец, композитор и гитарист.

Артур Рэкхем (1867–1939) – английский художник-иллюстратор.

Кейт Буш (р. 1958) – знаменитая британская рок-певица.

Уильям Моррис (1834–1896) – английский поэт и художник, крупнейший представитель второго поколения прерафаэлитов.

Фулборн – деревня в Кембриджшире, где находится известная психиатрическая лечебница.

Бэкс – парки и лужайки кембриджских колледжей вдоль реки Кэм.

«Корн-Эксчендж» – знаменитый концертный зал в Кембридже.

Шекспир У. Гамлет. Песня Офелии. Перевод М. Лозинского.

Из песни американской певицы Тори Эмос «Strange Little Girl».

Полковник Дэвид Крокетт, более известный как Дэви Крокетт (1786–1836), – американский народный герой, разведчик, охотник, путешественник и политик. В 1950-е годы о нем было снято несколько приключенческих фильмов.

Персонажи классического мультфильма Уолта Диснея.

Перевод Владимира Захарова.

Написанная Фредериком Уильямом Мурманом в 1900 г. баллада была в 1960-х положена на музыку Дэйвом Кедди.

Перевод М. Платовой.

Из стихотворения Россетти «Небесная подруга» в переводе М. Фромана.

Цитата из песни Саймона и Гарфанкела «April Come She Will».

Блаженная Вирджиния (лат.) – отсылка к названию картины Россетти «Beata Beatrix», то есть «Блаженная Беатриса». Поскольку имя Virginia изначально имеет значение «дева», в словосочетании содержится намек на Блаженную Приснодеву (Богоматерь).

Традиционная фраза бармена, требующего разойтись после закрытия паба, и название популярной британской комедии – «Time Gentlemen, Please».

Картина Россетти «Мариана» изображает героиню пьесы Шекспира «Мера за меру», оставленную возлюбленным.